

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГКОУ ВО
УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 69-й годовщине со дня принятия
Всеобщей декларации прав человека

14–15 декабря 2017 года

Часть I

Уфа 2018

УДК 342.7
ББК 67.400.32
А43

Под общей редакцией кандидата юридических наук А. С. Ханахмедова

- А43 **Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина** [Текст] : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 69-й годовщине со дня принятия Всеобщей декларации прав человека, г. Уфа, 14–15 декабря 2017 года : в 5 ч. Ч. I / под общ. ред. А. С. Ханахмедова. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2018. – 144 с.

Редакционная коллегия:

Р. В. Нигматуллин, доктор юридических наук, профессор;
Ю. Х. Яхина, кандидат юридических наук, доцент;
И. М. Агзамов, доктор юридических наук, доцент;
А.Х. Валеев, кандидат юридических наук, доцент;
И. Р. Диваева, кандидат юридических наук, доцент;
В. Л. Линеви́ч, кандидат психологических наук, доцент;
А. Х. Султанов, кандидат исторических наук, доцент;
В. Б. Поезжалов, кандидат юридических наук, доцент;
О. Ю. Хисматуллин, кандидат юридических наук, доцент;
А. Е. Линкевич, кандидат социологических наук;
А. А. Исаев, кандидат философских наук, доцент;
А. З. Минуллин, кандидат биологических наук;
А. Ю. Сабанов, кандидат юридических наук;
А. Ю. Самойлов, кандидат юридических наук, доцент;
О. С. Носков, кандидат юридических наук;
Е. А. Петрова, доктор филологических наук, доцент;
А. Р. Табаков;
С. Н. Курило;
А. Н. Бисярина

ISBN 978-5-7247-0968-2 (ч. I)
ISBN 978-5-7247-0967-5

В материалах конференции отражены теоретические и прикладные аспекты проблем обеспечения прав и свобод человека в России и в современном мире.

Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 342.7
ББК 67.400.32

ISBN 978-5-7247-0968-2 (ч. I)
ISBN 978-5-7247-0967-5

© Уфимский ЮИ МВД России, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ЕНИКЕЕВ З. И. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	5
ХАНАХМЕДОВ А. С. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ.....	12
АЛИЗОДА А. Ш., ХУСЕЙНОВА М. С. К ВОПРОСУ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, ПРИЧАСТНЫХ К НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ.....	17
КАЮМОВ Р. Ф. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	22
РАЯНОВ Ф. М. ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	30
КРЫМОВ А. А., БЕЛЯЕВА Л. И. ВОПРОС О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА НА III МЕЖДУНАРОДНОМ ПЕНИТЕНЦИАРНОМ ФОРУМЕ.....	35
БУКАНОВА Р. Г. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.	42
БАЗАРОВ Р. А. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ.....	47
САМИГУЛЛИН В. К. О КУЛЬТУРЕ МИРА И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИИ	56
ХИСМАТУЛЛИН Р. С. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УКАЗАННЫХ ЛИЦ.....	62
МУРАТШИН Ф. Р. О ВЕРХОВЕНСТВЕ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И ОБ ОБЯЗАННОСТИ КАЖДОГО СОБЛЮДАТЬ ЕЕ НОРМЫ.....	65
КУТУЕВ Э. К. ДОМАШНИЙ АРЕСТ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ....	68

АУБАКИРОВА А. Ж. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ОСНОВНЫХ СВОБОД УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ.....	74
ТАРАСОВ А. А. О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО.....	79
НУРКАЕВА Т. Н., АРТАМОНОВА М. А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СУИЦИДОМ.....	84
МАЛИКОВ Б. З. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХУЛИГАНСТВУ КАК СОЦИАЛЬНОМУ ЯВЛЕНИЮ.....	88
ДАЛЛАКЯН К. А. ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ ТЕРРОРА.....	97
ХРАМОВА К. В. ПРОФИЛАКТИКА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ.....	103
ИСХАКОВ Э. Р. ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ СРЕДИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	111
ГАЙДАЙ М. К. ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ.....	115
РОГОВА Е. В. УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ.....	120
ГАЛИЕВ Ф. Х. ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ СОЦИОНОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	123
АХМЕДОВ Р. М. ПРАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО РАССМОТРЕНИЮ НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ ТРУДОВЫХ ДЕЛ.....	130
ЯКУБИНА Ю. П. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ОСУЖДЁННОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	140

ДОКЛАДЫ

УДК 349.6.02(470+470.57)

Еникеев Зуфар Иргалиевич, доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Создание двухуровневой системы законодательства на руинах жестко централизованного государства объективно сопровождалось довольно большим количеством правовых коллизий, нестыковок, прямых противоречий между федеральными нормативными актами и актами субъектов Федерации. Например, только в 2001 году Прокуратура Российской Федерации опротестовала 78 законов и других актов нормативного характера Республики Башкортостан. Анализ данных протестов позволяет сделать следующие выводы. Многие правовые акты действительно вторгались в компетенцию федерального центра. Объяснение этому явлению лежит, прежде всего, в политической плоскости. Такая практика, следует отметить, явилась ответной реакцией политической элиты Башкортостана на высказывания многих видных политических деятелей России в начале 90-х годов за губернизацию страны. Первоначально Башкортостан на конституционном уровне за собой закрепил довольно большой объем прав и полномочий, который был скорректирован при подписании Приложения к Федеративному договору от Республики Башкортостан и заключении Договора между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан. Например, предусмотренный в Конституции Республики Башкортостан институт амнистии не был отнесен к предмету ведения Республики Башкортостан, и поэтому при внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Башкортостан 3 ноября 2000 года он был исключен из текста Конституции. Все не соответствующие названному Договору положения также были исключены из текста Конституции Республики Башкортостан.

Во-вторых, часть законодательных актов являлись документами переходного периода от административно-командной системы к демократическому обществу. Законодательство Республики Башкортостан в период перехода к рыночной экономике, который сопровождался всеобщей приватизацией, смог предотвратить расхищение государственной собственности Башкортостана и развал экономики. Естественно, законы по ряду своих положений отличались от федеральных. По мере стабилизации экономики

данные законы Республики Башкортостан были приведены в соответствие с федеральным законодательством.

В-третьих, законы Республики Башкортостан, принятые в развитие положений Договора между Российской Федерацией и Республикой Башкортостан, были опротестованы Прокуратурой как противоречащие законодательству Российской Федерации и отменены Государственным Собранием Республики Башкортостан. К таковым относятся следующие законы: «О прокуратуре Республики Башкортостан», «О Верховном Суде Республики Башкортостан», «О Высшем арбитражном суде в Республике Башкортостан», «О статусе судей в Республике Башкортостан», «О международных договорах Республики Башкортостан», «О порядке помилования лиц, осужденных судами Республики Башкортостан», Арбитражный процессуальный кодекс Республики Башкортостан и др.

В-четвертых, эволюция политики федерального центра в сторону унитаризации приводит к тому, что многие положения законодательных актов субъектов Федерации, недавно органично вписывавшиеся в общую правовую систему страны, стали выглядеть как сепаратистские с точки зрения новейшего федерального законодательства. В качестве примера можно привести Федеральный закон «О гражданстве». Данный закон в редакции 1991 года, в отличие от редакции 2001 года, позволял иметь гражданство и республикам.

В-пятых, несогласованность двух законодательных систем возникла в связи с опережающим правотворчеством субъектов Федерации по предметам совместного ведения. До вступления в силу Федерального закона «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»¹ вопрос о наличии или отсутствии у субъекта Федерации права издавать законодательный акт до принятия соответствующего федерального закона по вопросам совместного ведения прямо не был решен в Конституции Российской Федерации и потому считался дискуссионным. Впервые норма (ч. 2 ст. 12) вышеназванного закона юридически закрепила право опережающего правотворчества субъектов Федерации, хотя фактически это явление уже существовало. Нерешенность значительного числа вопросов на федеральном уровне вынуждала субъектов Российской Федерации к самостоятельному правотворчеству. Так, были приняты Законы «О профессиональных союзах в Республике Башкортостан», «О государственной службе в Республике Башкортостан», «О муниципальной службе в Республике Башкортостан», «Об Уполномоченном Республики Башкортостан по правам человека» и др.

¹ О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 24.06.1999 № 119-ФЗ (ред. от 20.05.2002) // СПС «КонсультантПлюс».

Федеральным законом от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» установлено, что до принятия федеральных законов по предметам совместного ведения, а также по вопросам совместного ведения, не урегулированным федеральными законами, законами субъекта Российской Федерации могут устанавливаться не указанные в п. 2 ст. 26.3. полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемые данными органами самостоятельно за счет и в пределах средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), если это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам (п. 5 ст. 26.3).

Вышеназванный федеральный закон регламентирует участие субъектов Российской Федерации в федеральном законодательном процессе. Согласно ст. 26.4. проекты федеральных законов по предметам совместного ведения согласовываются с законодательными (представительными) и высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Такие проекты после их внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) направляются в законодательные (представительные) и высшие исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации для представления ими в Государственную Думу в тридцатидневный срок отзывов на указанные законопроекты. Если законодательные (представительные) и высшие исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации более чем одной трети субъектов Российской Федерации выскажутся против принятия соответствующего федерального закона, по решению Государственной Думы создается согласительная комиссия.

Опыт работы по представлению законопроектов от имени Государственного Собрания Республики Башкортостан в Государственную Думу Российской Федерации подсказывает о необходимости объединения усилий субъектов Федерации в законотворческой деятельности парламента страны. Зачастую большинство депутатов Государственной Думы Российской Федерации отвергают разумные, разработанные в строгом соответствии с Конституцией страны законопроекты по предметам совместного ведения, представленные субъектами Федерации, особенно республиками. В этих условиях учреждение института полномочных представителей законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации в Государственной Думе Российской Федерации, как нам представляется, явилось бы одним из важных шагов по установлению подлинно федеративных отношений в стране.

В-шестых, институт совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72 Конституции Российской Федерации) имманентно вызывает коллизии между двумя уровнями законодательных систем. По данному кругу вопросов Государственной Думой Российской Федерации взят курс на детальное регулирование, не оставляющее субъектам Федерации какую-либо возможность на правотворчество для решения тех или иных вопросов с учетом региональных, экологических, экономических и других особенностей. На многие инициативы субъектов Федерации при регулировании вопросов по предметам совместного ведения приносится протест Прокуратурой, работники которой воспитаны в духе единообразного понимания и восприятия законов. В своих протестах прокуроры добиваются текстуального совпадения законов субъектов Федерации с федеральными законами. К примеру, 5 июля 2001 года прокурором Республики Башкортостан¹ был принесен протест на отдельные нормы закона Республики Башкортостан «Об образовании», в котором он требовал привести текст преамбулы данного закона в соответствие с текстом аналогичного федерального закона, хотя по смыслу оба текста совпадали.

Нередко по протесту прокурора из законов «выплескиваются» те нормы, положения и институты, которые были рецептированы из правовых систем развитых государств и адаптированы к законодательству субъектов. К примеру, из Экологического кодекса Республики Башкортостан по протесту прокурора от 14 апреля 2000 года был исключен институт «воздействия на окружающую среду» (*environ mentim pactstatement*), заимствованный из экологического законодательства США². Данный институт ставит надежный правовой заслон против загрязнения природной среды уже на стадии проектирования технологий, предприятий и тех или иных преобразований. Он показал свою высокую эффективность, и по этой причине данный институт экологического права в настоящее время заимствован почти всеми странами Европы и Японией. Таким образом, приведение под один знаменатель законодательства Российской Федерации и субъектов Федерации не всегда оправдывает себя на практике.

Суды общей юрисдикции также должны быть освобождены от рассмотрения дел о соответствии региональных законов федеральным законам. В случае обнаружения несоответствия регионального закона федеральному, на наш взгляд, суды вправе по принципу конкурирующего законодательства применить тот закон, который лучше защищает (гарантирует) права и свободы гражданина и человека. А если региональный закон принят по предметам исключительного ведения Федерации, суды обязаны применять федеральный закон. Данный подход естественен и по отношению к федеральному закону, если он принят по предметам ведения субъектов Федерации. В таких случаях суды общей юрисдикции вправе инфор-

¹ Текущий архив Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан.

² Там же.

мировать законодательные органы и конституционные (уставные) суды как Федерации, так и субъектов с целью приведения их законов в соответствие с Конституцией Российской Федерации. И, как нам представляется, региональные нормативные акты могут быть объектом оценки с точки зрения соответствия конституциям республик и уставам областей, краев только конституционных (уставных) судов субъектов Федерации.

Безусловно, предварительно необходимо основные законы субъектов приводить в соответствие с принципами, содержащимися в Конституции Федерации.

В целом проблема соотношения федеральной и региональных законодательных систем сегодня имеет важное практическое значение. На данном этапе она может быть решена на уровне отраслевого законодательства. В этом направлении довольно активно работают специалисты в области экологического права. Так, Н. М. Бородавкина, рассматривая вопрос соотношения федерального экологического законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации, считает, что при их формировании «центральное место должна занимать забота о людях»¹.

Э. М. Маликова на основе исследования практики применения федерального и республиканского экологического законодательства приходит к выводу, что «охрана природы осуществляется лучше тогда, когда правоприменительные органы основывают свои решения на республиканских законах, где учтены местные условия. Ориентация же на общероссийские нормативно-правовые акты высокой эффективности не дает»².

Иногда в тексте федерального закона содержится нормативное положение общего характера со специальным указанием на то, что оно может быть конкретизировано и дополнено законодателем субъекта Российской Федерации. В юридической литературе предлагается разделять понятия «конкретизация» и «дополнение» следующим образом. Конкретизация подразумевает развитие уже существующего нормативного положения, более детальное его изложение, закрепление комплекса необходимых мероприятий по реализации предписаний данной нормы, а также определение источников финансирования. Дополнение же – право принятия нормативных решений, которые отсутствуют в федеральном законодательстве, право устанавливать в конкретных регионах дополнительные социальные гарантии и льготы за счет средств местного бюджета, например с целью стимулирования наиболее важных для данного региона отраслей.

Отсутствие четкого разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и ее субъектов, сложившиеся традиции федерализма и механизмы нахождения компро-

¹ Бородавкина Н. М. Правовое регулирование экологических отношений в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1999. С. 16.

² Маликова Э. М. Экологическое законодательство Республики Башкортостан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1995. С. 17.

миссов являются источниками противоречий между законодательными системами Федерации и ее субъектов. При этом необходимо иметь в виду, что федерализм в области правотворчества в России начал свое развитие совсем недавно, равно как и в целом законодательство правового, демократического и федеративного государства, и поэтому законодательство как любой развивающийся объект не может не иметь противоречий.

По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации должны быть приняты федеральные законы либо в виде основ законодательства, либо в виде общих принципов и в соответствии с ними – законы субъектов Федерации. Практически общие принципы и основы законодательства как разновидность федерального закона уже используются (например, приняты Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», «Лесной кодекс Российской Федерации» от 04.12.2006 № 200-ФЗ). Таким образом, по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации наиболее оптимальным все же будет принятие законов в виде общих принципов либо основ законодательства на федеральном уровне, кодексов и законов на уровне субъектов Российской Федерации. Только через такую схему можно сохранить действительно совместную сферу ведения.

Отметим, что в настоящее время принцип консенсуса введен в отношении законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Учитывая тенденцию централизации Российского государства на современном этапе, установление принципа консенсуса в отношении законов по предметам ведения Российской Федерации, на наш взгляд, не представляется возможным в обозримом будущем. Поэтому сейчас представляется целесообразным субъектам Федерации активно работать по предметам совместного ведения и накапливать опыт по совместному правотворчеству.

Проблема совершенствования системы законодательства Республики Башкортостан сводится не только к оптимизации ее соотношения с аналогичным законодательством Российской Федерации, но и к устранению собственной внутренней противоречивости.

Сказанное проиллюстрируем на примере развития экологического законодательства Республики Башкортостан. Практика применения законов в области охраны природы в Республике Башкортостан показывает, что между различными нормативными актами имеются существенные противоречия. Несмотря на обилие уже принятых в Республике Башкортостан нормативно-правовых актов природоохранного назначения, оно еще находится на стадии становления. Для дооформления всего природоохранного законодательства в завершенное единство в Республике Башкортостан, на наш взгляд, необходимо разработать и принять по меньшей мере следую-

щие нормативно-правовые акты: закон «О финансировании природоохранных мероприятий»; закон «О кредитовании и налоговых льготах в области охраны окружающей природной среды»; закон «Об охране природы в сельском хозяйстве»; закон «О зонах чрезвычайной экологической ситуации и экологического бедствия в Республике Башкортостан»; закон «О стратегии выхода Республики Башкортостан из экологического кризиса»; закон «Об одноразовых компенсациях жертвам экологического бедствия»; положение «О государственном контроле за охраной окружающей природной среды и использованием природных ресурсов»; положение «О порядке ведения государственного природного кадастра»; положение «О статистике и порядке информации населения о состоянии окружающей среды» и др.

Всё это показывает, что условием реализации и важнейшим компонентом региональной экологической политики является наличие собственной нормативно-правовой базы регионального уровня. Необходимость ее создания предопределяется обязанностью региональных органов власти обеспечивать экологическое благополучие соответствующих территорий, что невозможно без надлежащей правовой основы.

Таким образом, для создания совершенного, отвечающего современным требованиям природоохранного законодательства Республики Башкортостан необходимо скрупулезно проанализировать каждый принятый закон, а также продуманно подходить к разрабатываемым проектам законов и других нормативно-правовых актов. При этом следует добиваться согласованности нормативно-правовых актов Республики Башкортостан по вертикали с нормативно-правовыми актами Российской Федерации, а также по горизонтали со всеми другими правовыми актами Республики Башкортостан, действующими на данный момент. Сказанное относится и к другим отраслевым законодательным системам Республики Башкортостан. Объем компетенции органов власти регионального уровня по регулированию экологических отношений прямо зависит от федеративной политики государства, подверженной в последние годы динамичным изменениям.

Для дальнейшего совершенствования системы законодательства Республики Башкортостан необходимо организовать соответствующие научные исследования.

Только в соединении усилий научных и практических работников в области права и законодательной деятельности Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан можно будет принять отвечающие требованиям практики и безупречные в правовом отношении нормативные акты.

© Еникеев З. И.

Ханахмедов Алексей Сефединович,
кандидат юридических наук, начальник
Уфимского юридического ин-
ститута МВД России, г. Уфа, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Проблема преступности несовершеннолетних всегда актуальна и достаточно специфична, поскольку это касается будущего подрастающего поколения. От того, как решаются на современном этапе вопросы предупреждения и профилактики преступности несовершеннолетних, во многом зависят не только состояние и тенденции преступности в целом, но и нравственный климат в обществе.

В России ежегодно регистрируется в среднем около 56 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии. Их удельный вес в общем числе всех регистрируемых преступлений составляет около 3 %. Приблизительно каждое двадцатое расследованное преступление совершено несовершеннолетними или при их соучастии. Динамика преступности несовершеннолетних проявляется в тенденции к снижению числа совершенных преступлений: с 67 225 (в 2013 г.) до 45 288 (в 2017 г.), т. е. на 21 937 преступлений меньше¹.

Для определения структуры преступности несовершеннолетних в зависимости от степени тяжести совершаемых ими преступлений рассмотрим количество предварительно расследованных тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии в Российской Федерации: в 2013 г. – 12 877 (19 % – удельный вес среди всех предварительно расследованных преступлений); в 2014 г. – 12 009 (20 %); в 2015 г. – 11 169 (18 %); в 2016 г. – 9905 (18 %); в январе – июле 2017 г. – 4516 (19 %)².

Предварительно расследовано особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии в Российской Федерации: в 2013 г. – 1757 (2,6 % – удельный вес среди всех предварительно расследованных преступлений); в 2014 г. – 1777 (3%); в 2015 г. – 2142 (3,5 %); в 2016 г. – 1632 (3 %); в январе – июль 2017 г. – 950 (4 %).

¹ См.: Состояние преступности в России за 2012 г., 2013 г., 2014 г., 2015 г., 2016 г., 2017 г. Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс] URL:// <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 08.01.2018).

² См.: Показатели преступности в России [Электронный ресурс] Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации URL: // www.crimestat.ru (дата обращения: 04.01.2018).

На основании анализа имеющихся данных представляется возможным определить следующие тенденции преступности несовершеннолетних в обозначенной ее части:

- несовершеннолетними совершается ежегодно относительно стабильное число тяжких и особо тяжких преступлений (около 13 тысяч);
- число особо тяжких преступлений колеблется в пределах 2 тысяч (за исключением 2015 года);
- в структуре преступности несовершеннолетних большую часть составляют преступления небольшой и средней тяжести.

К основным детерминантам преступности несовершеннолетних следует отнести: конфликт между личными потребностями и отсутствием возможностей их удовлетворения, в результате чего у них возникают агрессивность, жестокость, раздражительность; отсутствие на начальном этапе социализации доступа к «социальным лифтам» – легальным способам улучшения своего социального положения в обществе; насилие в семье; влияние криминальной субкультуры; наличие психических отклонений; недостатки в деятельности субъектов профилактики.

Для несовершеннолетних характерны такие специфические мотивы преступлений, как самоутверждение в группе сверстников, «лжетоварищество», «псевдоромантизм», «запретность плода», «враждебность к чужим». Несовершеннолетний преступник – это лицо, обладающее привычками, склонностями, устойчивыми стереотипами антиобщественного поведения. Случайно совершают преступления из них единицы. Для большинства характерны: сквернословие, появление в нетрезвом виде, приставание к гражданам, порча общественного имущества и т. д.; пристрастие к спиртным напиткам, к наркотикам, участие в азартных играх; бродяжничество, систематические побеги из дома, учебно-воспитательных и иных учреждений; ранние половые связи; систематическое проявление, в том числе и в бесконфликтных ситуациях, злобности, мстительности, грубости, актов насильственного поведения; культивирование вражды к иным несовершеннолетним, отличающимся успехами в учебе, дисциплинированным поведением.

Следует отметить, что не всегда позитивную роль в формировании личности несовершеннолетнего играют аудио- и видеопродукция, компьютерные игры и средства массовой информации. Это деструктивно влияет на психику подростка, способствует нарушению эмоционально-волевой сферы, развитию психических расстройств, формированию девиантного поведения.

Исследования показывают, что для многих несовершеннолетних, вставших на преступный путь, характерна деформация социальных позиций, присущих их возрасту, в первую очередь связанная с тем, что детям в семьях не обеспечивается любовь и эмоциональное тепло в отношениях. Агрессивные дети, как правило, вырастают в семьях, где мало интересуются развитием детей, дистанция между детьми и родителями огромна, не

хватает тепла и ласки, отношение к проявлениям детской агрессии безразличное или снисходительное, в качестве дисциплинарных воздействий вместо заботы и терпеливого объяснения родители предпочитают силовые методы, особенно физическое наказание.

Именно в лоне семьи ребенок проходит первичную социализацию. На примере взаимоотношений между членами семьи он учится взаимодействовать с другими людьми, обучается поведению и формам отношений, которые сохранятся у него в подростковом периоде и в зрелые годы.

Исследование семей несовершеннолетних преступников показывает, что в них имеют место семейные разлады, пьянство, драки, скандалы. Все это не только затрудняет воспитание в подобных семьях, но и ослабляет, а то и полностью нейтрализует положительное влияние школы, училища, рабочих коллективов. Чаще всего результатом является вступление несовершеннолетнего на ложный жизненный путь.

Существенный вред воспитанию детей наносит пренебрежительное отношение членов семьи, и в первую очередь родителей, к труду и другим важным гражданским обязанностям, например, к участию в общественной деятельности. Такая позиция затрудняет формирование у молодежи общественно полезных взглядов, привычек и убеждений. Весьма трудно, а подчас и невозможно воспитать у ребенка любовь к труду, если он не наблюдает ее в семье¹.

Негативную роль играет правовой и нравственный вакуум в сознании ребенка в связи с отсутствием соответствующего воспитания, начиная с детского сада. Они, как правило, в своих действиях и помыслах предоставлены самим себе и потому легко поддаются любому постороннему внушению.

Социально-экономические и политические события последних лет оказали исключительно негативное влияние на положение большинства семей. Все это резко отрицательно сказалось, прежде всего, на положении детей. Остро стоят проблемы социального сиротства, здоровья детского населения, девиантного поведения подростков, увеличения числа детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, оказавшихся в зонах вооруженных конфликтов². Нахождение многих многодетных семей за гранью бедности часто становится причиной появления несовершеннолетних преступников, совершающих или участвующих в совершении корыстных преступлений.

Особую тревогу вызывает подростковая наркомания, которая представляет серьезную угрозу физическому, психическому и нравственному здоровью нации. Наркотизация несовершеннолетних – процесс, детермини-

¹ Преступность несовершеннолетних в Рязанской области: состояние и проблемы противодействия: научно-аналитический обзор / под ред. к.ю.н. Д. Н. Архипова. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2012. С. 23–24.

² ООН – универсальный центр координации по поощрению защиты прав и свобод человека: коллективная монография / под ред. А. Х. Абашидзе, Р. В. Нигматуллина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. С. 21.

рующий общую амортизацию и деградацию личности, деформацию ее ценностных ориентаций и нравственных установок¹. Употребление детьми и молодежью психоактивных веществ превратилось в серьезную социальную, педагогическую и медицинскую проблему. Наркомания приводит к тяжелым психическим, личностным и поведенческим расстройствам; уходу из образовательных учреждений; бродяжничеству; различным формам сексуально-девиантного поведения; заражению гепатитом, СПИДом и иными заболеваниями; административным правонарушениям и преступлениям.

Тревожная картина, связанная с поведением несовершеннолетних, дополняется сегодня молодежным экстремизмом, проявляющимся в ряде случаев с 14-летнего возраста. Рассматривая проблемы, связанные с преступлениями несовершеннолетних, М. А. Пестрецов справедливо пишет: «В современных условиях наблюдается явный недостаток воспитательных воздействий на личность молодого человека, а также мер просветительского характера о национальных, культурных, конфессиональных и прочих особенностях народов страны»².

Некоторые авторы отмечают, что есть категория детей с экстремистской психологией, «олицетворяющей полную невоспитанность, ненавидящих существующий общественный порядок и само общество со дня своего появления в этом обществе и требующих перемен с появлением первых мыслей в их головах»³. Эта категория подростков особенно подвергнута опасности вовлечения в любые преступные организации от политического до религиозного толка. Поэтому они более всего нуждаются в пристальном внимании в плане их правового воспитания и приобщения к общественно полезной деятельности не только со стороны семьи, но и со стороны общественных организаций и государства.

Полагаем, что недостатки и просчеты семейного воспитания могут и должны в какой-то мере компенсироваться учебными заведениями, в первую очередь школой.

Первичную коррекцию поведения детей призваны осуществлять дошкольные учреждения. Однако они далеко не всегда готовы к этому в силу как объективных, так и субъективных причин. Школы, гимназии, лицеи, профессиональные училища по-прежнему слабо ориентированы на воспитывающее обучение. К недостаткам школы, в частности, относятся: несовершенство учебных программ; слабая материальная база; недостаток или низкая квалификация педагогических кадров.

¹ Преступность несовершеннолетних в Рязанской области: состояние и проблемы противодействия: научно-аналитический обзор / под ред. к.ю.н. Д. Н. Архипова. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России, 2012. С. 6–7.

² Пестрецов М. А. Особенности проявления молодежного экстремизма и меры противодействия // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: монография. Симферополь, 2015. С. 278.

³ Дударь О. Г., Дударь А. И., Хусаинов Т. М. Детерминанты экстремизма в России // Педагогика и просвещение. 2014. № 3. С. 50.

В результате детям и подросткам не прививаются необходимые навыки правильной самооценки поведения, не вырабатываются и не закрепляются установки против антиобщественных влияний неблагоприятных или сложных жизненных ситуаций. Педагоги нередко допускают различного рода ошибки, приводящие к конфликтам с учащимися. В итоге некоторые из них замыкаются в себе, становятся аутсайдерами школьного коллектива и, как следствие, членами какой-либо неформальной группы или объединения, в том числе и антиобщественной направленности.

К сожалению, не достигнут необходимый уровень взаимодействия между учебными заведениями и родителями, что также отрицательно сказывается на формировании и воспитании детей и подростков. Также не всегда эффективно учебные заведения взаимодействуют с подразделениями по профилактике правонарушений несовершеннолетних и комиссиями по делам несовершеннолетних и их защите.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что причины и условия преступности несовершеннолетних требуют пристального внимания государства.

Представляется, что деятельность территориальных органов внутренних дел, направленная на предупреждение преступлений несовершеннолетних, должна включать:

- регулярную организацию оперативно-поисковых и надзорно-профилактических операций в районах со сложной криминогенной обстановкой;
- проведение совместной работы образовательных организаций МВД и территориальных органов внутренних дел по созданию школьных инспекторов полиции, привлечению в качестве школьных инспекторов курсантов старших курсов образовательных организаций МВД России;
- воссоздание в территориальных отделах полиции специальных детских комнат, ориентированных на защиту подростка от негативного влияния взрослых правонарушителей;
- организацию специализированной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел для проведения целенаправленной работы с несовершеннолетними, склонными к совершению тяжких насильственных преступлений.

Выводы из всего сказанного могут быть следующие:

- противодействие преступности несовершеннолетних должно выражаться в ранней профилактике детской преступности. Это – своевременное и неформальное воспитание ребенка в семье, в детском саду и в школе. Несмотря на то что данный вывод лежит на поверхности, он во многом не обеспечивается исполнением;
- организовать в школах правовое воспитание, в том числе с изучением истории народов, проживающих на территории России, их обычаев, традиций и культуры, роли и значения законов и деятельности правоохрани-

нительных органов в жизни общества, отношения людей к животным, природе и др.;

- проводить работу по дефеминизации образовательных организаций;
- совершенствовать процедуру трудоустройства несовершеннолетних, в том числе и на региональном уровне;

- использовать возможности общественных организаций, церкви, мечети и т. д. в целях развития у несовершеннолетних навыков взаимодействия с представителями различных этнических групп и религиозных организаций, приобретения ими религиозной грамотности;

- развивать систему организации досуга подростков, в первую очередь за счет физкультурно-массовой и спортивной работы.

Необходимо предусмотреть в региональных целевых программах предупреждения преступности несовершеннолетних специальные мероприятия, относящиеся к сельской местности¹.

© Ханахмедов А. С.

УДК 343.976(575.3)

Ализода Алиджон Шариф, кандидат юридических наук, начальник факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан;

Хусейнова Мижгона Собировна, старший преподаватель кафедры права Высшего пограничного института Государственного комитета национальной безопасности Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

К ВОПРОСУ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, ПРИЧАСТНЫХ К НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Проблема распространения наркотиков среди населения нашей республики, как, впрочем, и в регионе в целом, превратилась в одну из самых серьезных и угрожающих национальной безопасности государства. Между тем сложная наркоситуация в республике создает реальную угрозу ценностям общества и нравственным ориентирам самого преступника. Общест-

¹ Ханахмедов А. С. Криминологическая характеристика и предупреждение тяжкой насильственной преступности несовершеннолетних: региональный аспект: (по материалам Рязанской области): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

венная опасность наркомании состоит в том, что она причиняет вред здоровью потребителей наркотиков, ведет к их физической, интеллектуальной и моральной деградации, к утрате общественно полезных связей. Лечение наркоманов, особенно запоздалое, дает малоутешительные результаты. По мнению исследователей данной проблемы, медицинская помощь оказывается лишь 25 % из числа выявленных и поставленных на учет наркоманов. Практика показывает, что после пройденного курса лечения 90 % из них вновь начинает употреблять наркотики.

Необходимо отметить, что наркомания представляет собой болезненное пристрастие к потреблению наркотических средств, приводящее к неодолимому желанию вновь и вновь оказаться в состоянии наркотического опьянения. При этом для достижения желаемой степени опьянения с каждым разом требуется все большая доза наркотических веществ.

Анализ диспансерных данных показывает, что большая часть наркозависимых являются жителями городов. Самое большое их количество приходится на г. Душанбе и составляет 2 654 человека (38 % от общего количества). В других городах и районах страны зарегистрировано следующее количество наркозависимых: Куляб – 548 человек (7,8 %), Хорог – 369 человек (5,2 %), Худжанд – 372 человека (5,3 %), Курган-Тюбе – 201 человек (2,8 %), Гиссар – 302 человека (4,3 %), Вахдат – 151 человек (2,1 %), Турсунзаде – 122 человека (1,7 %), Пянджикент – 201 человек (2,8 %), Шугнан – 204 человека (2,9 %) и Рудаки – 349 человек (4,9 %).

В 2016 г., по сравнению с 2015 г., по всем видам наркотических средств наблюдалось снижение количества состоящих на диспансерном учете, наркозависимых, потребляющих определенный вид наркотика. Количество потребителей героина снизилось на 177 человек (3 %), опиия – на 27 (3,5 %), наркотиков каннабисной группы – на 1 (0,3 %), потребителей разных видов наркотиков (полинаркомания) – на 41 человек (11,5 %)¹.

Постоянное потребление наркотиков ведет к изменению личности. Наркоманы становятся озлобленными, агрессивными, внутренне не управляемыми, лишенными необходимого самоконтроля, готовыми на любые корыстно-насильственные преступления ради получения наркотических средств. Они как бы находятся в опасном для общества состоянии, создавая криминогенную базу, способную в любой момент породить преступления.

Немедицинское потребление наркотиков частью общества неотвратимо порождает антиобщественный, преступный слой людей, которые своим основным занятием считают обеспечение наркоманов-потребителей нужными для них веществами. Естественно, что спрос рождает и предложение. Поэтому появляются люди, занимающиеся преступной деятельностью, связанной с оборотом наркотических средств.

¹ Обзор Наркоситуации Республики Таджикистан за 2016 год.

Согласно Всемирному докладу Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) от 23 июня 2016 года в 2014 году каждый двадцатый взрослый принимал хотя бы какой-нибудь наркотик – в совокупности четверть миллиарда человек в возрасте от 15 до 64 лет употребляли один из видов наркотических веществ. Несмотря на значительность этого показателя, за последние четыре года он, похоже, не увеличился относительно численности мирового населения. Тем не менее потребление наркотиков по-прежнему оказывает разрушительное воздействие на здоровье людей: по оценкам, более 29 млн человек, употребляющих наркотики, страдают в результате этого различными расстройствами, в это число входят 12 млн человек, употребляющих наркотики путем инъекций (ЛНИ), из которых 14 процентов живут с ВИЧ.

Всемирный доклад о наркотиках 2016 года публикуется по завершении знаменательного события в истории глобальной политики в отношении наркотиков – специальной сессии Генеральной Ассамблеи по мировой проблеме наркотиков, результатом которой стал ряд конкретных оперативных рекомендаций. Они коллективно направлены на обеспечение долгосрочных, устойчивых, нацеленных на развитие и сбалансированных политики и программ в области контроля над наркотиками. Как отметил исполнительный директор УНП ООН, это крайне важно, чтобы международное сообщество предприняло совместные усилия для выполнения обязательств, принятых на специальной сессии Генеральной Ассамблеи, и Всемирный доклад по наркотикам становится важным средством в решении этой задачи, предоставляя комплексный обзор основных событий на рынках запрещенных наркотиков, путей доставки наркотиков и воздействия употребления наркотиков на здоровье человека.

В настоящее время отмечается стабильный рост числа лиц, втянутых в незаконный оборот наркотиков. Низкие доходы значительной части населения республики, безработица формируют качественно новый тип личности преступника – лицо, совершающее преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Криминологическая характеристика личности преступников, совершивших незаконный оборот наркотических средств, определяется как «совокупность социально значимых свойств, признаков, отношений, связей, характеризующих лицо, совершившее преступление, и влияющих, наряду с другими признаками, на общественно опасное поведение»¹.

В совокупности признаки, характеризующие личность лица, совершившего незаконный оборот наркотических средств, образуют структуру этой личности, которая, в свою очередь, подразделяется на подструктуры:

¹ Учебно-методические материалы по «Криминологии» для слушателей факультета № 2 Академии МВД СССР. М., 1988. С. 55.

1) социально-демографические (социальное происхождение и положение, семейное положение, уровень материальной обеспеченности, национальная принадлежность, пол, возраст и т. д.);

2) культурно-образовательная (знания, умения, уровень образования, профессиональные навыки и т. д.);

3) нравственные (взгляды, интересы, потребности, ориентация и т. д.);

4) психологическая (эмоции, воля и т. д.);

5) уголовно-правовая (наличие или отсутствие судимости, виды и количество совершенных преступлений и т. д.)¹.

Изучение криминологической характеристики личности лица, совершившего преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, осуществляется главным образом для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение, в целях его профилактики, в том числе повторного при исправлении осужденных, где и проявляется единство трех узловых криминологических проблем:

а) личности преступника;

б) причин и механизма преступного поведения;

в) профилактики преступлений.

По утверждению Ю. М. Антоняна, «Личность преступника является центральной проблемой, поскольку ее криминологические особенности первичны и являются причиной преступных действий, а посему должны быть объектом профилактических усилий. Это отнюдь не означает игнорирование внешних социальных факторов. Во-первых, криминогенные черты личности формируются под воздействием названных факторов. Однако «закрепленные» в личности, они превращаются в самостоятельную силу. Во-вторых, совершению преступления могут способствовать, даже провоцировать на него ситуационные обстоятельства, внешняя среда»².

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что в механизме индивидуального преступного поведения личность преступника играет ведущую роль по отношению к внешним факторам. В связи с чем совершение преступления следует рассматривать как результат простого взаимодействия личности с конкретной жизненной ситуацией, так как преступление есть следствие реализации криминогенных особенностей личности, которая взаимодействует с ситуативными факторами.

Также необходимо принять во внимание и возраст лица, совершившего преступление, связанного с незаконным оборотом наркотических средств. Разумеется, сам возраст не может быть причиной преступлений, однако возрастные особенности определенных периодов жизни способствуют формированию негативных сдвигов в психологии людей. Например,

¹ Учебно-методические материалы по «Криминологии» для слушателей факультета № 2 Академии МВД СССР. М., 1988. С. 55.

² Антонян Ю. М. Криминология: избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 76.

наибольшее количество сложных жизненных ситуаций и конфликтов выпадает на долю молодого возраста.

В зависимости от возраста людям свойственен определенный тип поведения. В молодом возрасте люди обычно менее сдержанны, быстрее принимают решения, часто не задумываясь о последствиях. Подтверждением этому служат довольно высокие показатели роста преступности в молодежной среде. По-иному действуют лица среднего и старшего возраста, их поведение строится на основе жизненного опыта и обдуманных решений.

Во всемирном докладе отмечается, что мужчины в целом в три раза чаще, чем женщины, потребляют каннабис, кокаин или амфетамины, в то время как женщины чаще, чем мужчины, приобщаются к немедицинскому потреблению опиоидов и транквилизаторов. Гендерные различия в потреблении наркотиков объясняются, скорее, возможностями их употребления в определенной среде, чем различиями в степени восприимчивости или уязвимости мужчин и женщин к потреблению наркотиков. С учетом того факта, что потребителями некоторых видов наркотиков являются преимущественно мужчины, влияние употребления наркотиков на женщин больше, чем на мужчин, потому что существует нехватка непрерывного ухода за наркозависимыми. В условиях семьи жены и дети наркозависимых часто подвергаются насилию¹.

Существенным элементом в личности лица, совершившего преступление с незаконным оборотом наркотических средств, является также и характеристика его образовательного уровня. Хотя наличие высокого интеллектуального уровня еще не гарантирует отсутствие противоправных наклонностей, однако, как показывает опыт, образование оказывает заметное влияние на формирование личности и его дальнейшее поведение. В целом криминологические исследования свидетельствуют, что образовательный уровень лиц, совершивших или совершающих данное преступление выше, чем у тех лиц, которые употребляют наркотики.

Принимая во внимание рассмотренные выше личностные свойства и качества, можно сформулировать криминологический портрет лица, совершившего преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств:

а) большинство лиц, совершивших данные преступления, являются лицами мужского пола;

б) основную массу данных преступлений совершают лица молодежного возраста от 18 до 35 лет;

в) львиную долю лиц, совершивших эти преступления, составляют граждане в возрасте свыше 50 лет;

¹Всемирный доклад Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) от 23 июня 2016 года // СПС «КонсультантПлюс».

г) граждане без постоянного источника дохода занимают доминирующее положение в общей структуре лиц, совершающих аналогичное преступление.

С учетом изложенного, по нашему мнению, структура характеристики личности преступника-наркомана включает в себя следующие основные элементы:

а) сведения социально-демографического характера (пол, возраст, образование, семейное положение);

б) сведения социально-психологического характера. К ним относятся: поза, походка, темперамент, умения, навыки, привычки, установки, а также данные об особенностях протекания психических процессов, состояниях подозреваемого, детерминированных употреблением наркотических средств;

в) сведения об употреблении наркотических средств (период, вид наркотика, лечение и его эффективность);

г) сведения, характеризующие подозреваемого по месту жительства и месту работы (поведение, трудовая и общественная деятельность и т. д.);

д) сведения правового характера (прежние судимости, административные правонарушения, применение принудительных мер медицинского характера).

Таким образом, изучение личности лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, необходимо для раскрытия механизма преступного поведения, определения причин преступности и мер ее предупреждения, установления оснований и границ уголовной ответственности, условий назначения наказаний.

© Ализода А. Ш.

© Хусейнова М. С.

УДК 342.734-056.24(470.57)

Каюмов Рим Фидаевич, Уполномоченный по правам человека в Республике Башкортостан, г. Уфа, Россия

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Одной из актуальных проблем нашего общества является социальная реабилитация лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Конституция закрепляет, что Российская Федерация является социальным государством, главная задача которого – достижение такого общественного развития, которое основывается на закреплённых правом прин-

циях социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. В социальном государстве право на достойную жизнь и свободное развитие гарантируется каждому независимо от его способности участвовать в общественно полезном труде. Если человек в силу возраста, состояния здоровья или по другим, не зависящим от него причинам, трудиться не может и не имеет дохода для обеспечения прожиточного минимума себе и своей семье, он вправе рассчитывать на получение соответствующей помощи, материальной поддержки со стороны государства и общества.

Инвалидность представляет собой социальное явление, избежать которого не может ни одно общество, и каждое государство сообразно уровню своего развития, приоритетам и возможностям формирует социальную и экономическую политику в отношении инвалидов.

Социальная реабилитация, интеграция в общество и полноценная занятость инвалидов – это один из показателей стабильного, благополучного и процветающего государства.

На сегодняшний день внимание общества и органов власти республики, как никогда ранее, направлено на поддержку этой категории людей. Осуществляются необходимые меры для обеспечения таких граждан вниманием и заботой: это и пособия, и различные программы, имеющие своей целью установление необходимого баланса для комфортной жизнедеятельности и стирания существующих границ между здоровым населением и теми гражданами, которые, увы, по рождению или ввиду стечения обстоятельств лишены возможности быть такими, как все.

В соответствии с Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» меры социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг были предоставлены более 250 тыс. инвалидов на сумму свыше 2,4 млрд рублей, реализуется целевая программа «Доступная среда», в рамках которой приняты меры по созданию условий для профессионального образования инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья на базе профессиональной образовательной организации республики. Установлена квота для трудоустройства инвалидов в количестве более 8,4 тысяч рабочих мест.

Несмотря на имеющиеся достижения в области социальной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья, следует отметить, что некоторые немаловажные для инвалидов вопросы остаются нерешенными в силу объективных причин. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

В настоящее время в России проживает около 12,5 млн (8 % населения) официально зарегистрированных инвалидов и еще почти 600 тысяч детей-инвалидов. В Республике Башкортостан проживает более 290 тыс. инвалидов, из них свыше 13 тыс. детей. В минувшем году впервые были признаны инвалидами более 18,5 тысяч человек.

Вместе с тем указанные данные не в полной мере отражают реальное количество граждан указанной категории, поскольку многие из них по объективным или субъективным причинам не обращаются или не могут обращаться в соответствующие службы. В наиболее сложной ситуации оказываются люди с ограниченными возможностями, проживающие в сельской местности. Из-за недостаточного материального обеспечения, транспортных трудностей, правовой безграмотности нуждающиеся не могут самостоятельно получить статус инвалида и воспользоваться правом на льготы и социальную защиту.

В ходе реализации мероприятий по содействию трудоустройству незанятых инвалидов возникают трудности, связанные с оборудованием рабочих мест с учетом индивидуальных особенностей и индивидуальной программы реабилитации. Многие инвалиды трудятся на предприятиях, где предлагают неквалифицированную, низкооплачиваемую работу либо числятся формально.

Некоторые работодатели апеллируют аргументами, исключающими возможность приема на работу инвалида, ссылаясь на вредное производство, сокращение штата и другие причины. Невольно напрашивается вывод о том, что работник-инвалид зачастую предстает как субъект, тормозящий трудовой процесс. Однако в большинстве случаев это заблуждение: при правильной организации труда инвалиды являются ценными и эффективными специалистами.

В ОАО «Уфимское моторостроительное производственное объединение» на протяжении 89 лет трудятся глухонемые специалисты. Организацию их труда обеспечивают штатные инструкторы-переводчики, благодаря которым инвалиды по слуху успешно работают по различным специальностям, а также решают пенсионные, юридические, медицинские и бытовые вопросы. Объединение является крупнейшим предприятием, которое на практике доказало, что люди с особенностями при правильной организации труда востребованы и ценны как специалисты.

В настоящее время совместно с общественными помощниками Уполномоченного в городах и районах проводятся повторные проверки соблюдения прав инвалидов на доступную среду жизнедеятельности.

Проведенный мониторинг показывает, что министерствами и ведомствами, администрациями городских округов, муниципальных районов проделана значительная работа и приняты меры по созданию условий для инвалидов.

Министерством семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан за последние годы проведена комплексная работа по устранению нарушений прав пожилых граждан и инвалидов, проживающих в домах-интернатах, выявленных Уполномоченным в предыдущие годы.

Многие престарелые люди поступают в дома-интернаты в слабом физическом и психологическом состоянии. Благодаря курсу лечения, полноценному питанию и реабилитации, а также оказываемому вниманию и заботе со стороны персонала большинство опекаемых граждан улучшают свое здоровье.

Главные проблемы, с которыми сталкиваются пожилые люди, это не востребуемость, дефицит общения, невозможность в полной мере реализовать жизненный потенциал. Ослабление семейных и родственных связей становится одной из причин увеличения числа одиноко проживающих граждан. Многие из них после перенесенных заболеваний испытывают трудности, связанные с передвижением и самообслуживанием, при этом осуществлять уход за ними некому. Самое печальное в подобных ситуациях – это отсутствие желания со стороны родственников оказывать помощь своим близким. Видимо, они, помня о своих правах, забывают о своих обязанностях.

Единственным выходом из создавшегося положения является устройство пожилых людей в стационарные социальные учреждения.

Однако жизненные ситуации, о которых сообщают Уполномоченному, свидетельствуют о трудностях, препятствующих помещению граждан в дома для престарелых; это недостижение на момент развития событий 60-летнего возраста, что не позволяет отнести их к категории пожилых, а также отсутствие инвалидности. При этом самостоятельно оформить инвалидность одиноким людям порой не представляется возможным, так как установление инвалидности носит заявительный характер и предполагает личное обращение в бюро медико-социальной экспертизы.

Здесь мы видим, что в случае возникновения таких ситуаций в отношении людей любого возраста шансов на спасение остается мало, в беду может попасть абсолютно каждый из нас независимо от возраста и наличия инвалидности.

Но жизнь есть жизнь, к сожалению, подобные случаи встречаются, и поэтому органам местного самоуправления необходимо активно включаться в решение проблем граждан. Своевременная профилактика таких ситуаций, содействие в оформлении инвалидности, оказание социального обслуживания на дому, при необходимости помещение в социальные учреждения способны удержать людей над краем пропасти и уберечь от негативных последствий.

К Уполномоченному обратились жители Кармаскалинского района в интересах своего соседа гр-на Г., оказавшегося в трудной жизненной ситуации: в результате перенесенного инсульта он испытывал трудности в передвижении и самообслуживании; проживал один в частном доме без отопления и элементарных бытовых условий; детьми был брошен на произвол судьбы.

Только после личного выезда Уполномоченного к месту проживания одинокого пенсионера и оперативного реагирования на сообщение о данном нарушении прав, Министерством здравоохранения, Министерством труда и социальной защиты населения, Бюро медико-социальной экспертизы гражданин был госпитализирован, и выездным освидетельствованием ему была установлена инвалидность. В настоящее время он находится в государственном автономном учреждении социального обслуживания населения «Дом-интернат для престарелых и инвалидов» и обеспечен всем необходимым.

Посещениями установлено, что вместе с пожилыми и инвалидами, которые в состоянии себя обслуживать, проживают тяжелобольные люди, нуждающиеся в специализированном хосписном уходе. Данная проблема ежегодно поднимается Уполномоченным, поскольку вопросы оказания хосписной помощи в республике приобретают особую актуальность у пациентов пожилого и старческого возраста. Именно эта категория больных является наиболее социально незащищенной и требует оказания особых форм социальной защиты и медицинской помощи.

В производстве Уполномоченного по правам человека в РБ находится ходатайство гр. С., освободившегося от дальнейшего отбывания наказания в связи с наступлением тяжелой болезни и в настоящее время находящегося на стационарном лечении, об оказании содействия в паспортизации.

Из содержания обращения усматривается, что в связи с утратой документов он обращался в администрацию исправительного учреждения с ходатайством о паспортизации, однако его проблема не была решена. В настоящее время гр. С. в связи с характером заболевания прикован к постели, жилья и родственников, способных помочь ему оформить паспорт, по его данным, не имеет.

В настоящее время совместно с Министерством семьи, труда и социальной защиты населения, Министерством здравоохранения Республики Башкортостан проводятся мероприятия с целью определения инвалидности, для дальнейшего устройства заявителя в стационарное учреждение социального обслуживания.

В особой защите и поддержке государства нуждаются люди, страдающие хроническими болезнями почек и редкими (орфанными) заболеваниями.

В мире более 500 миллионов человек живет с почечными заболеваниями, эта цифра увеличивается в среднем на 6 % в год. В России людей, страдающих заболеваниями почек на разных стадиях, не менее 15 млн человек. Традиционно принято считать, что ХБП (хроническая болезнь почек) – болезнь людей пожилого возраста, развивающаяся после 50 лет. В России же основную группу больных составляют молодые люди от 30 до 40 лет. Ежегодно хроническая болезнь почек в Российской Федерации ста-

новится причиной инвалидности 41,5 тыс. человек, 85 % из которых находятся в трудоспособном возрасте.

Основной проблемой ХБП в нашей стране является отсутствие ее своевременной, ранней диагностики врачами первичного звена.

Основной метод заместительной почечной терапии – диализные процедуры. Именно они обеспечивают спасение жизни людей, значительное увеличение ее продолжительности и повышение качества. Если пациент остается без лечения (обычно процедуры проводят 3 раза в неделю длительностью примерно 3–4 часа) либо лечения недостаточно, у больного развиваются различные осложнения.

Всего в республике функционирует 30 диализных отделений. Количество больных с ХБП, находящихся на программном диализе, составило более 900 человек. Всем пациентам проводится оказание специализированной диализной помощи, нет листа ожидания, созданы все условия для оказания качественной, эффективной и доступной специализированной медицинской помощи.

За последние годы в республике были открыты и оснащены необходимым современным медицинским оборудованием диализные подразделения в городах Октябрьский, Нефтекамск, Салават, Бирск, Ишимбай, Туймазы, Янаул, Давлеканово, в селах Мраково, Месягутово, поселке Чишмы. Данный вид медицинской помощи стал максимально приближен к месту проживания многих пациентов, тогда как ранее больные вынуждены были ездить за несколько сотен километров в Уфу.

Возникающие проблемы, связанные с проведением гемодиализных процедур, на протяжении уже ряда лет решаются в тесном взаимодействии между Министерством здравоохранения Республики Башкортостан, Уполномоченным по правам человека и Межрегиональной общественной организацией нефрологических пациентов «Нефро-Лига».

Хотелось бы остановиться и на проблемах обеспеченности лекарственными препаратами граждан, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, их своевременная диагностика, реабилитация и социальная поддержка являются злободневными для всех субъектов Российской Федерации.

В России редкими заболеваниями принято считать заболевания с «распространенностью» не более 10 случаев на 100 000 человек. В Республике Башкортостан количество больных в сравнении с 2014 годом выросло на 72 и составило 399 человек, в том числе 199 детей (80 процентов из них являются инвалидами).

Анализ ситуации в различных регионах России показывает, что оформление инвалидности у детей и взрослых пациентов, страдающих редкими заболеваниями, затруднено. Это, прежде всего, связано схожестью симптоматики с другими заболеваниями, ограниченным количеством диагностических лабораторий, недостаточностью соответствующих навы-

ков и знаний для постановки диагноза врачами первичного звена. Эти обстоятельства препятствуют направлению больных на медико-социальную экспертизу для установления инвалидности. Таким образом, положение пациентов этой категории усугубляется, поскольку бесплатное лекарственное обеспечение возможно только для инвалидов.

Препятствием в реализации права на охрану здоровья является высокая стоимость медицинских препаратов, и поэтому инвалиды нуждаются в пожизненной помощи государства. Для сведения: лечение препаратом Элапраза пациентов, страдающих синдромом Хантера, обходится в среднем около 35 млн рублей в год.

Большинство исследований для редких заболеваний возможно проводить только в научных исследовательских центрах. Между первыми симптомами и постановкой окончательного диагноза может пройти от 5 до 15 лет. По официальным данным, в республике с момента диагностики заболевания до фактического начала лекарственной терапии проходит от 3 до 6 месяцев.

На сегодняшний день в ГБУЗ «Республиканский перинатальный центр» проводится неонатальный скрининг на пять наследственных заболеваний всех новорожденных детей. Всем детям для подтверждения или исключения наследственного заболевания проводится ДНК-диагностика. Своевременная диагностика и назначение соответствующего лечения позволяют предупредить у детей развитие тяжелой умственной отсталости и задержки физического развития.

Несмотря на прилагаемые усилия в вопросе организации медицинской помощи гражданам с орфанными заболеваниями, в целом проблемы диагностики и маршрутизации пациентов остаются сложными. Этап диагностики больных начинается с медико-генетической консультации, затем следует подтверждающая диагностика через федеральные центры. Вместе с тем получение заключений в федеральных центрах не всегда может гарантировать начало лекарственной терапии. Подтверждением этого являются примеры обращений, адресованных Уполномоченному, в которых пациентами, страдающими пароксизмальной ночной гемоглобинурией, описываются ситуации и негативные последствия, в которых они оказались из-за прерывания лечебной терапии.

Обращения граждан-пациентов, оказавшихся в столь непростой ситуации, продолжают оставаться на контроле Уполномоченного, осуществляется необходимая помощь и постоянный мониторинг хода решения вопросов обеспечения больных лекарственной терапией. Нередко пациенты вынуждены также обращаться и в судебные органы для восстановления гарантированных Конституцией Российской Федерации прав на охрану здоровья.

Необходимо отметить, что жизнь пациентов, страдающих социально значимыми заболеваниями, стоит в прямой зависимости от финансовой обеспеченности региона, в котором они проживают.

Так, в бюджете республики на бесплатное обеспечение таких граждан, при оказании амбулаторно-поликлинической помощи ежегодно предусматривается более 1 млрд рублей, при этом для обеспечения 399 пациентов, страдающих только орфанными заболеваниями, расчетная сумма составляет свыше 800 млн рублей. В истекшем году численность пациентов, имеющих право получать лекарственные препараты и изделия медицинского назначения из республиканского бюджета, составила около 330 тысяч человек.

Основная проблема лекарственного обеспечения граждан, страдающих заболеваниями из Перечня-24, состоит в том, что на сегодня не предусмотрено и не согласовано между исполнительными органами федеральной и региональной власти расширение необходимых для этого бюджетных затрат в рамках территориальных программ госгарантий. Не учтены соответствующие доходные источники и возможные программы софинансирования, позволяющие обеспечить лекарственное обеспечение лечения редких (орфанных) заболеваний, при формировании межбюджетных отношений федерального центра с субъектами Российской Федерации с учетом ежегодного прироста больных.

Поэтому в целях обеспечения государственных гарантий на охрану здоровья граждан необходимо софинансирование расходов на лекарственное обеспечение больных орфанными заболеваниями из федерального бюджета или включение их обеспечения особо дорогостоящими лекарственными препаратами в программу по высокозатратным нозологиям.

Для финансирования обеспечения пациентов с редкими заболеваниями особо дорогостоящими лекарственными препаратами должны создаваться государственные программы, учитывающие необходимый объем диагностики и ее логистику, включая лабораторное и инструментальное сопровождение процессов лечения, персонификацию пациентов и ведение их регистра, адресную доставку лекарственных препаратов, мониторинг эффективности программ.

Вышеуказанные предложения были озвучены на совещании Уполномоченных по правам человека в Приволжском федеральном округе, который проходил в июне 2017 года в г. Казани.

Проблемы, отраженные в статье, это нарушенные права наших граждан. Будем объективны: они непросты, требуют времени и средств, но их необходимо решать.

Важно отметить, что в республике вся деятельность органов власти направлена, прежде всего, на защиту конституционных прав граждан, повышение социальной защищенности инвалидов, несовершеннолетних, малоимущих.

Вместе с тем остается ряд проблемных вопросов, которые решить в краткие сроки нереально. Тем более, что во многих случаях требуется наличие федеральных полномочий – изменение законодательства, значительное увеличение бюджетных расходов на социальные программы. Каждый человек, оказавшийся в трудной жизненной ситуации, должен знать и быть уверенным, что в своем государстве он не останется с проблемой один на один, и что есть правовые способы, силы и средства, которые окажут ему поддержку.

© Каюмов Р. Ф.

УДК 340.1

Раянов Фанис Мансурович, доктор юридических наук, профессор, профессор-консультант кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Понятие «принцип верховенства права» для отечественного юриста как будто не имеет какой-либо сложности и вроде бы оно известно ему еще со студенческих времен. Однако проблема здесь заключается в том, что в представлениях о принципе верховенства права, сложившихся в отечественной юридической науке, и тех представлениях, которые сложились в развитых западных странах, имеются существенные различия. Вот на этих различиях и хотелось бы акцентировать внимание.

Такие различия в понимании принципа верховенства права связаны с тем, что все функционирующие в нашей стране общественные науки, включая и отечественную теоретическую правовую науку, в основном были сформированы в советские времена и продолжают развиваться в соответствии с марксистскими представлениями об общественно-экономической формации. Как известно, марксистско-ленинское учение об обществе в целом позитивно относилось к немецкой классической философии, т. е. к гегелевскому представлению о взаимодействии государства и общества. По гегелевской философии права государство стоит выше общества, а законы исходят от государства. Конечно, в этих условиях о подлинном принципе верховенства права, тем более о понимании права как воли государства – образующего народа, речь не могла даже идти. Так, в отечественных учебниках по теории государства и права в рамках тем, посвященных законности, говорили лишь о верховенстве закона. Причем

под законами они понимали лишь нормативные правовые акты, исходящие от законодательных органов государственной власти. Отсюда и под верховенством права представители отечественной юридической науки понимали в основном принцип советской социалистической законности. То есть была построена некая иерархия законов во главе с Основным законом, опять же исходящим от государства, т. е. конституцией. Такое представление о верховенстве права в значительной мере продолжает сохраняться в отечественной юридической науке до сих пор. Да и общественные науки нашей страны, когда касаются вопросов права, государства и законности, эти вопросы освещают так же потому, что основой для всех их было марксистское учение об общественно-экономической формации и гегелевская философия права. Все эти представления в свое время перекочевали и в сферу всего обществоведения советского периода, и они продолжают оказывать достаточно сильное влияние и на постсоветскую науку – теорию государства и права.

Характерным в этом отношении является пример из Википедии, где содержится весьма показательное разноречивое представление о верховенстве права¹. Здесь вопрос поставлен совершенно правильно, а именно о верховенстве права, т. е. так же, как и требует международная общественно-политическая практика. Однако при раскрытии ответа на поставленный вопрос наш отечественный автор сразу же по принятой у нас традиции заменяет понятие «верховенство права» на понятие «верховенство закона». Причем понятие закон понимает в соответствии с гегелевской философией права. В частности, здесь читаем: «Верховенство права (верховенство закона) – правовая доктрина, согласно которой никто не может быть выше закона, все равны перед законом, никто не может быть наказан иначе как в установленном законом порядке и только за его нарушение». Раскрытие понятия «верховенство права» здесь же завершается следующим утверждением: «Концепция верховенства права известна еще с давних времен, когда древнегреческий философ Аристотель писал: «Править должен закон»².

Однако, как нам представляется, понятия «верховенство права» и «верховенство закона» не являются синонимами. Тем более такое положение имеет особое значение при продолжении понимания закона в духе традиции давнишней романо-германской правовой системы. Ведь в романо-германской правовой системе закон всегда понимался как нормативно-правовой акт, исходящий от государства. Поэтому при таком понимании закона закон, исходящий от государства, само государство так или иначе ставится выше общества. При таком подходе, положение о народе, как носителе суверенитета и единственном источнике государственной власти как бы само собой уходит в небытие, теряется. Все начинают понимать

¹ [https://ru.wikipedia.org/wiki/Верховенство права](https://ru.wikipedia.org/wiki/Верховенство_права).

² Там же.

принцип верховенства закона в таком ключе, где закон, исходящий от государства, как раз и оценивается в качестве основного источника права.

Трудно согласиться и с утверждением о том, что понятие верховенства права (закона) существует со времен Аристотеля. На наш взгляд, понятие «верховенство права» – это понятие, порожденное Новым временем. Во времена древнегреческого философа Аристотеля не было верховенства права в современном смысле этого принципа. В те времена в обществе полностью господствовали божественные законы, а людьми в основном правили цари, монархи, короли, императоры, которые подчинялись только всевышнему, а на Земле никому не были обязаны подчиняться. Они от своего имени издавали законы, которым должны были подчиняться все подданные государя. Тогда еще и в помине не было народного суверенитета, а также понятия народа как носителя суверенитета и единственного источника государственной власти. Все это появилось лишь с наступлением Нового времени, т. е. в XVII–XVIII веках.

Поэтому, если мы хотим протянуть нить от происхождения права к принципу верховенства права, то мы все это должны сделать со значительными оговорками. В частности, иметь в виду, что во все времена функционирования человеческого общества люди подчинялись определенным общепринятым правилам поведения, признанным в самом обществе. Такое положение не должно нарушаться и с появлением государства и его законов. Поэтому и с появлением государства единственным легитимным и самым верховным источником права должна была быть закрепленная в Основном законе общества воля государственно организованного народа. Отсюда и положение о верховенстве естественно складывающего права в обществе сохраняется и тогда, когда человечество с наступлением Нового времени переходит в осознанное состояние гражданского общества и им формируется рукотворная (с помощью создаваемых гражданским обществом государственных органов) государственно-правовая система общества. Именно, исходя из наличия такой нити между естественным и позитивным правом, в современном мире сформирован принцип верховенства права.

В настоящих условиях, в соответствии с международными нормами, на мировом уровне осуществляется мониторинг обеспеченности принципа верховенства права в разрезе различных стран. В этих условиях и нашему сегодняшнему российскому обществу в целом, включая и наши отечественные юридические науки, необходимо научиться организовывать общественную жизнь и вести ее в соответствии с такими представлениями о праве. Поэтому представляется, что впереди у нас еще немало сложностей, связанных с внедрением подлинного принципа верховенства права в нашей стране.

Мы считаем, что отечественная теоретическая правовая наука пока еще не разобралась с подлинным принципом верховенства права. Представители отечественной теоретической правовой науки не обращают внима-

ния и на тот специальный мониторинг, который уже функционирует в области оценки состояния соблюдения принципа верховенства права.

Вместе с тем, характеризуя и практику международного мониторинга в области верховенства права, следует иметь в виду, что зачастую и в этих международных документах нередко речь идет о верховенстве закона. Однако все это вовсе не означает, что вышеприведенное наше замечание о соотношении понятий «верховенство права» и «верховенство закона» теряет свое значение. Дело в том, что этот документ называется по-английски: «The Rule of Law Index». Англичане же под понятием «закон», начиная с Нового времени, понимают не акты, исходящие от государства, а прирожденные права английского народа. Это положение было закреплено еще в Акте об устройении от 12 июня 1701 года. Здесь в ст. 4 сказано: «Принимая во внимание, что законы Англии являются прирожденными правами ее народа, все короли и королевы обязаны производить управление английским народом в соответствии с указанными выше законами»¹. Это означает, что законы в Англии издавна выражают волю английского народа, а вовсе не государства. Кстати сказать, такая английская практика понимания закона постепенно распространилась и в другие страны и внедрилась в практику международного права. Поэтому и международный документ, составленный в результате исследования состояния верховенства права, называется «Индексом верховенства закона».

Индекс верховенства закона (The Rule of Law Index) – это глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю обеспечения ими правовой среды, которая базируется на универсальных принципах верховенства закона. Он рассчитан по методике международной неправительственной организации The World Justice Project, основанной на комбинации общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса экспертов². Индекс разработан еще в 2010 году и измеряет достижения стран мира с точки зрения обеспечения правовой среды, которая базируется на универсальных принципах верховенства закона. Поэтому «современный мир живет другими представлениями о соотношении государства и права, а отсюда и о верховенстве права»³.

Например, директор Института юридических исследований Национального автономного университета г. Мехико Диего Валадес пишет, что «когда мы говорим об ограничении власти, в действительности речь идет о сохранении одной из отличительных особенностей суверенитета: только народ может осуществлять функции власти во всей ее полноте. Руссо исходит из постулата, что суверенный народ диктует закон, согласно кото-

¹ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Составитель: доктор юридических наук, профессор Н. А. Крашенинникова. М.: ЗЕРЦАЛО, 2000. С. 29–39.

² <https://transparency.org.ru/research/drugie-issledovaniya/opublikovan-indeks-verkhovenstva-prava-wjp.html>

³ Раянов Ф. М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 131.

рому избираются правительства, затем избирает правительство. И поскольку назначение правящих есть акт исполнения этого закона, выборы – не что иное, как одна из функций управления. Таким образом, только суверенному народу дано устанавливать закон и исполнять его. Недопустимо, чтобы кто-либо дублировал эту высшую функцию, ведь тогда он был бы сувереном. Этот аргумент, связанный с концепцией общественного договора, находит свое отражение в контроле, но многие следствия из него нам еще предстоит изучить. В течение XIX и XX веков происходил ярко выраженный созидательный и аналитический процесс, который позволил разработать теорию демократии, теорию юстиции, теорию права и теорию государства. Кроме того, на определенном этапе был достигнут большой прогресс: удалось объединить теорию государства и теорию права. Однако требуется новое созидательное усилие, чтобы объяснить феномен власти во всех его проявлениях. Такое объяснение станет возможным, только когда будет создана общая теория государства, права и демократии»¹.

Сказанное мексиканским правоведом в полной мере относится и к нашей стране. Нам также необходимо создать общую теорию права, соответствующую современным мировым требованиям. Поэтому, хотя «основным фактором эффективности воздействия правового регулятора на общественные отношения, на поведение конкретных индивидов и на их правосознание является то, что его функциональные параметры основываются на принудительной силе государства и функционируют за ее счет. Однако на многие процессы в обществе оказывают воздействие, именно выработанные самим обществом социальные нормы, которые и обуславливают реальное верховенство права в обществе»².

Действительно, «принятые в данном обществе устои социально-экономической, политической и духовной жизни» представляют собой то соционормативное окружение, опираясь на которое, право приобретает свое верховенство. Это основание формируется в течение огромного количества времени независимо от законодательной деятельности государства. При этом «трудно сказать, какая социальная норма, регулирующая отношения между людьми, обществом и государством, наиболее действенна в процессе установления общественных отношений, оптимальных для их участников и желательных для общества в целом. Однозначно то, что все нормы участвуют в процессе достижения желаемого общественного и правового порядка. Одновременно бесспорным является и то, что в условиях формирования и дальнейшего развития правового государства правовые нормы становятся более значимыми и действенными, сводя на нет воз-

¹ Валадес Д. Контроль над властью. М.: Идея-Пресс, 2006. С. 233–234.

² Галиев Ф. Х. Сочетание традиционного и правового регуляторов в правовой культуре федеративного государства // Правовое государство: теория и практика. 2009. № 17. С. 17–20.

можность существования внеправовых способов решения жизненно важных проблем»¹.

Именно порожденные обществом социальные нормы объективно обуславливают превращение юридического права в сформировавшуюся и выраженную в законах общую волю государственно организованного народа. Поэтому в постсоветских условиях и нашей теоретической правовой науке пора уже обратить внимание на всю систему складывающихся в обществе норм. Только широкий обществоведческий подход позволит понимать и воспринимать право как единственное и верховное средство организации жизнедеятельности людей². Такой подход полностью будет соответствовать и условиям развития гражданского общества и правового государства в нашей стране.

© Раянов Ф. М.

УДК 343.82:342.72/73

Крымов Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник Академии ФСИН России, г. Москва, Россия;

Беляева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, г. Москва, Россия

ВОПРОС О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА НА III МЕЖДУНАРОДНОМ ПЕНИТЕНЦИАРНОМ ФОРУМЕ

III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» состоялся 21–23 ноября 2017 года.

Организаторами форума стали Федеральная служба исполнения наказаний, Академия ФСИН России, Научно-исследовательский институт ФСИН России, Ассоциация юристов России, Попечительский совет уголовно-исполнительной системы, научные и образовательные организации ФСИН России, Международная федерация рукопашного боя.

Форум проходил при участии Федерального Собрания Российской Федерации, Совета при Президенте Российской Федерации по развитию

¹ Галиев Ф. Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство. 2009. № 4 (18). С. 8–9.

² Подроб. см.: Раянов Ф. М. Основные методологические проблемы современной отечественной юридической науки // Правовое государство: теория и право. 2017. № 2(48). С. 7–13.

гражданского общества и правам человека, Общественной палаты Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Правительства Рязанской области, Торгово-промышленной палаты, российских и международных общественных организаций, образовательных и научных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства образования и науки Российской Федерации, руководства пенитенциарных служб и образовательных организаций, ведущих ученых-пенитенциаристов.

Участниками форума стали также практические работники и известные ученые из 11 зарубежных государств.

В программе форума: торжественное открытие и закрытие мероприятия, пленарное заседание, 5 международных научно-практических конференций, 8 круглых столов, 2 дискуссионные площадки, научно-практический семинар, совещание руководителей научно-исследовательских и образовательных организаций ФСИН России по проблемам координации научных исследований и перспективам развития ведомственной науки, заседание Координационно-методического совета ФСИН России и выставка образцов продукции производственного сектора УИС. Значимым мероприятием форума стало заседание рабочей группы экспертов Совета руководителей пенитенциарных служб государств – участников СНГ.

Предметом обсуждения на Форуме стали вопросы совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства; исполнения отдельных видов наказаний; воспитательной, социальной и психологической работы в УИС; финансово-экономической и производственной деятельности, подготовки кадров и др.

Однако в центре внимания участников находились вопросы о правах человека и их соблюдении, их реализации в местах ограничения или лишения свободы. Достаточно сказать, что этому вопросу посвящена значительная часть доклада, с которым выступил первый заместитель директора ФСИН России А. А. Рудый. Абсолютное большинство участников всех мероприятий Форума, в том или ином объеме, затрагивали указанную проблему, а некоторые выступления были посвящены именно вопросам обеспечения прав человека в учреждениях ФСИН.

Известно, что международные документы¹ закрепляют положения о праве человека на свободу мысли, совести и религии. Как отмечено на Форуме, в УИС России приняты необходимые меры для реализации этого права осужденными. В частности, в докладе первого заместителя директора ФСИН А. А. Рудого отмечено, что в 2016 году утверждены новые Пра-

¹ Всеобщая декларация прав человека. Ст. 18; Международный пакт о гражданских и политических правах. Ст. 18 // Сб. стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН Нью-Йорк, 1992.

вила внутреннего распорядка, в которые включены положения, обеспечивающие права осужденных на свободу совести¹.

Работа, направленная на обеспечение конституционных прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания, ведется в рамках соглашений о взаимодействии ФСИН России с централизованными религиозными организациями, зарегистрированными в установленном порядке: Русской Православной Церковью, Советом муфтиев России, Федерацией еврейских общин России, Буддийской традиционной Сангхой России.

В учреждениях УИС в настоящее время созданы необходимые условия для удовлетворения духовных потребностей осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и лиц, содержащихся под стражей.

Так, в учреждениях уголовно-исполнительной системы выделены здания, сооружения, помещения для проведения религиозных обрядов и церемоний, пользования предметами культа и религиозной литературой.

ФСИН России приняло и соответствующие управленческие решения организационного характера. Так, во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 12 июня 2014 года № Пр-1408 и постановления Правительства Российской Федерации от 17 октября 2014 года № 1063 в 81 территориальном органе ФСИН России введены должности помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими. Руководством ФСИН России было принято решение о комплектовании должностей помощников из числа лиц, являющихся священнослужителями основных традиционных религиозных конфессий, в зависимости от конфессионального состава осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. В настоящее время такие помощники начальников имеются практически во всех территориальных органах ФСИН России.

Целый ряд международных документов содержит в себе положения о праве осужденного на медицинскую помощь², оказание которой входит в обязанность администрации учреждения, где лицо содержится. Как следует из доклада, в учреждениях УИС России, это право реализовано. Медицинская помощь организуется на основе рационального распределения объемов оказания медицинской помощи между медико-санитарными частями ФСИН России и государственными (муниципальными) медицинскими организациями. Так, в ряде случаев диагностика социально значимых

¹ III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ): сб. тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань. 21–23 ноября 2017 г.): в 8 т. Рязань, 2017. Т. 1. С. 12–13.

² Всеобщая декларация прав человека. Ст. 25; Международный пакт о гражданских и политических правах. Ст. 12 ч. 2; Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения, в особенности врачей, в защите заключенных или задержанных лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Указ. сб.

заболеваний осуществляется при участии специализированных региональных медицинских организаций субъектов Российской Федерации, в том числе с использованием предоставляемого ими медицинского оборудования (передвижные диагностические комплексы) в рамках заключенных соглашений о взаимодействии и совместных программ профилактики и лечения социально значимых заболеваний.

Из доклада следует, что ФСИН России принимает меры к реализации основных положений международных документов о социальной защите материнства и младенчества¹.

В этих целях Федеральной службой исполнения наказаний проводится работа по обеспечению достойных условий содержания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. При учреждениях УИС функционируют 13 домов ребенка, в которых воспитываются 5553 ребенка. В 11 домах ребенка созданы условия для совместного проживания осужденных женщин с детьми, что позволяет обеспечить право ребенка на неразлучение с родителями² и право матери на получение помощи в выполнении обязанностей по воспитанию детей³. Здесь дети проживают с мамами в комнатах, рассчитанных на 1–3 матерей с детьми, оборудованы детские игровые комнаты, ванные комнаты, прачечные, комнаты для приготовления и приема пищи; детские площадки оборудованы всем необходимым.

Как подчеркнул докладчик, предусмотрен планомерный полный переход на совместное проживание осужденных матерей с детьми в целях обеспечения права ребенка на общение с матерью, сохранения возможности полноценного развития, укрепления психологической связи матери и ребенка, повышения показателей его здоровья и ресоциализации осужденных женщин, имеющих малолетних детей.

По действующему законодательству при исполнении ребенку трех лет, если до окончания срока отбывания наказания осужденной женщины не более одного года, его оставляют с матерью до истечения срока наказания. Рассматривается вопрос об увеличении предельного срока пребывания ребенка с матерью.

В соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 года № 200-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав детей, родители которых отбывают наказание в виде лишения свободы», осужденным женщинам, имеющим детей-инвалидов, и мужчинам, являющимся единственным родителем ре-

¹ Декларация о правах человека. Ст. 25 ч. 2; Международный пакт о гражданских и политических правах. Ст.ст. 23, 24; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Ст. 10. // Указ. сб.

² Декларация прав ребенка. 1959 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.03.2017).

³ Конвенция о правах ребенка. Ст. 18. Ч. 2.

бенка-инвалида, дается право на четыре выезда в год сроком на 15 дней для свидания с ребенком.

Кроме того, женщинам с детьми до 14 лет и мужчинам, которые являются единственными родителями таких детей, дается право на два выезда в год сроком на 10 дней.

В настоящее время реализуется ведомственная программа по совершенствованию деятельности воспитательных колоний и следственных изоляторов (в части, касающейся содержания несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых) на 2015–2018 годы. Рассматривается вопрос о внесении поправок в УИК Российской Федерации, предусматривающих увеличение срока отбывания наказания в исправительных учреждениях для несовершеннолетних в тех случаях, когда срок наказания переходит за границу совершеннолетия осужденного. Законопроект «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» наряду с оставлением осужденных в ВК до 21 года также предусматривает возможность:

- перевода положительно характеризующихся несовершеннолетних осужденных, достигших 18 лет, из воспитательной колонии в колонию-поселение;

- создания в исправительных колониях участков, функционирующих как воспитательная колония.

Предлагаемые поправки в УИК Российской Федерации оградят данную категорию осужденных от негативного влияния криминальной субкультуры, будут способствовать сохранению связей с родственниками, решению вопросов бытового и трудового устройства после освобождения, станут дополнительным стимулом и действенным механизмом социализации несовершеннолетних осужденных.

В целях успешной постпенитенциарной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, проводится работа по восстановлению и укреплению осужденными социально полезных связей. Для этого в исправительных учреждениях УИС широко используются технические средства видеосвязи для проведения телефонных разговоров осужденных с родственниками.

Значительную поддержку осужденным оказывают сотрудники групп социальной защиты, помогая в оформлении пенсий, социальных пособий и других ежемесячных денежных выплат, а также в оформлении документов на получение паспорта гражданина Российской Федерации.

С целью содействия позитивной социализации и ресоциализации несовершеннолетних, отбывших наказание в местах лишения свободы, предупреждения совершения ими повторных преступлений социальными работниками исправительных учреждений оказывается адресная помощь при подготовке осужденных к освобождению. Проводятся тренинги, направ-

ленные на позитивную социализацию несовершеннолетних осужденных, а также на предотвращение повторных преступлений¹.

Ряд выступлений на Форуме прямо были связаны с вопросом соблюдения прав человека в местах лишения свободы. Здесь прежде всего необходимо обратиться к докладу Уполномоченного по правам человека Т. Н. Москальковой, обратившей особое внимание на проблему соблюдения и защиты прав человека в местах принудительного содержания. Ею отмечено, что ежегодно поступает большое количество жалоб от лиц, содержащихся в следственных изоляторах, исправительных учреждениях, а также препровождаемых в суды и учреждения исправительной системы. По преимуществу жалобы связаны с ненадлежащим оказанием медицинской помощи; произволом администрации, выражающимся в препятствиях к досрочному освобождению от дальнейшего отбывания наказания, неправомерным применением физической силы и специальных средств; с несоблюдением условий содержания в учреждениях и др.

Остро стоит вопрос, подчеркнуто Т. Н. Москальковой, об условиях содержания инвалидов.

Не до конца решена проблема привлечения осужденных к труду.

В ряде случаев, отметила Т. Н. Москалькова, решение проблем реализации прав человека в местах принудительного содержания зависит от наличия или отсутствия тех или иных положений в уголовно-исполнительном законодательстве, которое требует совершенствования.

Вместе с тем, обратила внимание Т. Н. Москалькова, как бы ни был хорош закон, его применение целиком и полностью зависит от нравственных и профессиональных качеств правоприменителя. Именно невыполнение, нарушение правовых предписаний сотрудниками уголовно-исполнительной системы лежит в основе поступающих жалоб².

Несколько выступлений были посвящены Правилам Нельсона Манделы, устанавливающим правила обращения с заключенными³. Здесь стоит обратить внимание на выступление профессора В. А. Уткина, посвятившего свое выступление анализу содержания Правил и их значению для деятельности УИС.

Докладчик отметил, что Правила Манделы в общем и целом являются обновленным вариантом Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1995 г., вместе с тем представляют особый самостоятельный международный документ, в котором нашли отражение такие положения, как уважение человеческого достоинства заключенных; оказание

¹ III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ): сб. тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.); в 8 т. Рязань, 2017, Т. 1. С. 9–19.

² Там же. С. 26–34.

³ Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (правила Нельсона Манделы) // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 г. A/RES/70/175.

им медицинских услуг и охрана здоровья; защита и удовлетворение особых потребностей наиболее уязвимых групп заключенных и др.¹.

Профессор дал толкование основных положений Правил, обратив внимание на проблемные вопросы, требующие научного осмысления.

Выступления участников были посвящены реализации прав человека по конкретным направлениям: реализация Правил Н. Манделы в сфере медицинского обеспечения заключенных в российском законодательстве (Павленко А. А.)². Выступающий обратил внимание на то, что Правила содержат ряд новелл в этой области. Так, Правила рассматривают содержание медицинского обеспечения, включая сюда и санитарное обслуживание; устанавливают стандарты медико-санитарного обслуживания, приравненные к существующим в обществе; закрепляют требования к медицинской документации; определяют стандарты профессиональной этики медицинских работников и др.

Международная система защиты прав человека и международный механизм защиты от пыток и другого жестокого обращения в местах принудительного содержания уголовно-исполнительной системы стали предметом рассмотрения О. Н. Семеновой, которая обратила внимание на наличие пробелов в отечественном уголовно-исполнительном праве по урегулированию вопросов реализации положений Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения и наказания³.

Международные правовые положения, касающиеся общих вопросов пенитенциарной безопасности, рассмотрены А. В. Щербаковым⁴, который проанализировал содержание ограничения прав лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В выступлении отмечается безусловность обеспечения их безопасности. Вместе с тем освещаются вопросы пенитенциарной безопасности как таковой⁵.

Е. Ю. Белова остановила свое внимание на проблемах, связанных с подготовкой несовершеннолетних осужденных к освобождению с учетом положений Правил Манделы. В выступлении отмечается, что здесь имеется ряд недостатков, в связи с чем вносится предложение по совершенствованию законодательства в части организации трудового и бытового устройства несовершеннолетних, освободившихся из воспитательных колоний.

На Форуме были затронуты и другие вопросы, касающиеся обеспечения прав и законных интересов осужденных. Так, реализация соблюде-

¹ III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу уголовно-исполнительного кодекса РФ): сб. тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.): в 8 т. Рязань, 2017. Т. 2. С. 121–126.

² Там же. Т. 2. С. 199–205.

³ Там же. Т. 2. С. 229–234.

⁴ Там же. Т. 2. С. 128–132.

⁵ Там же. Т. 2. С. 285–290.

ния прав и законных интересов осужденных из числа несовершеннолетних граждан и лиц с ограниченными возможностями рассмотрели В. Б. Первозванский, Ю. Н. Строгович¹, право осужденных на свободу вероисповедания в местах лишения свободы и правовые основы механизма гарантий его обеспечения и защиты – Т. Е. Аболмасова².

© Крымов А. А.

© Беляева Л. И.

УДК 329.7:323.329(470)"198/199"

Буканова Роза Гафаровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

В переломные периоды истории резко возрастает роль интеллигенции как передовой части общества. Так, активную роль в общественно-политических процессах в СССР рубежа 80–90-х годов XX в. сыграла интеллигенция. Если вслед за аналитиком перестроечной эпохи, известным экономистом и социологом Т. И. Заславской назвать эти процессы «социальной революцией», то интеллигенция, в известной степени, сыграла роль ее движущей силы. Но она не оправдала надежды миллионов простых граждан страны. Исторический подход к анализу этих событий показывает, что идейный раскол внутри самой интеллигенции, между интеллигенцией и властью, ориентированность столичной интеллигенции на западно-европейские стандарты и оторванность от нужд и потребностей собственного народа, наряду с кризисом в сфере экономики, завели общество в тупик³.

В России в высших эшелонах власти понимали необходимость объединения интеллигенции на позитивной платформе вокруг общей национальной идеи. Одной из попыток было создание Конгресса российской интеллигенции как постоянно действующего общественного объединения.

¹ III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу уголовно-исполнительного кодекса РФ): сб. тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.): в 8 т. Рязань, 2017. Т. 2. С. 206–211.

² Там же. Т. 2. С. 337–340.

³ Кара-Мурза С. Г. Интеллигенция на пепелище родной страны. М.: Былина, 1996; Он же. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005.

Ниже кратко рассмотрим историю деятельности Конгресса российской интеллигенции.

Первый Конгресс российской интеллигенции состоялся в 1992 г., где было принято Заявление о создании постоянно действующего форума. Однако конституционный кризис 1993 г., раскол в обществе, отход от провозглашенных в начале 90-х годов демократических принципов не позволяли претворить решения Конгресса интеллигенции в жизнь. Тем не менее движение возобновилось в областях и республиках Российской Федерации. В городах и поселках стали создаваться клубы интеллигенции, различные центры науки и образования, были учреждены 73 региональные организации. Так, в Башкортостане был создан Форум интеллигенции Башкортостана (председатель – д.т.н., профессор ректор Башкирского государственного университета Р. Н. Гимаев, ответственный секретарь – д.и.н., профессор Р. Г. Буканова). Общероссийское движение возглавил известный российский государственный, политический и общественный деятель Сергей Александрович Филатов, в 1993–1996 гг. работавший в должности руководителя Администрации Президента Российской Федерации. Структурно Конгресс оформился как общественное движение, учредителями которого выступили региональные объединения.

Накануне учредительного съезда интеллигенции РФ в ответ на вопрос: «Нужен ли Конгресс, и если нужен, то для чего?» – С. А. Филатов отвечал: «Да, нужен! Идея конгресса рождена самим временем – на исходе столетие, которым заканчивается второе тысячелетие. Нам есть, что осмыслить, каков был век уходящий для всего человечества и для нашей Родины, что нас еще ждет в нем и после него. Мы должны понять, какова роль интеллигенции в нашей стране и кто мы в своем Отечестве. Необходимо сообща избавиться от синдрома раздавленности и при нынешнем состоянии гражданского общества попытаться создать для его совершенствования свое высоконравственное сообщество»¹.

10–11 декабря 1997 г. в г. Москве состоялся первый съезд Конгресса российской интеллигенции. На нем присутствовали 620 делегатов из 76 регионов Российской Федерации, гости из стран СНГ и дальнего зарубежья, члены Правительства и Администрации Президента РФ, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, представители Президента РФ, общественных и творческих союзов. Одним из узловых вопросов должен был стать вопрос о взаимоотношениях интеллигенции и органов власти, так как к середине девяностых годов стали явно ощутимы грубые ошибки, допущенные властью в отношении интеллигенции. Сделав ставку на либеральную часть интеллигенции, которая решение всех внутренних и внешних проблем видела только во внедрении рыночной экономики, власть фактически отказалась от идей гуманизма, бросив на произвол судьбы

¹ Конгресс российской интеллигенции. СПб.: СПбГУП, 1988. С. 19.

свой народ с его традициями и культурой. «Мы считаем, что Конгресс должен быть общественной структурой, не претендующей на власть, но тесно связанной с ней диалогом, – так обозначил позицию Конгресса в этом вопросе С. А. Филатов. – Наша задача – способствовать оздоровлению общества, созданию в нем атмосферы терпимости, осознанных действий, творческого труда, повышению политической и правовой культуры»¹.

В эмоциональных, острых и одновременно конструктивных выступлениях разных слоев интеллигенции – от государственных чиновников до учителей, клубных и музейных работников – нашли отражение практически все вопросы, которые волновали российскую общественность того времени. Во всех выступлениях говорилось о нравственности, о совести, об ответственности интеллигенции за судьбу страны. Съезд завершился принятием Заявления, в котором подчеркивалось, что «роль интеллигенции состоит в консолидации всех здоровых сил народа на пути социально-экономических реформ, борьбы с коррупцией и другими формами преступности, строительства многонационального общества социальной гармонии и высокой культуры»². Был также принят Устав общероссийского общественного движения «Конгресс интеллигенции Российской Федерации».

На съезде была рассмотрена разработанная Д. С. Лихачевым «Декларация прав культуры»³, которая могла бы стать основой для сохранения и развития культуры в Российской Федерации и в мире в начале нового тысячелетия. Следует остановиться на основных положениях «Декларации прав культуры», значение которой как важного документа конца XX века, возможно, будет оценено в будущем. В ней под культурой понимается «сотворенная человеком среда обитания, а также процессы создания, сохранения, распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества» (ст. 1). В Декларации культура рассматривается как «форма утверждения самобытности народа и основа душевного здоровья нации...» (ст. 2); утверждается, что «культура каждого народа, большого и малого, имеет право на сохранение своей уникальности и самобытности (ст. 3), «культура каждого народа имеет право на сохранение своего языка как основного средства выражения и сохранения духовно-нравственного своеобразия нации, формы бытования национального самосознания, как носителя культурных норм, ценностей, идеалов» (ст. 4). Статьи 12–15 раскрывают обязанность государства как гаранта сохранения и развития культурного наследия, как субъекта права, как субъекта власти и субъекта международного права. Съезд принял решение: предложить ООН одобрить «Декларацию прав культуры» и

¹ Конгресс российской интеллигенции. СПб.: СПбГУП, 1988. С. 21.

² Там же. С. 263–264.

³ Там же. С. 268–274.

рекомендовать всем странам мира принять ее, придав тем самым данному документу международное значение.

II Съезд Конгресса российской интеллигенции состоялся в Санкт-Петербурге 2 декабря 1999 г. В нем участвовали 42 представителя из Москвы, 104 – из Санкт-Петербурга, 79 участников из 37 регионов России – всего 253 человека. В отличие от первого съезда здесь не было федеральных чиновников, поэтому выступления в большей степени носили аналитический характер. Так, в выступлении М. Б. Пиотровского были поставлены проблемы противодействия религиозному экстремизму, озабоченность содержанием поп-культуры и средств массовой информации. В аналитических докладах ученого-экономиста А. В. Сидоровича и генерального директора Издательского дома «Пушкинская площадь» О. М. Попцова были изложены экономические и социальные последствия необдуманных реформ начала 90-х годов. Так, Попцов назвал их жесточайшим нравственным потрясением для общества, приведшим к интеллектуальному оскудению общества¹. В принятом на съезде «Обращении Конгресса российской интеллигенции» говорилось о нравственном долге интеллигенции, о ее ответственности за переживаемые обществом проблемы и будущее страны².

24–25 ноября 2000 г. в столице Башкортостана г. Уфе состоялся форум интеллигенции, организованный Конгрессом интеллигенции РФ и Ассамблеей народов России. На форуме участвовали 250 человек из 65 регионов страны, в том числе 46 человек, прибывших charterным авиарейсом из Москвы. В своем вступительном слове, объясняя причину того, почему форум проводится в Уфе, председатель исполкома Конгресса российской интеллигенции С. А. Филатов сказал: «Мы очень хотели третий Конгресс провести в национальной республике. Тема, которая сегодня выбрана, она очень уместно сочетается с национальной республикой, именно с Башкортостаном. Потому что многие процессы здесь идут ярче, чем в других республиках, в других областях и краях Российской Федерации»³. Безусловно, место проведения форума сказалось на содержании дискуссий – одной из главных тем в выступлениях участников форума стала тема толерантности и межнационального согласия. Вместе с тем съезд обнажил негативное отношение части столичной интеллигенции к возрождению самосознания у населения национальных республик, непонимание ими общественно-политической ситуации в регионах. Перелом произошел после знакомства с творческими коллективами республики, когда многие убедились в том, что в провинции бережно сохранены и развиваются лучшие традиции оте-

¹ Конгресс российской интеллигенции. II Съезд Общероссийского общественного движения «Россия на рубеже веков: реформы, нравственность, права человека». Санкт-Петербург, 2 декабря 1999 г. СПб., 2000. С. 20.

² Там же. С. 94–95.

³ Религия, образование, культура: необходимость диалога. Форум интеллигенции. Уфа, 24–25 ноября 2000 г. М.: Фонд социально-экономических и социальных программ, 2001. С. 10.

чественной культуры. Подводя итоги работы форума в Уфе, прошедшей в острых дискуссиях по вопросам межнационального согласия, развития родных языков и национальной культуры в субъектах РФ, председатель Совета Ассамблеи народов России Р. Г. Абдулатипов сказал: «...Мы за два дня перевоспитали друг друга по многим направлениям. Мы стали толерантнее, стали терпимее, стали демократичнее»¹.

Третий съезд Конгресса российской интеллигенции оказался последним. К сожалению, в создании морально-нравственного климата современного российского общества мощный интеллектуальный потенциал страны не был в полной мере востребован. Причину следует видеть не только в отношении власти к интеллигенции, но и в самой интеллигенции, не сумевшей своевременно адаптироваться к новым условиям, не готовой принять вызов времени.

В связи с этим возникает вопрос о том, что представляет собой современная интеллигенция? В наше время общепринятое определение интеллигенции как общественного слоя людей, профессионально занимающихся умственным, творческим трудом, развитием и распространением культуры, претерпело неизбежный процесс трансформации. Если под интеллигенцией в недавнем советском прошлом обычно подразумевался тот слой общества, куда входили все образованные люди, творческие личности, интеллектуалы, то круг лиц, которых можно было бы отнести к интеллигенции в современном обществе, значительно сузился. Большая часть работников производственно-технической сферы, культуры, часть работников сферы здравоохранения и образования, которых прежде относили к интеллигенции, вынуждены работать по найму, обслуживая бизнес-сообщество, что приводит к постепенной утрате в их среде духовности. Поэтому в условиях пролетаризации большей части работников умственного труда и культуры актуализируется моральный смысл понятия интеллигенции как передовой части общества, формирующей и определяющей ее нравственные ориентиры и демократические принципы. Однако важным условием успеха является адекватное отражение интересов общества интеллигенцией, а также совпадение интересов общества и власти.

В настоящее время в России так же, как на всем постсоветском пространстве, идет процесс смены поколений, формирования новой интеллигенции, выросшей в других социально-политических условиях. Ей тоже придется столкнуться с проблемами совести, чести, толерантности, ответственности интеллектуальной элиты общества за будущее своей страны – с теми же вопросами, которые поднимались на съездах Конгресса российской интеллигенции на рубеже XX–XXI вв.

© Буканова Р. Г.

¹ Конгресс российской интеллигенции. СПб.: СПбГУП, 1988. С. 111–115.

Базаров Рустам Ахтамович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург, Россия

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

Правильны только те законы, что установлены ради общего блага всего государства в целом. Там есть спасение и блага, какие ниспосылает Бог.

Платон

Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. Ст. 3 «Всеобщей декларации прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948)

Нынешний УК РФ действует уже более 20 лет. В советское время вопрос о подготовке нового уголовного законодательства взамен УК РСФСР 1960 года ставился учёными ещё в конце 1970-х гг. после принятия Конституции СССР 1977 года. Данный вопрос обсуждался на научно-практических конференциях, в научных статьях. В конце 1980-х годов данное обсуждение ещё больше оживилось. Это было связано со следующими факторами: во-первых, стали очевидными проявления социально-экономического кризиса социализма в нашей стране; во-вторых, это был период, который характеризовался общим духом правового реформаторства (во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. было подготовлено более 10 проектов нового УК). Важным событием для науки уголовного права и законотворческой деятельности стало опубликование труда «Уголовный закон: опыт теоретического моделирования», подготовленного группой таких широко известных учёных, как С. В. Бородин, И. М. Гальперин, Н. И. Загородников, С. Г. Келина, Г. Л. Кригер, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, А. В. Наумов и др.

Академик В. Н. Кудрявцев во введении к этой научному труду отметил основные его преимущества: она обеспечивает полноту и комплекс-

ность решения основополагающих проблем уголовного права; обеспечивает системный подход, стройность, логичность и последовательность; краткость, сжатость и ёмкость изложения.

В этом труде нашли отражение самые передовые научные идеи в области уголовного права. Кроме этого был учтён и опыт зарубежного уголовного законодательства. Ещё в начале XX в. известным учёным в области уголовного права Н. С. Таганцевым отмечалась особая важность зарубежного законодательного опыта для развития права своего государства: «Конечно, при подобной оценке на первом плане должно стоять национальное значение правовых положений: не для удивления или восхваления со стороны чужеземцев создаются законы, а для удовлетворения потребностей своей страны. Но и полное отчуждение от права других народов, от их исторического правового опыта, от вековой работы человечества было бы пагубно для национального развития права. Во всяком праве, а, следовательно, и в нашем, рядом с моментом национальности существует и момент всеобщности; не может какой-либо обладающий зачатками дальнейшего развития жизни народ противоположить себя человечеству, такое отчуждение от живущего есть признак вымирания жизни»¹.

Французский юрист Марк Ансель также подчёркивал, что анализ зарубежного законодательства «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчётливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права»².

В труде «Уголовный закон: опыт теоретического моделирования» нашли отражение социально обусловленные и научно обоснованные подходы к созданию нового УК.

В октябре 1992 г. Президент РФ внес в Верховный Совет РФ проект УК РФ, подготовленный рабочей группой из числа таких учёных, как Г. Н. Борзенков, С. В. Бородин, Н. Ф. Кузнецова, А. В. Наумов и др. Параллельно по поручению Комитета по законодательству Верховного Совета велась работа над альтернативным проектом рабочей группой в составе таких учёных, как И. М. Гальперин, А. Н. Игнатов, С. Г. Келина, Ю. А. Красиков, Г. М. Миньковский, Э. Ф. Побегайло и др. В июле 1994 г. подготовленный этой группой проект также был внесён на рассмотрение в Государственную Думу РФ. Представленные проекты были объединены и вынесены на обсуждение Государственной Думы РФ. В июне 1996 г. был принят новый УК РФ.

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая. Том 1. СПб., 1902. С. 21.

² Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М., 1991. С. 38.

УК РФ 1996 г. имеет несомненные достоинства по сравнению с УК РСФСР 1960 г. В УК РФ учтён положительный опыт, накопленный за всю историю развития уголовного законодательства нашего государства. Важность исторического опыта обоснованно отмечается в научной литературе: «Без обращения к историческим корням научного знания не может быть адекватно осмыслена система идей и категорий, образующих его современный уровень. История не только предостерегает от повторения прежних ошибок и повторного открытия одного и того же. Она показывает также направление движения, откуда и куда мы идём. «Память» науки, подобно памяти человека, бережется не ради неё самой, а ради будущего»¹.

В УК РФ реализованы многие научные разработки учёных Академии МВД, Юридического института МВД, Московского юридического института МВД, Московского института МВД, ВНИИ МВД, Института Генеральной прокуратуры, МГУ, других вузов, ИГП АН, участвовавших в подготовке труда «Уголовный закон: опыт теоретического моделирования».

Например, в данном труде было предложено разделение преступлений по степени тяжести на 4 категории: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Именно данная классификация была закреплена в УК РФ 1996 г. (ст. 15). Однако после принятия УК РФ впоследствии в него стали вноситься хаотичные, бессистемные изменения. Например, грамотное решение о разделении преступлений по степени тяжести на 4 категории было проигнорировано при принятии ФЗ от 8 декабря 2003 г. о внесении многочисленных изменений в УК РФ. В частности, этим Законом устанавливалось, что условное осуждение может применяться к лицам, осуждённым к лишению свободы на срок до 8 лет. Согласно такому законодательному решению условное осуждение можно применять, в том числе к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, например убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ). За данное особо тяжкое преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 6 до 15 лет. И ничто не мешает суду назначить виновному наказание в пределах от 6 до 8 лет лишения свободы и применить условное осуждение. Более того, даже за убийство при квалифицирующих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ), таких, например, как убийство двух или более лиц, женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, совершённое с особой жестокостью, совершенное общеопасным способом, по найму, сопряжённое с разбоем, вымогательством или бандитизмом и т. д., суд также может назначить наказание в виде лишения свободы на срок 8 лет и применить условное осуждение, так как санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы как раз на срок от 8 лет.

Очевидно, правильнее было бы в ст. 73 УК РФ установить, что условное осуждение применяется к лицам, осуждённым за совершение пре-

¹ Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1966. С. 554.

ступлений небольшой тяжести и средней тяжести, и не может быть применено к осуждённым за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Кроме этого, вряд ли можно согласиться с изменениями, внесёнными в декабре 2011 г. в ст. 15 УК РФ о категориях преступлений. Данная статья была дополнена ч. 6, где установлено, что суду предоставляется право изменять категорию преступления на менее тяжкую. Таким образом, необоснованно расширяются рамки судебного усмотрения даже по таким вопросам, которые чётко регламентированы на законодательном уровне. Пять частей ст. 15 УК РФ подробно разъясняют какие преступления, исходя из их общественной опасности, к какой категории тяжести относятся. А новая ч. 6 этой же статьи как бы говорит: все, что указано выше – это теория, а на практике суды могут по своему усмотрению изменять категорию тяжести преступлений на более мягкую.

В труде «Уголовный закон: опыт теоретического моделирования» под редакцией В. Н. Кудрявцева и С. Г. Келиной предусматривалась повышенная ответственность за неоднократность совершения преступления. И в УК РФ 1996 г. это также нашло своё отражение. Но через 7 лет его действия ст. 16 (неоднократность) была исключена из УК РФ. Обоснованность такого законотворческого подхода представляется небесспорной. Следует согласиться с мнением А. Н. Игнатова, что исключение института неоднократности из УК РФ привело к резкому смягчению наказания за систематическое совершение преступлений, не являющихся тяжкими, но весьма распространённых, системообразующих, например кражи¹.

Действительно, после исключения ст. 16 о неоднократности из УК РФ и вместе с ней целого ряда норм Особенной части УК РФ, где предусматривалась более строгая ответственность за преступления при наличии такого квалифицирующего обстоятельства, как неоднократное их совершение, сложилась несуразная ситуация. Так, сейчас, если лицо совершило одну кражу, предусмотренную ч. 1 ст. 158 УК РФ, установлено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, а если лицо совершило 10 или 20 либо 50 таких краж – до 3 лет лишения свободы (Ст. 69 УК РФ «Назначение наказания по совокупности преступлений»).

Отказ от уголовно-правовой неоднократности противоречит задачам борьбы с профессиональной преступностью. Криминальный профессионализм как раз и проявляется в систематическом совершении тождественных и однородных преступлений, образывавших неоднократность. Как справедливо отмечает Р. Р. Галиакбаров, «изъяв неоднократность из Уголовного кодекса РФ, законодатель фактически проигнорировал серьёзные теоретические разработки проблемы множественности преступлений, убедительно доказывающие, что повторение преступлений – типичный вариант криминальной активности, вызывающий серьёзное возрастание обще-

¹ Игнатов А. Н. Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 25.

ственной опасности содеянного и нуждающийся в специальной криминализации»¹.

В отличие от действующей редакции УК РФ уголовные кодексы многих зарубежных стран содержат нормы о неоднократности преступлений.

В труде «Уголовный закон: опыт теоретического моделирования» был предусмотрен, в том числе, такой вид наказания, как конфискация имущества. В УК РФ 1996 г. также система наказаний включала в себя данный вид². Но через 7 лет его действия был принят Федеральный закон, которым данный вид наказания был исключён из УК РФ. А ещё через 2,5 года Федеральным законом конфискация имущества вновь была возвращена в УК РФ, но уже не в виде наказания, а в качестве так называемой иной меры уголовно-правового характера. По поводу содержания этой меры следует отметить, что настолько стало всё усложнено и запутано, что здесь как раз уместна известная поговорка: где два юриста, там три мнения.

Следует согласиться с мнением В. Н. Бурлакова о том, что законодатель своими поправками «запутал всех, и учёных, и практиков»³. Итальянским юристом Чезаре Беккариа давно в работе «О преступлениях и наказаниях» отмечалось: чтобы уголовное законодательство выполняло предупредительную роль в отношении возможных преступлений, необходимо сделать законы более ясными и простыми, понятными для народа, а не только для законодателей и судей. К сожалению, в современном УК РФ в результате перманентно вносимых в него импульсивно-хаотичных изменений сложно разобраться не только гражданам, но и юристам – научно-педагогическим работникам, дознавателям и следователям.

В соответствии с научными разработками широко известных специалистов по проблемам предупреждения преступности несовершеннолетних, таких, например, как Р. М. Абызов, М. М. Бабаев, Н. И. Ветров, Г. М. Миньковский, В. П. Ревин и других учёных, вполне обоснованно в УК РФ 1996 г. закреплена льготная уголовно-правовая политика в отношении лиц, совершивших преступление в 14–17-летнем возрасте. Однако вряд ли можно признать криминологически обусловленными последующие изменения в УК РФ, устанавливающие чрезмерно избыточные привилегии для несовершеннолетних преступников, повторно совершающих тяжкие преступления.

Так, например, ст. 88 УК РФ была дополнена новой частью 6.2, в которой предусмотрено, что если несовершеннолетний осуждённый, которо-

¹ Галиакбаров Р. Р., Соболев В. В. Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами // Уголовное право. 2004. № 2. С. 15.

² П. «ж» ст. 44 УК РФ в первоначальной редакции.

³ Бурлаков В. Н. Криминологическая характеристика преступлений // Российский ежегодник уголовного права. 2006. № 1. С. 194.

му назначено условное осуждение, совершил в течение испытательного срока новое, в том числе – тяжкое (!), преступление, то суд по своему усмотрению вправе снова принять решение об условном осуждении. Такой подход в большей степени свидетельствует не о неких особенностях ответственности несовершеннолетних преступников, а о законодательном установлении попустительства, безответственности даже за повторные тяжкие преступления. В трудах древнегреческого философа Платона есть научное суждение, имеющее непосредственное отношение к сказанному: разумный наказывает не только потому, что был совершён проступок, но и для того, чтобы подобные проступки не совершались впредь¹.

Об отсутствии глубокой научной разработанности (как с точки зрения содержательной, так и юридической техники) многочисленных изменений, внесённых в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г., свидетельствует, например, и то, что через полгода были вынуждены принять Федеральный закон², которым внесено 19 поправок, устраняющих ошибки, допущенные при принятии предыдущего закона.

В УК РФ вносятся порой прямо противоположные изменения по одному и тому же вопросу. Например, когда принимался УК РФ 1996 г., в нём не было предусмотрено возможности освобождения от уголовной ответственности за неуплату налогов (ст. 198). Затем через 2 года данная статья была дополнена примечанием о возможности освобождения от уголовной ответственности, если налогоплательщик полностью возместил ущерб. Однако через пять лет после этого данное примечание почему-то вдруг было исключено. А ещё через 6 лет – в декабре 2009 г. в ст. 198 УК РФ вновь было возвращено примечание о возможности освобождения от уголовной ответственности, если полностью уплачены суммы недоимки, пеней и штрафа.

Как известно, в Уголовных кодексах РСФСР 1922 г., 1926 г. и 1960 г. честь и достоинство личности всегда были объектами уголовно-правовой охраны. Вполне обоснованно ответственность за оскорбление и клевету была предусмотрена и в УК РФ 1996 г. (ст.ст. 129, 130). Но в конце 2011 г. данные статьи были исключены из УК РФ. Причём это сделано в условиях, когда агрессивное поведение стало обыденным явлением.

В этой связи уместно привести мнение немецкого философа Гегеля о том, что государство не должно забывать о своей обязанности поддерживать нравственные правила в обществе всеми средствами. В своей работе «Философия права» он обратил внимание на то обстоятельство, что «если положение самого общества шатко, тогда закону приходится посредством

¹ Цит. по: Луций Анней Сенека. О гневе // Философские трактаты; пер. с лат. и комментарий Т. Ю. Бородай. СПб., 2001.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 30.

наказания устанавливать пример»¹, имея в виду, что строгость наказания находится в определённом соотношении с состоянием общества в данную эпоху.

Видимо, одумавшись, буквально через несколько месяцев после отмены уголовной ответственности за клевету, данное общественно опасное деяние было вновь возвращено в УК РФ в качестве преступления.

По справедливому мнению Г. М. Миньковского, преступность как социально-правовое явление чувствительна к предпринимаемым мерам уголовно-правового характера. Роль уголовного законодательства существенно возрастает при неблагоприятных социально-экономических, нравственно-психологических условиях, не способных оказывать позитивное влияние на факторы, детерминирующие преступность. Уголовный закон может и должен поддерживать моральные устои общества. Одним из инструментов решения этой задачи служит общая превенция. Такие известные учёные, как А. И. Марцев, С. В. Максимов и другие, в своих работах убедительно показали, что общепревентивная функция наказания способна стимулировать усиление чувства ответственности за последствия поведения.

Следующим необоснованным законотворческим решением явилось исключение из санкций нижнего предела наказания в виде лишения свободы для многих преступлений. Сейчас, например, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью может быть назначено наказание в виде 2 месяцев лишения свободы, в том числе и при наличии квалифицирующих и даже особо квалифицирующих обстоятельств.

В УК РФ имеют место и другие парадоксальные ситуации, когда, например, имущество охраняется более строго по сравнению с главными ценностями человека – жизнью и здоровьем. К примеру, за такие имущественные преступления, как кража, мошенничество, присвоение, растрата, совершённые в особо крупном размере, то есть на сумму свыше 1 млн рублей, установлено наказание до 10 лет лишения свободы, а за разбой, то есть нападение в целях хищения имущества, совершённое с применением насилия, опасного для жизни или здоровья человека, – до 8 лет, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека – до 8 лет, за похищение человека – до 5 лет, за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью – до 3 лет лишения свободы.

В этой связи возникает вопрос о правильности законотворческого пути. Это – гуманизация в отношении преступников или попустительство в деле уголовно-правовой охраны прав граждан от преступных посягательств?

По этому поводу известный криминолог А. И. Алексеев отмечал: «В базовой сфере жизни – экономике – воинствующие либералы привели нас

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990.

к августу 1998 года. Это был венец их политики, основанной на пустоportunой болтовне, нежизненных схемах и нереалистических проектах ... И надо крепко озаботиться тем, чтобы российское государство не настиг ещё один дефолт – в сфере борьбы с преступностью»¹.

Вряд ли можно признать обоснованной декриминализацию неосторожного причинения вреда здоровью средней тяжести. Причинение вреда здоровью средней тяжести вызывает существенные негативные последствия для организма человека. К признакам вреда здоровью средней тяжести относятся: длительное расстройство здоровья продолжительностью более 21 дня, значительная стойкая утрата общей трудоспособности от 10 до 30 % (например, тяжёлая черепно-мозговая травма, повреждение спинного мозга, сердечно-сосудистая недостаточность 1-ой степени вследствие ранения сердца, снижение зрения в результате травмы до 0,05, полная потеря слуха на одно ухо, удаление селезёнки в результате травмы и т. п. серьёзные последствия)². При этом опасность причинения вреда здоровью средней тяжести состоит и в том, что первичные последствия могут усугубиться в будущем. Кроме этого, исчезла дополнительная гарантия потерпевших подать гражданский иск о возмещении вреда в рамках уголовного дела. Общеизвестно, что отстаивание законных прав в гражданском процессе вне уголовного дела является очень длительной, сложной процедурой даже для относительно здорового человека, а когда речь идёт о серьёзном вреде здоровью, это может оказаться для него не только затруднительно, но и непосильно вовсе.

Вызывает сомнение юридическая корректность примечания к ст. 126 УК РФ. В нём установлено, что лицо, похитившее человека и добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Возникает вопрос: «В течение какого времени похититель должен добровольно освободить похищенного человека, чтобы не понести уголовную ответственность в соответствии с данным примечанием. Речь идёт о немедленном освобождении после факта похищения человека?». Или в течение нескольких часов? Либо этот вопрос не имеет уголовно-правового значения, и если похититель добровольно освободит похищенного человека через 1 год, 5 лет или 10 лет, то он всё равно будет освобождён от уголовной ответственности за похищение человека? Ответа на данный вопрос в Уголовном законе не содержится.

¹ Алексеев А. И. Должна ли уголовная политика быть либеральной? // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 1. С. 265.

² Правила определения степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека. Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 35. Ст. 4308.

Как известно, важную профилактическую роль играют нормы Особенной части УК РФ с так называемой двойной превенцией¹. Это нормы об уголовной ответственности за такие деяния, которые создают условия для совершения других – более тяжких преступлений. Такие нормы имеют двойное профилактическое действие: во-первых, в отношении деяний, для борьбы с которыми они непосредственно предназначены; во-вторых, в отношении более тяжких преступлений, для которых создаётся благоприятная почва, если первые деяния останутся без реагирования. К ним относятся нормы об ответственности за хулиганство, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, истязание, незаконный оборот оружия, вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий и некоторые другие. Эффективность их профилактического воздействия зависит от того, насколько своевременно лицо будет привлечено к ответственности за деяние, создающее условия для совершения других, более опасных преступлений. Однако после внесения в УК РФ изменений ситуация поменялась в негативную сторону. Так, например, фактически декриминализованы «простое» и «злостное» хулиганство, которые изначально предусматривались в чч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ. Хулиганством теперь признается только грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершённое: а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; б) по мотивам политической, расовой или религиозной ненависти или вражды; в) на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.

Остальные проявления хулиганства остались за рамками Уголовного закона. Как справедливо отмечают Л. А. Андреева и Г. В. Овчинникова, «если учесть распространённость и разнообразие хулиганских действий в современной жизни ... и фактическое отсутствие других действенных мер воздействия на них, то возникает простор для вседозволенности, разнузданного поведения. Нормальная общественная жизнь, спокойствие законопослушных граждан всё более становится не защищёнными государством»².

Криминологами давно отмечена на статистическом уровне закономерность: ослабление борьбы с хулиганством ведёт к росту тяжких и особо тяжких насильственных преступлений³.

За период действия УК РФ по состоянию на 10 февраля 2018 г. было принято 214 законов о внесении в них изменений, при этом нередко одним законом вносится множество поправок. Изложенное свидетельствует, что уголовно-правовое законодательство является неустойчиво-

¹ Побегайло Э. Ф., Ревин В. П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности. М., 1988.

² Андреева Л. А., Овчинникова Г. В. Ответственность за хулиганство // Законность. 2004. № 5. С. 7.

³ Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М., 2015. С. 445.

ситуационным, не имеющим чёткой стратегии и научного обоснования. УК РФ, образно говоря, стал похож на российские дороги с многочисленными ямами, ухабами и заплатами, которые вскоре вновь превращаются в те же ямы.

В этой связи предлагается в 2020 г. принять новый УК РФ, сделав его более простым, ясным и доступным для понимания не только юристами, но и населением в целом.

© Базаров Р. А.

УДК 341. 231.14:340.125

Самигуллин Венир Калимуллович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
государства и права и международных
отношений Восточной экономико-
юридической гуманитарной академии,
г. Уфа, Россия

О КУЛЬТУРЕ МИРА И ЕЕ ОБЕСПЕЧЕНИИ

«Хотят ли русские войны?» – спрашивает поэт Евгений Александрович Евтушенко (1933–2017) в одном из своих стихотворений, переложённом, благодаря музыке Э. Колмановского, в песню, ставшую советским шлягером. По песне получалось, что русские, хотя и умеют воевать, войны все же не хотят. А другие народы (скажем, татары или башкиры, немцы или французы, арабы или китайцы) хотят разве войны? Конечно же, нет. Никто из обычных людей (гади кешеләрдән) не желает войны. Кроме «ястребов войны», для которых война – дом родной; разновидность предпринимательской деятельности, преследующей целью извлечение наживы (прибыли, дохода) за счет силового разорения тех или иных слаборазвитых стран и народов, все хотят мира и согласия, счастливой жизни в достатке и благоденствии. Почему же тогда возникает проблема войны и мира, которая нередко встает в смысле война или мир? Почему же опять солнечной нашей планете грозят атомным громом?

Детерминист, надо думать, найдет целый ряд причин, объясняющих это. И наверняка, во многом он будет прав. Мне бы хотелось заострить внимание лишь на одном вопросе – на *культуре мира и ее обеспечении*, естественно, в свете «Всеобщей декларации прав и свобод человека и гражданина».

По мнению Ф. Брокгауза и И. Ефрона, «культура, лат. – 1) *Агрон.*, возделывание растения, совокупность всех приемов для обработки почвы, посева, ухода за растениями и пр., отсюда *культурные растения*, – те, ко-

торые произрастают при участии труда человека и испытанные на себе, на процессе своего развития, влияние труда человека, создавшего новые разновидности и породы растений. – 2) *Истор.*, общее состояние народа в материальном и духовном отношении. Различают *материальную* К. (жилища, одежда, формы и орудия хозяйства, произведения промышленности и искусства и др.), *духовную* К. (язык, обычаи, верования, письменные памятники, литература и пр.), *общественную* К. (государственные и общественные учреждения, законы и пр.). Разделяют К. на периоды развития: первобытная К., К. каменного или бронзового века, свайных построек, К. античная, К. периода паровых двигателей, электрическая и т. п. Духовную и общественную К. иногда обозначают терминами «цивилизация» или «гражданственность»¹. Приведенная характеристика культуры дана на рубеже XIX – XX веков. Несмотря на это, она сохраняет свое значение и ныне – в XXI веке. И сегодня, анализируя культуру как феномен², часто выделяют в ней три блока: материальную, политическую, духовную составляющие. Вместе с тем при углублении в предмет выясняется, что существует несколько подходов к определению культуры как таковой. Например, предметный, семиотический, функциональный, деятельностный и др. Каждый из этих подходов особый, каждому из них присущи достоинства и недостатки.

С точки зрения нашего предмета, наиболее плодотворным является рассмотрение культуры в теснейшей связи с *деятельностью* людей, с формированием их как личности, каково бы ни было их место на служебной лестнице, чем бы они ни занимались, где бы ни оказались. Если основательно вдуматься, то проблема культуры – это, прежде всего, проблема взаимодействия людей в процессе их деятельности, когда актуализируется вопрос о полезном соединении их энергетических возможностей, о направленной реализации их сущностных сил в конструктивном ключе. На наш взгляд, именно этот подход позволяет наиболее полно выявить специфическую, особую, роль культуры во взаимоотношениях человека и мира, мира как общества, взятого в различных срезам, и мира как состояния общества и его государственности, что противоположно войне – организованной вооруженной борьбе между государствами или народами/нациями.

Одни верят в Бога, другие – в революцию, третьи – в эволюцию, четвертые – в конституцию, пятые – в милицию/полицию, шестые – в теоретическую концепцию, в индукцию, дедукцию. Если развивать эту мысль дальше, то получается, что вообще неверующих людей на Земле практически нет. Все земляне верующие. Все верят в кого-то или во что-то. Осуждать людей за ту или иную веру и за ее идеализацию, пожалуй, было бы

¹ Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М.: Эксмо; Форум, 2007. С. 360

² Представляется, философы правильно обращают внимание на то, что феномен – это одно, а понимание и объяснение его – это уже другое.

несправедливо. Но в условиях, когда между людьми нет мира и согласия в главном вопросе – о жизни и смерти, о пути, ведущем человека и мир-общество к развитию в режиме, не позволяющем деструктивным силам раскачивать общество и его государственность, угрожая уничтожить все живое, тема веры обостряется. Причем в масштабе и отдельного национального государства, и в планетарном масштабе. Обостряется, соответственно, и тема культуры мира.

Сегодня исключительно важно определиться в том, что способствует правильному культурному развитию человека и мира-общества, и в том, что мешает этому. Источники свидетельствуют: существует множество факторов, находящихся в различных сферах, из которых одни – факторы прогресса (развития, эволюции), а другие – регресса (тормоз-факторы, разрушительные силы). Все это, так или иначе, сказывается на культуре мира.

Подражая К. Марксу и Ф. Энгельсу, опубликовавшим в 1848 году в Лондоне «Манифест коммунистической партии»¹, Сергей Серафимович Перуанский издал книгу, которую назвал «Манифест гуманистической партии»². Нетрудно заметить, что автором на интеллектуальное вооружение взято понятие «гуманизм», которое теснейше связано с другим понятием – *разумом*.

Сама по себе идея гуманизма отнюдь не нова. Она выдвигалась еще в древности и ее, естественно применительно к условиям своего времени, развивали многие мыслители, философы, ученые Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени. Но толком эта идея не могла повсеместно утвердиться, потому что то затиралась, то игнорировалась, а то и, объявляясь утопической и безбожной, вовсе предавалась анафеме. И в современных условиях идея гуманизма разделяется не всеми.

Разумеется, как организованной политической единицы гуманистической партии сегодня нет. Но как идея, интеллектуальное и культурное течение, концепция и доктрина гуманизм весьма конструктивен и продуктивен. По существу, каждый человек в душе гуманист с самого рождения. И если он (человек) не утратил это чувство, то он стихийный член гуманистической партии (иначе – партии жизни) – многопланового общечеловеческого движения, развивающегося в русле одушевленных и овеществленных законов природы и общества.

Если тему гуманизма перевести в правовую плоскость, то возникает возможность развития темы *гуманистического права*. Отстаивать идею гуманистического права, пытаясь оформить ее в концепцию, даже в эпоху плюрализма и толерантности, до некоторой степени рискованное мероприятие. Но, на взгляд автора, в данном случае риск оправдан в том смысле, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд. второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 419–459, 573–574.

² Перуанский С. С. Манифест гуманистической партии. Исторически перспективная государственная идеология. М.: РГО, 2013.

гуманистическое право больше отвечает потребностям и интересам нашего современника, чем буржуазное право или социалистическое право, если их рассматривать как полярные и антагонистические системы.

Хотя на сегодня гуманистическое право в полном объеме еще не сложилось, начала его уже обозначились. Так, об этом свидетельствуют весьма осторожные шаги, предпринимаемые властями по включению в юридический процесс процедур медиации, декриминализации уголовного права, гуманизации отношения властей и населения к осужденным и отбывшим наказание в местах не столь отдаленных. Представляется, что выбор в пользу гуманизации современного права совершенно правильный. Во всяком случае, достаточно уверенно можно утверждать: наилучшие правовые условия для формирования культуры мира образуются при закономерном развитии именно гуманистического права. Того права, которое, рассматривая человека как самоценность, стремится к тому, чтобы он (человек) развивался свободно. Предел – права и свободы, получившие признание и закрепление во «Всеобщей декларации прав и свобод человека и гражданина», с одной стороны, международное право – с другой, а с третьей – принципы и нормы национальной правовой системы, если они не противоречат правам человека и международному праву. Последовательное развитие гуманистического права – генерального направления развития современного общества и его государственности – потребует наверняка некоторой перестройки национальных правовых систем и постоянной их корректировки адекватно новым социальным ситуациям, особенно в части их законодательных составляющих и их правоприменительной практики. Усилятся процессы, связанные с взаимовлиянием друг на друга систем права, относящихся к различным правовым семьям. На качественно новый уровень, думается, поднимется и международное право.

В экономическом отношении формированию культуры мира способствует правильно организованная экономика. А это есть такая экономика, в которой все ее составляющие (собственность, производство, обмен, распределение, потребление, промышленный и аграрный сектора, торговля, финансы и др.) развиваются в ладу, а не находятся в разладе, переходя из одного кризисного состояния в другое. Таковую экономику можно было бы назвать правовой экономикой. Если взять постсоветскую Россию, то она должна стать наконец-то привлекательной и удобной для жизни обычных людей. В этой связи было бы неплохо присмотреться лучше к «Домострою». Хотя эта книга-устав рубежа XV – XVI – XVII веков, в ней немало идей, положений, рекомендаций, пожеланий ценных и полезных с позиции жизненных потребностей и интересов нашего современника. И это, несмотря на то, что он (наш современник) оснащен мобильным телефоном, компьютером и другими атрибутами третьей волны научно-технической информации и уже вроде бы ни в чем не нуждается. В потребительском обществе доступно все. Были бы деньги, финансы.

Вместе с тем культура мира требует экономической интеграции стран и народов на всех доступных им уровнях и направлениях, там, где экономическое сотрудничество для сторон взаимовыгодно. Сегодня Россия включена в структуру БРИКС, ШОС, ЕЭП и некоторых других международных организаций и объединений, что, по мнению ряда авторитетных ученых и специалистов, позитивно работает на культуру мира.

Установлению культуры мира способствует также миротворческая деятельность Организации Объединенных Наций (ООН), государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Миротворческая деятельность этих международных организаций не ограничивается только мероприятиями политического, дипломатического, идеологического, психологического характера, а предполагает применение еще в рамках права и силовых структур. По некоторым данным, нуждающимся, однако, в уточнении, миротворческие силы ООН составляют около 150 тысяч человек, а ОДКБ – порядка 3,6 тысяч человек. Если взять Вооруженные Силы Российской Федерации, то в каждом военном округе имеются миротворческие подразделения соответствующих родов войск определенной численности. Воодушевляемые миротворческой идеей вооруженные силы, которыми располагают ООН и ОДКБ, в случае необходимости могут использоваться в миротворческих целях для защиты мирного населения, поддержания мира и безопасности в очагах международной и внутригосударственной напряженности и конфликтов.

Словом, сегодня все более осознается, что мир нуждается в культурном освоении. Это требует развития не только правовой экономики, взятой в национальном, региональном и международном срезах, но и конструктивной миротворческой деятельности, опирающейся, помимо всего, и на вооруженные силы, действующие в рамках подлинного права – права как мерного явления; меры свободы, сопряженной с риском и ответственностью; права как искусства добра и справедливости.

Культурное развитие мира невозможно без достаточно высокого уровня духовности, что тоже связано с темой гуманизма, гуманистического права. Развитие гуманизма в направлении повышения гуманности общественных отношений, формирования и развития гуманистического права, адекватного этим отношениям, пожалуй, один из важнейших законов развития человеческого общества и его государственности в целом.

В современном обществе и его государственности, где добро и зло, справедливость и несправедливость, равенство и неравенство, свобода и несвобода часто находятся в конфронтационных отношениях, добиться гармонии ума, чувства и воли, чего требует духовность, непросто. Но не духовные человек и мир-общество обречены на погибель. «Бога нет, значит все можно», – говорили пытавшиеся установить новый невиданный ранее порядок, опираясь только на силу (насилие, принуждение); осчастливить всех, опираясь на диктатуру, которая выдавалась за наилучшую,

наипревосходнейшую, наивысшую демократию. И... что? Неудача следует за неудачей. Конечно же духовность нельзя понимать только в религиозном плане. Она более богатое и содержательное явление, распространяющее свое значение и на теистов, и на атеистов, и даже на тех, кто, не определившись в своих взглядах твердо, мечется между ними.

В духовном отношении мир и его культура, культура мира могут быть обеспечены лишь при твердом и последовательном соблюдении, по меньшей мере, следующих условий: в меру толерантности, плюрализма, деbüroкратизации, всемерной поддержки развития культуры и образования, науки и искусства. Представляется, постоянно в поле зрения широкой общественности должны находиться вопросы разумных потребностей (страсть к наживе олигархов и других прихлебателей должна быть умеренна), разоружения (страсть к милитаризации тоже должна быть умеренна). *Ne quid nimis*¹. Думается, необходимо реанимировать тему мирного сосуществования, рассматривая ее широко, а не только применительно к международным отношениям.

Особого внимания требует проблема солидарности. Получилось так, что о солидаризме немножко подзабыли. Между тем солидаризм – это весьма продуктивная идея и конструктивное движение. В принципе солидаризм вполне совместим с гуманизмом, поскольку он в факторах солидарности усматривает важную силу социального развития и стремится к свободе и справедливости в идеях братства и служения. Хотя этика солидаризма распространяет свое значение лишь на определенный круг лиц, в своей основе она не противоречит основополагающим принципам гуманистического права. Она (этика солидаризма) тоже за культуру мира, благо, добро и справедливость.

В советское время газета «Правда» выходила под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Мне же хотелось бы призвать к следующему: «Гуманисты всех стран и народов, объединяйтесь!». Объединяйтесь духовно и организационно, солидаризируясь в отношениях между людьми в утверждении добра и справедливости, стремясь к общему благу, к счастью, к продолжению жизни, установлению культуры мира и сохранению ее, передавая ее из поколения к поколению. Чтобы человек жил счастливо, в свободе, равенстве, справедливости, необходимы культурный мир и сильная Отчизна. И все непременно станет социальной реальностью, если, преодолевая трудности и радуясь успехам, смело идти вперед путем гуманизма и солидаризма, ориентируясь на ценности, принципы и нормы гуманистического права, в основе которого разум, а не произвол, волюнтаризм и субъективизм, частенько маскирующиеся под право. Тем более, не насилие, так как *vis legibus est inimica*².

¹ Ничего сверх меры (лат.)

² Насилие есть враг права (лат.)

Природой разум
Дается, почитай, даром.
И им сразу, разом,
Можно многое постичь,
Можно многое достичь,
Если усвоить одно:
Все гуманное – разумно,
Все разумное – гуманно.
Браво,
Браво!
Братья и сестры,
Начинать пора
Формировать новое право –
Г у м а н и с т и ч е с к о е.

© Самигуллин В. К.

УДК 351.74.08-052-049.5(470)

Хисматуллин Рашит Сагитович,
доктор юридических наук, профес-
сор, заслуженный юрист Республики
Башкортостан, Почетный судья Вер-
ховного Суда Республики Башкорто-
стан, профессор кафедры уголовного
права и процесса Института права
Башкирского государственного уни-
верситета, г. Уфа, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УКАЗАННЫХ ЛИЦ

Встречаясь в Кремле 26 октября 2017 года с высшими офицерами и прокурорами, назначенными на вышестоящие должности и получившими высшие воинские и специальные звания, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в ходе церемонии определил задачи, стоящие перед командным составом Вооруженных Сил, правоохранительных органов и специальных служб.

«Перед вами стоят крайне ответственные, сложные задачи, от решения которых зависит уверенное развитие страны, надёжная защита национальных интересов, обеспечение безопасности граждан Российской Федерации», – акцентировал Президент России.

Особо остановился Владимир Владимирович Путин на работе органов внутренних дел, подчеркнув необходимость дальнейших «наступательных и результативных действий в борьбе с криминалом»¹.

Считаю, данные точные и справедливые слова и указания Президента Российской Федерации В. В. Путина в полной мере относятся к обеспечению реальной защиты прав и свобод граждан, в полной мере относятся и к решению проблем совершенствования государственной защиты, к реальному, действительному, выполнимому обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции).

Как известно, в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (с изменениями на 29 июля 2017 года) «Государственная защита жизни и здоровья, чести и достоинства сотрудника полиции и членов его семьи, а также имущества, принадлежащего ему и членам его семьи от преступных посягательств в связи с выполнением служебных обязанностей осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации» (ч. 6 ст. 30 Федерального закона).

В связи с данными и изложенными в ФЗ «О полиции» гарантиями хотелось бы обратить внимание на несколько моментов.

1. В последние годы в Российской Федерации уделяется достаточно большое внимание соблюдению прав и основных свобод человека и гражданина. Кроме того, государство серьезно озабочено и проблемами обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

Основным законом в области охраны и защиты жизни, здоровья и имущества должностных лиц правоохранительных органов является Федеральный закон «О государственной защите судей и должностных лиц правоохранительных органов» от 20 апреля 1995 г. (в ред. Федерального закона от 1 июля 2017 г.).

Следует подчеркнуть, данный Федеральный закон является своевременным и необходимым.

В соответствии с указанным законом применение и осуществление мер безопасности:

1) в отношении, например, следователей, а также их близких, возлагается на органы внутренних дел;

2) осуществление мер безопасности в отношении должностных лиц органов внутренних дел, а также их близких возлагается на органы внутренних дел.

¹ Офицерским шагом // Российская газета. 2017. 27 октября. С. 2.

В органах внутренних дел в целях обеспечения безопасности защищаемых лиц создаются специальные подразделения (ст. 12 Федерального закона).

В соответствии с указанным федеральным законом «для обеспечения защиты жизни и здоровья защищаемых лиц и сохранности их имущества могут применяться с учетом конкретных обстоятельств следующие меры безопасности:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;
- 3) временное помещение в безопасное место;
- 4) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;
- 5) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы;
- 6) переселение на другое место жительства;
- 7) замена документов, изменение внешности (ст. 5 федерального закона).

2. В соответствии с «Международным пактом о гражданских и политических правах государства обязуются обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективное средство правовой защиты».

Согласно «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (Рим, 4 ноября 1950 г.) каждый, чьи права и свободы нарушены, располагает эффективными средствами правовой защиты». Российская Федерация присоединилась к данным международным актам о правах человека и приняла на себя обязательства по соблюдению указанных норм международного права.

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно подчеркивал: «Нужно опираться на международное право ... Россия развивается и будет развиваться как демократическое государство».

Выступая в Сямене (КНР) 5 сентября 2017 года на конференции после саммита БРИКС, Президент Российской Федерации В. В. Путин вновь подчеркнул «необходимость обеспечения деятельности в соответствии с нормами международного права»¹.

Поэтому в целях более полного и реального соблюдения прав должностных лиц правоохранительных органов, дальнейшего совершенствования обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите, всестороннего, полного и реального обеспечения мер безопасности и защиты указанных лиц, считаем необходимым дополнить ст. 5 Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» частями второй и третьей в следующей редакции:

¹ Коммерсант. 2017. 6 сентября. С. 4.

«Статья 5. Виды мер безопасности
дополнить ч. 2 ст. 5:

«Для обеспечения защиты жизни и здоровья защищаемых лиц и сохранности их имущества меры безопасности, в случае необходимости, могут быть приняты «до», «в течение» и «после производства предварительного расследования».

Дополнить ч. 3 ст. 5:

«С учетом характера и степени опасности для жизни и здоровья защищаемых лиц и сохранности их имущества могут быть приняты и другие меры безопасности, не противоречащие настоящему Федеральному закону и иным законам Российской Федерации».

© Хисматуллин Р. С.

УДК 342.4(470.57)

Муратшин Фларит Рашитович,
доктор юридических наук, профес-
сор, судья Конституционного Суда
Республики Башкортостан, г. Уфа,
Россия

О ВЕРХОВЕНСТВЕ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН И ОБ ОБЯЗАННОСТИ КАЖДОГО СОБЛЮДАТЬ ЕЕ НОРМЫ

Как известно, Конституция – это нормативный акт, обладающий высшей юридической силой. Это в равной мере относится и к Конституции Республики Башкортостан, которая по вопросам, отнесенным к ведению Республики Башкортостан, имеет приоритет над другими правовыми документами, принятыми в Республике Башкортостан. Данная мысль конкретизирована в статье 14 Конституции Республики Башкортостан: «Законы и иные нормативные правовые акты, принимаемые в Республике Башкортостан, не должны противоречить настоящей Конституции».

Ныне действующая Конституция Республики Башкортостан, в отличие от своих предшественников¹, не содержит в своем наименовании вспомогательного словосочетания «Основной Закон». Тем не менее таковой она является. Не случайно законодатель использует термин «Основной Закон» применительно к Конституции Республики Башкортостан в Законе республики от 12 августа 1996 года № 42-з «О нормативных право-

¹ См.: Конституция Башкирской АССР 1937 года и Конституция (Основной Закон) Башкирской АССР 1978 года // Конституция (Основной Закон) РСФСР. Конституции (основные законы) автономных советских социалистических республик. М.: Советская Россия, 1979.

вых актах Республики Башкортостан»¹, как бы подтверждая, что Конституция – это закон законов, высший закон в государстве.

Речь в данном случае, конечно, идет лишь о правовой системе Республики Башкортостан и не распространяется на акты, принятые на федеральном уровне.

Еще одно важное положение содержится в ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Башкортостан, а именно: о прямом действии Конституции Республики Башкортостан. Заметим, что в предыдущих конституциях республики 1925, 1937 и 1978 годов этого не было. Прямое действие Конституции означает следующее. Во-первых, Конституция – не чисто политический документ, содержащий декларации или призывы, а именно нормативный правовой акт, положения которого направлены на регулирование общественных отношений. Во-вторых, Конституция – документ, которым следует руководствоваться во всех случаях, когда это возможно, не дожидаясь, когда в развитие конституционных норм будет принят их конкретизирующий закон или иной акт. В случае же обнаружения противоречий между конституционным и текущим законодательством возможно применение конституционных норм напрямую.

Не случайно ст. 6 вышеназванного Закона Республики Башкортостан «О нормативных правовых актах Республики Башкортостан» характеризует Конституцию Республики Башкортостан как Основной Закон государства, закрепляющий основополагающие принципы правового регулирования и являющийся правовой основой текущего законодательства и непосредственным источником права Республики Башкортостан.

В то же время Конституция Республики Башкортостан нередко содержит отсылки на другие законы. В юридической литературе законы, прямо предусмотренные в Конституции, часто именуются «конституционными законами» по примеру федеральных конституционных законов². Хотя сам термин «конституционный закон» в Конституции Республики Башкортостан не встречается, такие законы республики, как «О статусе города Уфы – столицы Республики Башкортостан», «О Государственном Собрании – Курултае Республики Башкортостан», «О Главе Республики Башкортостан»³ и многие другие, нередко считают конституционными.

Часть 3 ст. 14 Конституции Республики Башкортостан предусматривает обязательность Конституции, законов и иных нормативных правовых актов Республики Башкортостан для органов государственной власти, других государственных органов и государственных учреждений, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, долж-

¹ См.: Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. 1996. № 11 (53). Ст. 762.

² См., например: Луценко С. И. Расстановка юридических приоритетов в соотношении норм федерального конституционного законодательства и международного права // Современное право. 2016. № 10.

³ См.: Ведомости Государственного Собрания, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2003. № 4 (160). Ст. 163; 2015. № 3 (477). Ст. 99; 2015. № 3 (477). Ст. 100.

ностных лиц и граждан, находящихся на территории Республики Башкортостан. Тем самым эта норма регламентирует действие конституционных и иных нормативных положений законодательства Республики Башкортостан в пространстве и по кругу лиц.

Рассматриваемые конституционные нормы находятся в тесной взаимосвязи со ст. 60 Конституции Республики Башкортостан, в которой зафиксирована обязанность каждого, находящегося на территории Республики Башкортостан, соблюдать ее Конституцию, законы и иные нормативные правовые акты, уважать права и свободы, честь и достоинство других лиц.

Приведенная норма Конституции Республики Башкортостан полностью согласуется с положением статьи 15 Конституции Российской Федерации о том, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

Термин «соблюдать», используемый законодателем в данном случае, не следует понимать в узком смысле, употребляемом в теории права, как обязанность соблюдать одни лишь запреты¹. «Соблюдать» в контексте этой нормы – это, скорее, «выполнять» или «реализовывать». Соблюдение Конституции, законов и иных нормативных правовых актов означает одновременно и соблюдение запретов, и исполнение обязательств, и использование правомочий.

Обязанность соблюдать требования Конституции, законов и иных нормативных правовых актов республики носит универсальный характер и распространяется на всех субъектов права, в том числе граждан Российской Федерации, иностранцев и лиц без гражданства, кто находится на территории Республики Башкортостан. Вместе с тем для отдельных категорий лиц, например граждан страны, могут быть установлены дополнительные обязанности по соблюдению требований законодательства.

Данная конституционная обязанность, если рассматривать ее в самом широком смысле, по существу, вбирает в себя практически все другие обязанности, предусмотренные Конституцией (обязанности сохранять окружающую среду, животный и растительный мир, бережно относиться к природным богатствам, платить законно установленные налоги и сборы). Вместе с тем обязанность соблюдать Конституцию, законы и другие нормативные правовые акты в том смысле, в каком она закреплена в Конституции Республики Башкортостан, позволяет сконцентрировать внимание на обязанности каждого уважительно относиться к конституционным и иным нормам права, выполнять их требования, тем самым повышать уровень своего правосознания и правовой культуры.

¹ Маликов М. К. Проблемы реализации права. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1988. С. 61.

Кроме того, рассматриваемая конституционная норма также говорит об обязанности каждого уважать права и свободы, честь и достоинство других лиц. Это соответствует основному принципу международного права – принципу уважения прав и свобод человека, предусмотренному «Всеобщей декларацией прав человека 1948 года», «Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах» 1966 года, «Международным пактом о гражданских и политических правах» 1966 года.

Необходимость данного конституционного положения вызвана тем, что индивид, свободно осуществляя свои права и свободы, не может не взаимодействовать с другими людьми и порой его интересы входят в противоречие с интересами, правами и поступками других лиц. Поэтому перед обществом и государством стоит задача согласовать интересы, права и поступки разных людей на основе компромисса, гармонизировать взаимоотношения между свободными индивидами, добиться того, чтобы осуществление прав одних не происходило за счет ущемления прав и свобод других, унижения их чести и достоинства.

Конституция Республики Башкортостан в данном случае не ограничилась лишь провозглашением обязанности каждого уважать права и свободы, честь и достоинство других лиц. Например, в ее статье 49 Республика Башкортостан гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в случае их нарушения, предоставляет право каждому защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

© Муратшин Ф. Р.

УДК 343.126(470)

Кутуев Эльдар Кяримович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

ДОМАШНИЙ АРЕСТ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Проблемами избрания и продления, исполнения мер пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу занимались ученые уже не одно столетие. Так, вопросам домашнего ареста посвящены исследования: С. О. Бажанова, Н. Козловой, С. М. Тимофеева, З. Д. Еникеева, С. А. Долгушина, В. А. Светочева, Н. В. Ткачевой и др.

Заключение под стражу исследовалось: В. Ф. Бычковым, И. Л. Петрухиным, М. Х. Гельдибаевым, А. Е. Григорьевой, Л. И. Даньшиной, Ю. Д. Лившиц, Н. Д. Ратниковой и др.

Несмотря на множество работ, темы избрания мер пресечения, возможностей ограничения конституционных прав при реализации данного института остаются одними из самых актуальных, дискуссионных и неразрешенных в уголовном процессе.

Приведем лишь ряд проблем рассматриваемого института уголовного процесса:

1. Возможно ли реально контролировать подозреваемого, обвиняемого, которому запрещено общаться с определенными лицами. Как проверить, что он выполняет эту обязанность во время прогулки или при передвижении к месту учебы, работы либо общения по месту работы, а также на территории учреждения здравоохранения, если оно является местом исполнения домашнего ареста в соответствии с ч. 11 ст. 107 УПК РФ?

2. Является ли по своему существу домашний арест таковым, если нормативно установлен запрет на проверку в ночное время подозреваемого, обвиняемого, к которому применен домашний арест и отсутствие возможности использования электронных и иных технических средств контроля и аудиовизуальных устройств в отношении лица, к которому применен домашний арест?

3. Как поступать в ситуации, когда лица, на законном основании проживающие с подозреваемым, обвиняемым, возражают против установки устройства аудиовизуального контроля по месту исполнения домашнего ареста? Среди оснований неприменения меры пресечения нет отказа лиц, на законном основании проживающих с подозреваемым, обвиняемым, к которому применен домашний арест, на установку устройства аудиовизуального контроля, предусмотренного постановлением Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и(или) ограничений».

4. Как увеличить техническую оснащенность соответствующими устройствами контроля? В Санкт-Петербурге подразделения оснащены браслетами, позволяющими отследить соблюдение ограничений подозреваемым, обвиняемым лишь на 40 %.

5. Как рационализировать процедуру явки к дознавателю или следователю подозреваемого, обвиняемого, к которому применен домашний арест без полной изоляции от общества?

6. Где должны происходить встречи подозреваемого, обвиняемого, находящегося под домашним арестом в условиях полной изоляции от об-

щества, с нотариусом и иными лицами в силу реализации не ограниченных по суду гражданских прав (в частности, на предпринимательскую деятельность)?

7. Соответствует ли закону разъяснение Верховного Суда РФ данное в постановлении Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» в части того, что если преступления, перечисленные в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, совершены индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации в соучастии с иными лицами, не обладающими указанным статусом, то в отношении этих лиц при отсутствии обстоятельств, предусмотренных в пунктах 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, также не может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу?

Нам видится решение указанных проблем следующим образом. При решении первой проблемы приходится констатировать отсутствие возможности реального контроля за подозреваемым, обвиняемым, которым запрещено общаться с определенными лицами, что он выполняет эту обязанность во время прогулки или при передвижении к месту учебы, работы, либо при общении с такими лицами по месту работы. В отношении последнего контроль может быть реализован, если по месту работы подозреваемого, обвиняемого установлен пропускной режим работы. Вместе с тем это не мешает подозреваемому, обвиняемому встречаться с лицами, на общение с которыми установлен запрет в иных местах. Итак, если эти лица не потерпевший, свидетели или иные участники судопроизводства, на которых подозреваемый, обвиняемый может оказать какое-либо воздействие и которые сами сообщают дознавателю, следователю, что субъект домашнего ареста нарушил запрет, правоохранительные органы фактически не в состоянии контролировать выполнение указанного запрета.

Применительно же к запрету на общение с определенными лицами в учреждении здравоохранения мы считаем, что контроль за выполнением этого запрета может быть выполнен лишь с разрешения лечащего врача или администрации учреждения здравоохранения. Им при этом должны быть представлены данные, позволяющие идентифицировать лиц, с которыми запрещено общение субъекту домашнего ареста, включая фотографии этих лиц. Перед палатой, в которой находится подозреваемый, обвиняемый, должны быть размещены аналогичные идентификационные данные. При этом любой из персонала медицинского учреждения, в котором находится субъект домашнего ареста, должен поставить в известность его лечащего врача или администрацию учреждения о факте общения подозреваемого, обвиняемого с лицами, с которыми ему запрещено общаться.

При втором вопросе необходимо отдавать себе отчет в том, что фактически невозможно обеспечить контроль за передвижением всех подозре-

ваемых, обвиняемых с использованием электронных и иных технических средств контроля и аудиовизуальных устройств. Это обусловлено экономическим обеспечением уголовного судопроизводства в части производства и внедрения соответствующих устройств. С учетом ежегодного увеличения числа лиц, к которым применяется домашний арест, невозможно предугадать то число соответствующих технических устройств, которое потребуется для обеспечения контроля за передвижением этих лиц.

Установленный запрет на посещение подозреваемого, обвиняемого в ночное время, при отсутствии средств технического контроля за его передвижением, фактически нивелирует саму суть домашнего ареста.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 06 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности ст. 107 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина» указанный Суд изложил в нем позицию Европейского Суда по правам человека. Так, Европейский Суд по правам человека считает, что ограничение свободы и лишение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой или сущностью. Кроме того, Европейский Суд по правам человека при толковании статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод отмечал, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, и предлагал оценивать их не по формальным, а по сущностным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц¹. Именно из этих критериев и исходил Конституционный Суд РФ, когда устанавливал правовую взаимосвязь между заключением под стражу и домашним арестом. Вместе с тем в реальности домашний арест приобрел совсем иные, либеральные черты, которые имеют мало общего с принудительным пребыванием в ограниченном пространстве, изоляцией подозреваемого, обвиняемого от общества, семьи, прекращением выполнения им служебных обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц. В большинстве своем, даже исходя из содержания ст. 107 УПК РФ, подозреваемый, обвиняемый не лишены на это права. Выходит, что домашний арест в ряде случаев может мало чем отличаться от подписки о невыезде и надлежащем поведении, хотя как раз в наличии действенного контроля за субъектом домашнего ареста нам и представлялась правовая взаимосвязь с заключением под стражу. При этом подозреваемый, обвиняемый, помещенные под домашний арест, могут иметь не только свободный режим перемещения и запрет на общение с оп-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П «По делу о проверке конституционности ст. 107 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина» // Российская газета. 2011. 21 декабря.

ределенным, а не с неопределенным кругом лиц, но еще и не подлежать контролю в ночное время. День такого домашнего ареста будет засчитан за день лишения свободы. Несоразмерность сути лишения свободы и отечественного понимания домашнего ареста явно видны.

Мы считаем, что подозреваемый, обвиняемый, помещенные под домашний арест, должны в обязательном порядке проверяться в ночное время по месту исполнения этой меры пресечения, а само понимание домашнего ареста, изложенного в УПК РФ, пересмотрено с учетом позиции Европейского Суда по правам человека. На данном этапе в нормы соответствующего Порядка¹ должно быть внесено дополнение, разрешающее сотрудникам уголовно-исполнительной инспекции контролировать подозреваемого, обвиняемого по месту жительства в ночное время, если отсутствует возможность использования электронных и иных технических средств контроля и аудиовизуальных устройств.

При ответе на третий вопрос напомним, что установка устройства аудиовизуального контроля, при возможности его установки в жилище, где помимо подозреваемого, обвиняемого на законном основании проживают и иные лица, это право последних. В том случае, если эти лица возражают против установки, то, на наш взгляд, необходимо поступать, как и в ситуации, когда отсутствует возможность на установку технических средств. То есть подозреваемого, обвиняемого в целях проверки исполнения запретов и ограничений необходимо будет проверять в ночное время. В целом, исходя из позиции Европейского Суда по правам человека в отношении ограничения свободы, отраженной в уже приводившемся постановлении Конституционного Суда РФ, такая позиция по возможности отказа иных лиц от установки устройства аудиовизуального контроля без последствий для субъекта домашнего ареста, не соответствует характеру данной меры пресечения. На судебное заседание при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо приглашать лиц, проживающих на законном основании вместе с подозреваемым, обвиняемым. При этом уже в суде необходимо выяснять позицию этих лиц относительно того, согласны ли они на установку устройства аудиовизуального контроля. При невозможности или нежелании их явки дознаватель, следовательно обязаны будут представить письменные доказательства (протокол допроса, заявление или т. п.) от этих лиц относительно их позиции на согласие или возражение по соответствующей установке. В случае если хотя бы один из проживающих с подозреваемым, обвиняемым будет против этого, то это должно стать основанием для избрания в отношении подозреваемо-

¹ Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений: приказ Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11.02.2016 г. (Зарегистрировано в Минюсте России 22.03.2016 № 41497) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 03.10.2017).

го, обвиняемого заключения под стражу, а не домашнего ареста, о чем соответствующие лица должны быть заранее предупреждены. Как нам представляется, именно такой, нелиберальный, подход к характеру домашнего ареста будет не только соответствовать этой мере пресечения как одной из форм ограничения свободы, но и будет соответствовать в целом публичному порядку уголовного судопроизводства как механизму противодействия преступлениям.

В отношении четвертого вопроса решение исследовательской задачи нам видится достаточно простым. Если подозреваемый или обвиняемый не полностью изолирован от общества, то необязательно доставлять его к дознавателю или следователю транспортом уголовно-исполнительной инспекции (территориального органа ФСИН России) каждый раз, когда в этом возникает необходимость. Он может являться по вызовам дознавателя, следователя самостоятельно. Прибегать же к услугам уголовно-исполнительной инспекции (территориального органа ФСИН России) необходимо в тех случаях, когда подозреваемый или обвиняемый по решению суда полностью изолирован от общества.

Завершая решение задач по модернизации домашнего ареста, для решения пятого вопроса приведем содержание ч. 13 ст. 107 УПК РФ. В соответствии с данной нормой встречи подозреваемого или обвиняемого, находящегося под домашним арестом в условиях полной изоляции от общества, с защитником, законным представителем, а также с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого или обвиняемого в сфере предпринимательской деятельности проходят в месте исполнения этой меры пресечения. Сразу возникает вопрос: «Почему только в сфере предпринимательской деятельности?». Доверенность может быть и не связана с осуществлением данного вида деятельности, а касаться других гражданско-правовых аспектов, в том числе и защиты прав потребителя. Поэтому, как нам представляется, из указанной нормы необходимо исключить сферу предпринимательской деятельности.

В отношении разъяснения Верховного Суда РФ применительно к запрету на заключение под стражу лиц, не обладающих статусом индивидуального предпринимателя или члена органа управления коммерческой организации, совершивших преступление в соучастии с такими лицами, если отсутствуют обстоятельства, предусмотренные в пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, мы считаем, что данное разъяснение является результатом расширительного толкования, без какого-либо основания. Кроме того, такое разъяснение не вытекает из закона. В практической деятельности соответствующее разъяснение может привести лишь к необоснованным фактам не заключения под стражу лиц, к которым она должна быть применена на законном основании и исходя из характера деяния, личности субъекта преступления и его поведения после совершения преступления. Считаем, что соответствующий пункт должен быть исключен из постановления Плену-

ма Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

В вышеуказанных решениях мы видим дальнейшее модернизирование рассмотренных мер пресечения. Это может способствовать не только балансу частных и публичных начал в уголовном процессе, но и формированию действительно эффективной системы пресечения тех действий, для недопущения которых и избираются меры пресечения.

© Кутуев Э. К.

УДК 341.231.14

Аубакирова Анагуль Женисбековна,
старший научный сотрудник отдела организации научно-исследовательской и редакционно-издательской работы Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, г. Караганда, Республика Казахстан

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ОСНОВНЫХ СВОБОД УЯЗВИМЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ

В современном обществе существуют определенные слои населения, права которых в недостаточной степени защищены как в мирное время, так и в условиях чрезвычайных ситуаций. К ним, прежде всего, относятся женщины, несовершеннолетние, беженцы, мигранты, иммигранты и оралманы, включая лиц, которым предоставлено политическое убежище.

Каждый сотрудник органов внутренних дел при выполнении возложенных на него обязанностей должен не только четко соблюдать принципы законности и справедливости, но и не допускать нарушений прав и основных свобод человека на основе дискриминации по любым основаниям.

Наиболее часто именно перечисленные выше категории оказываются жертвами дискриминационного отношения (подчас насилия) со стороны общества, семьи, отдельных личностей, а также представителей власти. Это, безусловно, связано с различными стереотипами в массовом сознании: противопоставлениями «свои – чужие», гендерными и другими.

Очень важно, чтобы сотрудники органов внутренних дел не допускали злоупотреблений при осуществлении своих полномочий в отношении уязвимых слоев населения, были воспитаны в духе толерантности, уважения достоинства, прав и свобод человека.

Система защиты индивидуумов строится на важнейшем принципе недискриминации (отсутствии дискриминации).

Как правило, выделяют два основных способа защиты личности:

- 1) предоставление особых прав и гарантий;
- 2) наблюдение (как минимум) за тем, чтобы обращение с людьми осуществлялось на равных основаниях, то есть без какой-либо дискриминации.

Одним словом, неприятие дискриминации является важнейшим основанием поддержания законности и правопорядка в государстве и обществе. Принятие правительством какой-либо страны законодательства, закрепляющего дискриминацию определенных лиц или групп лиц, часто является первым этапом на пути к их обособлению, что может стать причиной не только преследования или других преступных действий, но и геноцида.

Важно различать дискриминацию или унижающие человеческое достоинство формы обличения, которые являются незаконными, и положительные формы дискриминации, целью которых является улучшение условий для группы лиц или компенсирование их неравенства, а не угнетение других групп. Нормативные акты, закрепляющие «положительную дискриминацию», имеют место как на национальном, так и на международном уровне. Например, статья 4 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин¹ гласит: «Принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается, как это определяется настоящей конвенцией, дискриминационным, однако оно ни в коей мере не должно повлечь за собой сохранение неравноправных или дифференцированных стандартов». А на национальном уровне в Республике Казахстан, например, введены квоты для поступления школьников из сельской местности в высшие учебные заведения.

Таким образом, дискриминация запрещена, так как она противоречит общим принципам равенства всех людей.

Уязвимые категории населения – группы людей, которые в силу пола, возраста и иных жизненных обстоятельств наиболее подвержены насилию, надругательствам и другим антигуманным и незаконным действиям. Права подобных категорий населения наиболее часто нарушаются, в том числе сотрудниками правоохранительных органов, и их, как правило, наиболее легко нарушить. К таким категориям относятся: несовершеннолетние, женщины, беженцы, вынужденные переселенцы и др.

В нашей статье мы более подробно рассмотрим международное законодательство по защите прав несовершеннолетних и прав женщин.

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

Утверждение идеи приоритета прав ребенка, защита его прав, в значительной степени зависят от того, насколько хорошо люди, в том числе сотрудники правоохранительных органов и другие должностные лица, которые в силу своих полномочий работают с несовершеннолетними, осведомлены о правах детей и о механизмах, которые имеются для обеспечения соблюдения этих прав. В первую очередь они должны быть ознакомлены с международными стандартами в данной области.

В международной практике несовершеннолетние пользуются всеми правами и свободами, провозглашенными для взрослых, и соответственно на них распространяется действие всех международных нормативных актов. Так, например, они, как и взрослые, не могут подвергаться произвольному аресту; в случае задержания с ними надлежит обращаться гуманно и они не должны подвергаться пыткам. Кроме того, в их отношении также действуют и все ограничения на применение силы со стороны сотрудников полиции. Однако, учитывая особую уязвимость данной категории, международное сообщество приняло отдельный документ, который регулирует и охраняет права детей. Таким базовым международным актом, предусматривающим всеобъемлющую защиту прав детей, является «Конвенция о правах ребенка» от 20 ноября 1989 года¹. Конвенция была ратифицирована постановлением Верховного Совета Республики Казахстан от 08 июня 1994 года.

В июне 2000 года были открыты для подписания два факультативных протокола к «Конвенции о правах ребенка», касающихся участия детей в вооруженных конфликтах² и торговли детьми, детской проституции и детской порнографии³, которые также были ратифицированы Казахстаном в законе РЕ от 4 июля 2001 года⁴.

Положения конвенции сводятся к четырем основным требованиям, которые должны обеспечить права детей: выживание, развитие, защита и обеспечение активного участия в жизни общества.

Конвенция утверждает ряд важных социальных правовых принципов. Главный из них – признание ребенка полноценной и полноправной личностью. Это признание того, что дети должны обладать правами человека по собственному праву, а не как придаток своих родителей и других опекунов.

Согласно ст. 1 «Конвенции о правах ребенка» (далее – Конвенция) ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-

¹ Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon

² Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах. Принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml

³ Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml

⁴ http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000219_/links

летнего возраста, если по национальным законам не установлен более ранний возраст достижения совершеннолетия. Признавая ребенка самостоятельным субъектом права, Конвенция охватывает весь комплекс гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, хотя статьи четко не разделены по этому принципу. Весь смысл конвенции – подчеркнуть, что осуществление одного права неотделимо от осуществления других.

Однако это не столько перечень прав ребенка, сколько всеобъемлющий список обязательств, которые государства готовы признать в отношении ребенка. Эти обязательства могут быть прямыми (например, предоставление возможности для образования или обеспечения должного отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) либо косвенными, давая возможность родителям, другим членам семьи или опекунам играть свои основные роли и выполнять обязанности воспитателей и защитников, то есть содержание конвенции ни в коей мере не принижает значение семьи. Она провозглашает приоритетность интересов детей перед потребностями государства, общества, религии, семьи.

Рассматриваемые в конвенции вопросы, которые имеют отношение к органам по поддержанию правопорядка и их сотрудникам, могут быть классифицированы следующим образом: «Защита прав», «Защита от эксплуатации» и «Защита в особых обстоятельствах».

В повседневной работе органов полиции накапливается значительный опыт, касающийся вопросов заботы о несовершеннолетних и их защиты. Такие знания и опыт должны использовать сотрудники, стремящиеся усовершенствовать работу учреждений, в которых они несут службу.

Государства, принявшие Конвенцию, несут ответственность за обеспечение осуществления прав человека в отношении всех детей. За этим следит Комитет ООН по правам ребенка – выборный международный орган, учреждение которого предусматривает ст. 43 Конвенции. Комитет рассматривает прогресс, достигнутый государствами-участниками в исполнении обязательств, установленных Конвенцией, через систему докладов, которые подает каждое государство-участник через каждые 5 лет.

Многочисленными международными документами закрепляется особая защита женщин как наиболее уязвимой категории населения.

В 1993 г. на Всемирной конференции по правам человека государства – члены ООН заявили, что права женщин и девочек являются неотъемлемой частью всеобщих прав человека. Полное и равное участие женщин в политической, гражданской, экономической, общественной и культурной жизни на национальном, региональном и международном уровнях, а также ликвидация всех форм дискриминации по признаку пола являются первоочередными целями международного сообщества.

В различных договорах по правам человека содержатся требования к государствам-участникам о соблюдении закрепленных в этих договорах

прав без какой бы то ни было дискриминации, в том числе по признаку пола. В частности, такое положение предусмотрено в ст. 2 «Международного пакта о гражданских и политических правах», а в ст. 3 содержится дополнительное требование, предусматривающее, что государства-участники должны обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми гражданскими и политическими правами, предусмотренными в пакте.

Для защиты женщин особо важны два аспекта недопущения дискриминации, а именно:

- 1) право на равенство перед законом;
- 2) право на равную защиту закона.

Об этих правах говорится в ст. 7 «Всеобщей декларации прав человека»: «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации»¹, а также в ст. 26 «Международного пакта о гражданских и политических правах и иных международных документах»².

Важнейшим международно-правовым актом, направленным на защиту женщин от любых форм и видов преступных посягательств и дискриминации, является «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»³, которая была принята ООН в 1979 году и ратифицирована законом Республики Казахстан от 29.06.1998 № 248-1⁴. Конвенция расширяет положения других международных правовых актов, направленных на прекращение дискриминации в отношении женщин.

В ст. 1 Конвенции дается определение понятия «дискриминация в отношении женщин». Дискриминация в отношении женщин – любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной и любой другой области.

Согласно статье 2 Конвенции, государства-участники осуждают дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах, соглашаются безотлагательно всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Реализацию данной Конвенции контролирует Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, который изучает положение женщин в разных странах посредством докладов государств-участников.

¹ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

² http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.

³ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml.

⁴ <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000248>.

Итак, уязвимые категории населения – люди, которые в силу различных жизненных обстоятельств, пола, возраста наиболее подвержены насилию, антигуманным и противозаконным действиям. Сотрудники органов охраны правопорядка должны чрезвычайно внимательно относиться к данной особо уязвимой категории населения, быть убежденными в необходимости защищать всех женщин и детей от жестокого обращения.

Сотрудники органов внутренних дел в своей деятельности должны руководствоваться международными принципами и внутренним законодательством в области защиты прав и свобод уязвимых категорий населения, чрезвычайно внимательно и предупредительно относиться к охарактеризованным категориям населения, быть особо бдительными к любому проявлению дискриминации, насилия, противоправных действий в отношении женщин и несовершеннолетних. Их действия ни при каких обстоятельствах не должны содержать грубость, жестокость, насилие. Данным категориям в первую очередь должна быть оказана помощь предусмотренными законом средствами защиты. Это прямая обязанность и дело чести сотрудников полиции.

© Аубакирова А. Ж.

УДК 343.125.2(470)

Тарасов Александр Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Института права Башкирского государственного университета,
г. Уфа, Россия

О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Вопрос о процессуальной природе задержания по подозрению не относится к числу широко обсуждаемых или особо спорных. Однако он представляет всё же научный и практический интерес в силу того, что он в той или иной мере касается некоторых других актуальных проблем теории и практики уголовного процесса России: прежде всего, проблем теории доказательств и процессуального принуждения. Проблемы задержания подозреваемого приобретают особую остроту в контексте защиты прав человека, поскольку именно на этом процессуальном действии сходятся наиболее значимые интересы как потерпевших от преступлений, по праву ожидающих от государства немедленной реакции на совершенные в отношении них преступления, так и тех, кого задерживают. Даже крат-

ковременное ограничение свободы невиновного человека – это чрезвычайное происшествие, ставящее под сомнение эффективность работы правоохранительных органов.

С. А. Шейфер, по праву считающийся одним из основоположников отечественной теории следственных действий, еще в 1970–80-х годах утверждал, что задержание подозреваемого является следственным действием, то есть не просто мерой процессуального принуждения, а способом собирания доказательств, эффективным средством доказывания обстоятельств уголовного дела¹. Эту идею он впоследствии отстаивал и в более поздних своих работах, полемизируя с другими учеными. Действовавший в советские и первые постсоветские годы уголовно-процессуальный закон давал для такого подхода формальные основания. В ст. 119 УПК РСФСР задержание подозреваемого было названо в числе неотложных следственных действий по установлению и закреплению следов преступления, что само по себе определяло его принадлежность к числу способов собирания доказательств. В ст. 87 УПК РСФСР, определявшей понятие «протоколы следственных и судебных действий» как вида доказательств, протокол задержания тоже был назван в числе других протоколов следственных действий, «удостоверяющих обстоятельства и факты» установленные при задержании. Аргументы, высказанные С. А. Шейфером, были сформулированы им применительно к действующему на момент издания его книги «Следственные действия. Система и процессуальная форма» 1981 года УПК РСФСР 1961 года и затем развиты во втором издании этой книги 2001 года, когда по-прежнему действовал УПК РСФСР, но уже был разработан и обсужден в двух чтениях проект нового УПК РФ, который, по утверждению С. А. Шейфера, на тот момент не давал оснований для пересмотра названных позиций². Однако помимо сугубо нормативно-правовых С. А. Шейфер высказывал и содержательные аргументы: только в протоколе задержания подозреваемого фиксируются точное время, место и основания задержания, а изучение практики показывает, что значительная часть уголовных дел возбуждается на основании сведений, полученных при фактическом задержании подозреваемого. Ученый подчеркивал также, что многие из этих сведений не всегда могут быть получены при производстве других следственных действий и негативно отзывался о тех следователях, которые формально относятся к составлению протокола задержания, не указывая в них лиц, фактически участвовавших в задер-

¹ Григорьев В. Н., Шейфер С. А. Доказательственное значение протокола задержания подозреваемого // Труды Омской Высшей школы милиции. Вып. 21. Омск, 1976. С. 35–36.

² Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. С. 64.

жании, равно как и точных оснований для задержания¹. Нельзя не отметить, что и в условиях советского законодательства с мнением С. А. Шейфера о доказательственном значении протокола задержания соглашались не все. Так, например, И. Л. Петрухин писал: «Протокол задержания не предназначен для процессуального закрепления доказательств. Если при задержании проводится личный обыск или освидетельствование, то об этом должны быть составлены отдельные протоколы. Доказательственное значение протокола задержания как процессуального документа состоит лишь в том, что он удостоверяет время и место задержания определенного лица, а также сделанные им при задержании заявления²». Полагаем, однако, что время и место задержания подозреваемого – это такое «лишь», которого вполне достаточно для признания протокола задержания полноценным доказательством, поскольку ни в каком другом процессуальном документе эти сведения в режиме реального времени не фиксируются. Что же касается «заявлений» задержанного, то их фиксация едва ли представляет доказательственную ценность, поскольку вербальная информация должна получаться не при задержании, а при производстве специально к тому приспособленных следственных действий – допросов. Допрос подозреваемого, к слову, относится к числу обязательных следственных действий по любому уголовному делу, в котором есть такой процессуальный участник.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый в декабре 2001 года и введенный в действие с 1 июля 2002 года, названные здесь основания считать задержание следственным действием, а его протокол – протоколом следственного действия не сохранил. Напротив, Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 года абсолютно точно определяет процессуальную природу задержания подозреваемого, посвящая ему первую, 12 главу, в разделе «Меры процессуального принуждения». Задержание по подозрению в совершении преступления, бесспорно, одна из мер процессуального принуждения, применяемая в отношении лица, по поводу которого у правоохранительных органов возникло одно из прямо указанных в ст. 91 УПК РФ оснований. Процессуальный статус подозреваемого это лицо как раз и приобретает в силу факта его задержания, что прямо указано в п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ.

Нельзя не заметить, что в нормативную регламентацию задержания подозреваемого были внесены новшества, полезность которых сразу вызвала сомнения. Так, формулировка ст. 122 п. 2 ч. 1 УПК РСФСР «когда очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как

¹ Шейфер С. А. Указ. соч. С. 65.

² Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юрист, 1999.

на совершившее преступление», была заменена другой, явно не совпадающей по содержанию: «когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление». Новая формулировка допускает, чтобы потерпевший не был очевидцем совершения преступления, что несколько подрывает сложившееся представление о задержании как о сиюминутной реакции правоохранительных органов на некое очевидное криминальное событие. В ст. 38 (п. 4 ч. 2) применительно к полномочиям следователя, а затем в ст. 40.2 (п. 6 ч. 1) применительно к полномочиям начальника органа дознания воспроизведена формулировка п. 4 ст. 211 УПК РСФСР (Полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия) с указанием на загадочный документ – «постановление о задержании». Об этом документе в главе 12 УПК РФ, нормы которой полностью посвящены задержанию, не сказано ни слова. И если в УПК РСФСР, в котором о задержании было лишь две статьи – 122 и 122.1, это можно было объяснить общим лаконизмом нормативной регламентации кратковременного лишения свободы по подозрению в совершении преступления, то в УПК РФ ни о каком лаконизме речь вовсе не идет, а что такое постановление о задержании всё равно приходится гадать. Многие современные следователи и дознаватели не имеют об этом документе никакого представления, поскольку сами на практике с ним никогда не сталкивались.

С. Б. Россинский в полемике с С. А. Шейфером уже при новом УПК РФ утверждал, что задержание подозреваемого – это не познавательное действие, а только лишь мера процессуального принуждения¹. Последнего, к слову, ни С. А. Шейфер, ни кто-либо другой никогда не оспаривал. Утверждать, что задержание не является следственным действием, в новых законодательных условиях совсем не трудно, ибо закон не сохранил и намёка на возможность отнести протокол задержания к числу форм закрепления доказательственной информации, а само задержание – к числу следственных действий. Не мог этого не заметить и С. А. Шейфер. Однако он своей позиции не изменил. Констатируя в 2004 году факт отнесения новым УПК РФ задержания только к мерам процессуального принуждения, С. А. Шейфер тем не менее настаивает на познавательной природе задержания и на необходимости считать его следственным действием. «Доказательственное значение этого действия состоит в том, что нередко лицо застигают в момент совершения преступления, и эта улика фиксируется в протоколе задержания в качестве его основания, в результате чего

¹ Россинский С. Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2017. № 3. С. 18–19.

протокол приобретает доказательственное значение¹». Значит, спор касается уже не только формальных предписаний закона: он переместился в плоскость анализа познавательной сущности задержания подозреваемого и его процессуальной природы в системе всего уголовного судопроизводства и доказывания по уголовным делам.

Спорить с действующим законом – дело неблагодарное, поскольку работать правоохранительным органам, защитникам и судьям приходится именно по действующему закону, каким бы он ни был. И тем не менее считаем необходимым подчеркнуть, что законодательный отказ от признания задержания подозреваемого следственным действием, а протокола задержания доказательством не замедлил сказаться на практике. Современные протоколы задержания, в которых основания задержания указываются лишь подчеркиванием строки из закона, а в самих этих строках нет места для конкретизации фактических оснований задержания, почти полностью лишены своей информационной составляющей. Например, отметив в протоколе, что очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление, современные следователи и дознаватели не указывают, что это были за очевидцы, и даже не знают, что когда-то это в принципе было возможно, поскольку места для этих сведений в бланке протокола нет. При ознакомлении с таким протоколом закономерно возникает сомнение о том, были ли очевидцы вообще. То же – и о «явных следах преступления», которые потом становятся (или не становятся) объектами экспертных исследований и приобщаются (или не приобщаются) к уголовному делу. Связь всех этих доказательств с моментом и местом задержания впоследствии может вызывать обоснованные сомнения у заинтересованных лиц, а между тем именно эта связь делает задержание законным и обоснованным, а сам его факт – значимым для расследования.

В связи с изложенным полагаем, что процессуальная природа задержания подозреваемого двоякая: это и мера уголовно-процессуального принуждения, и следственное действие по собиранию доказательств, а протокол задержания – это, соответственно, протокол следственного действия, то есть полноценное доказательство, включенное в перечень ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

© Тарасов А. А.

¹ Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. С. 47.

Нуркаева Татьяна Николаевна,
доктор юридических наук, профес-
сор, профессор кафедры уголовного
права и криминологии Уфимского
юридического института МВД Рос-
сии, г. Уфа, Россия;

**Артамонова Мария Александров-
на**, адъюнкт кафедры уголовного
права и криминологии Уфимского
юридического института МВД Рос-
сии, г. Уфа, Россия

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СУИЦИДОМ

Федеральным законом от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ в Уголовный кодекс РФ в целях противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению, введены новые составы преступлений: ст. 110¹ УК «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»; ст. 110² УК «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», а ст. 110 УК «Доведение до самоубийства» претерпела существенные изменения.

Чем обусловлено появление этих составов преступлений? По данным различных источников, в России за 2016 год резко возросло число подростковых суицидов. По словам главы Следственного комитета Александра Бастрыкина, в 2016 году с жизнью покончили 720 подростков, а за последние три года зафиксировано более 2,2 тысяч смертей подростков. Опираясь на эти цифры, Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка Анна Кузнецова на Всероссийском селекторном совещании, посвященном проблеме суицидов несовершеннолетних, отметила, что в 2016 г. наблюдался рост подростковых суицидов на 57 %, и основная причина такой ситуации, по ее мнению, заключается в «лавинообразном» распространении «групп смерти» в социальных сетях¹. Множество закрытых групп в социальных сетях заманивают подростков в свои сообщества, внушая им путем умышленного зомбирования сознания идеи о бессмысленности дальнейшего существования.

В средствах массовой информации все чаще стали появляться упоминания о страшных играх, участие в которых может стоить ребенку жизни. Наиболее распространенными среди них являются «Синий кит», а так-

¹ См.: URL:[https://psy.su/feed/6004/\(датаобращения:10.10.2017\)](https://psy.su/feed/6004/(датаобращения:10.10.2017)); URL: <https://www.the-village.ru/city/situation/260048-suicid> (дата обращения: 10.10. 2017).

же игра «Беги или умри». И хотя на сегодняшний день, по данным МВД России, Интернет стал причиной суицида только в 1 % случаев подростковых самоубийств, потенциальная опасность существования подобных «групп смерти» очевидна¹.

Таким образом, доведение до самоубийства, особенно несовершеннолетних с использованием сети «Интернет», стало реальной проблемой нашего общества и законодатель отреагировал на эту ситуацию, введя уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ) и за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110² УК РФ).

Вместе с тем изучение вышеназванных составов преступлений позволяет нам сделать вывод о том, что редакция этих статей далеко несовершенна и может вызвать сложности при их применении.

Это в определенной мере обусловлено той поспешностью, которая наблюдалась при принятии исследуемых норм. Как уже отмечалось выше, изначально эти нормы были приняты Федеральным законом от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ, однако через месяц другим Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 248-ФЗ в вышеперечисленные статьи были внесены изменения. Получается, что в нормы, которые только приняты и еще никак себя не проявили, уже вносятся изменения, касающиеся не только диспозиции, но и санкции рассматриваемых статей. К сожалению, подобные факты в уголовном законодательстве происходят все чаще и чаще, что свидетельствует о том, что многие законы в нашей стране принимаются поспешно, необдуманно, без проведения серьезной правовой экспертизы. Это самым негативным образом сказывается на качестве Уголовного закона.

Определенные парадоксы наблюдаются и при изучении санкций и видов наказания за рассматриваемые преступления. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. существенно ужесточил санкции рассматриваемых статей, введенных в УК РФ Федеральным законом от 7 июня 2017 г., с чем трудно согласиться. К примеру, очевидно, что склонение к совершению самоубийства путем уговоров, подкупа, обмана, если эти действия повлекли за собой самоубийство или покушение на самоубийство (ч. 4 ст. 110¹ УК РФ), не более общественно опасны, чем доведение до самоубийства или покушение на него путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства (ч. 1 ст. 110 УК РФ). Между тем за последнее деяние предусмотрено максимальное наказание в виде лишения

¹ По данным Роскомнадзора, с мая по декабрь 2016 г. заблокировано 150 «групп смерти». См.: URL: <https://psy.su/feed/6004/> (дата обращения: 10.10. 2017). См. также: Лумбунова В. В. Доведение до самоубийства несовершеннолетних с использованием социальных сетей и сети «Интернет»: пути решения проблемы [Электронный ресурс]. URL.:[http:// izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudencii-i-puti-resheniya-sbornik-trudov-po-itogam-mezhdunarodno-sektsiya-6-ugolov...](http://izron.ru/articles/aktualnye-problemy-yurisprudencii-i-puti-resheniya-sbornik-trudov-po-itogam-mezhdunarodno-sektsiya-6-ugolov...) (дата обращения: 3.09.2017) и др.

свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до семи лет или без такового, а за склонение к совершению самоубийства, повлекшее за собой реальное самоубийство или покушение на него (в последней редакции) – лишение свободы на срок от пяти до десяти лет. Чем при этом руководствовался законодатель, трудно понять.

Кроме того, санкция за квалифицированный состав доведения до самоубийства (ч. 2 ст. 110 УК) предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, в то время как санкция за основной состав этого деяния содержит наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет. Тем самым нарушается принцип конструирования санкций, ибо минимальная граница одного и того же вида наказания (в данном случае лишения свободы), предусмотренного санкцией квалифицированного состава, не может быть выше максимальной границы того же вида наказания, предусмотренного санкцией основного состава преступления.

Равным образом не понятно, почему склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ, а это есть не что иное, как разновидность подстрекательства) наказывается мягче, чем содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства (ч. 2 ст. 110¹ УК РФ, что является разновидностью пособничества). Подобные новеллы, касающиеся не только сферы преступлений против личности, но и других сфер, например преступлений против общественной безопасности, подрывают основные положения теории уголовного права, в частности института соучастия¹. Согласно классическому пониманию соучастия и видов соучастников фигуры организаторов и подстрекателей, как правило, более общественно опасны, нежели пособников. Это прослеживается на примере вопросов освобождения соучастников от уголовной ответственности при добровольном отказе от преступления (чч. 4, 5 ст. 31 УК РФ).

Важное значение для правильной квалификации содеянного по ст. 110¹ УК РФ имеет определение момента окончания совершенного деяния. Сравнение чч. 1 и 4 рассматриваемой статьи позволяет нам сделать вывод о том, что в ч. 1 ст. 110¹ УК РФ момент окончания связан с действиями лица, склоняющего другое лицо к совершению самоубийства, неза-

¹ На это неоднократно указывалось в специальной литературе. См.: Рарог А. И. Приоритеты российской уголовно-правовой политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29–30 января 2015 г.). Москва: РГ-Пресс. С. 13–17; Нуркаева Т. Н. О проблемах применения некоторых составов преступлений, связанных с осуществлением террористической деятельности // Вестник ВЭГУ. 2016. № 4 (84). С. 106–112 и др.

висимо от того, удалось ли ему воздействовать на сознание и волю склоняемого или нет. В ч. 4 ст. 110¹ УК РФ момент окончания состава, напротив, связан с действиями лица, склоняемого к самоубийству, и считается оконченным с момента совершения последним самоубийства или покушения на него, что значительно повышает степень общественной опасности содеянного.

Аналогичную позицию в этом вопросе занимает судебная практика на высшем уровне по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В частности, речь идет о склонении к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ). Согласно п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» «склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ лицом, на которое оказывается воздействие. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство или психотропное вещество»¹.

Однако в этом случае позиция Пленума расходится с положениями общей теории уголовного права. Если рассматривать склонение к совершению любого противоправного деяния как специальный вид подстрекательства, с чем в принципе можно согласиться², то согласно общей теории уголовного права подстрекательство считается состоявшимся, если подстрекателю удалось воздействовать на сознание и волю подстрекаемого и последний начал совершать желаемые действия хотя бы на стадии приготовления. Если же подстрекаемый отказался от совершения указанных действий, то подстрекательство считается неудавшимся. В этом случае согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ виновный отвечает как за приготовление к преступлению. Причем ответственность возможна лишь за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

© Нуркаева Т. Н.

© Артамонова М. А.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // СПС «КонсультантПлюс».

² Сходную позицию в этом вопросе занимает А. И. Чучаев. См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник. М.: ИНФРА.М.: КОНТРАКТ, 2006. С. 416.

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХУЛИГАНСТВУ КАК СОЦИАЛЬНОМУ ЯВЛЕНИЮ

Вырастая из дикости и варварства, социум во все времена нес на себе родимые пятна природного естества человека, сохраняя в межличностных, межгрупповых, межэтнических, межнациональных, международных, межконфессиональных отношениях проявления нетерпимости, невоспитанности, бескультурья, высокомерия, надменности, необузданности, хамства, извращенного эгоизма, пренебрежительности, злобы, ненависти и агрессии. Все это проявлялось и обнажалось во взаимодействии людей в обыденной жизни, обострялось в классовых, кастовых, сословных отношениях, в организации власти и управления, в самовозвеличивании чиновников и бюрократов, в процессах «грязной» конкуренции, конфликтов, вражды и войн. В истории человечества Социум, Государство и Церковь стремились эти негативные страсти и черты человека сгладить, взять под свой контроль, противодействовать их проявлениям в делах и поступках. Однако подобные благие намерения имели переменный успех, если учесть, что человечество породило кровную месть, геноцид, крестовые походы и инквизицию, джихад в разных смыслах трактовки его сущности, мировые войны, противоречия и конфликты социальной поляризации. Современный процесс мировой цивилизации существенно изменил формат проявления и поведения личности в обществе с помощью системы воспитания и образования, формирования сфер мировой и национальной духовности, внедрения в практику общепризнанных социальных норм и установления ответственности за их нарушение.

Исторически по объективным причинам формирование и развитие социума и экономики в России шло замедленными темпами в сравнении с государствами Европы. Поэтому высокомерие Европы по отношению к России хотя и было этими обстоятельствами обусловлено, но восточного соседа приходилось все же уважать, иметь с ним взаимовыгодные отношения, иногда призывать на помощь, и даже в какой-то мере побаиваться, а следовательно, сдерживать развитие социума и укрепление государства. Нищета преимущественно крестьянского населения России периодически приводила к народным бунтам. Вместе с тем укрепление централизованной монархической власти позволило сформировать устойчивость в

управлении страной, противостоять внутренним и внешним угрозам, заявить о себе как о сильном в организации обороны государстве.

К началу XX века Россия сформировалась как огромное по территории государство, с богатыми природными ресурсами, с имперскими амбициями власти и сословным устройством общества, а также с психологией неприхотливого, радушного и порой бесшабашного народа, основу которого составляло преимущественно безграмотное крестьянское население. Сложные и суровые природно-климатические реалии страны, а также тяжелые социальные условия для организации личной жизни формировали у населения России не столько стремление и пристрастие к красивой и сытой жизни, сколько вырабатывали иммунитет выживания на основе единения народа, необходимости ведения строгого и упорядоченного образа жизни, полной отдачи сил в процессе изнуряющего физического труда в целях продолжения рода (семьи). Естественно, нравственные устои, основанные преимущественно на религиозном воспитании и общинном укладе жизни, обеспечивали определенный, но невысокий уровень личной культуры и отношений в обществе. Слабые в целом социальные условия жизни воспроизводили и достаточно значимо масштабировали в пространстве России убогость возможностей в реализации личности и ее потребностей. Серость и безысходность в организации личной жизни, болезни, ранняя смертность укореняли в быту и на уровне межличностных отношений достаточно низкий стандарт поведения: процветало пьянство, хамство, сквернословие, аморальность поступков и преступность¹. Не удерживал от неправомерных поступков «бунтарей» и хамов ни страх перед Божьим судом, ни кара Всевышнего.

С таким наследием прошлого Россия в 1917 г. шагнула в новый мир, навстречу к идеалам пролетарской культуры для трудящихся масс города и деревни. Именно в советский период начала активно формироваться система образования, культуры, здравоохранения, спорта и отдыха, профессиональной подготовки и науки, упорядочиваться трудовая занятость населения, правоохранительная и судебная деятельность, военная служба, взаимодействие с иностранными государствами. Пролетарские массы были сосредоточены и распределены в отраслевых производственных структурах с функционированием профессиональных союзов, фондов социальной поддержки и общественных формирований. Значительные качественные изменения претерпевал быт и личная жизнь граждан, которые наполнялись новыми формами социального склада, участия, влияния и воздействия.

Идеалы советской культуры предопределили на уровне политико-правовых решений признание хулиганства асоциальным, противоправным и наказуемым поведением (ст. 167 УК РСФСР)². В дальнейшем норматив-

¹ Горький А. М. Мать. Роман. Избранное. М.: изд. Правда. 1977. С. 51 – 386; Он же. На дне. Пьеса. Горький. Волго-Вятское кн. изд. 1972. С. 3–68.

² См.: Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15.

но-правовое регулирование борьбы с хулиганством обрело две разноуровневые формы: административно-правовую и уголовно-правовую. Баланс между этими направлениями правоохранительной деятельности в разные периоды советской и постсоветской действительности неоднократно менялся то в пользу уголовно-правовых мер, то в пользу мер административно-правового характера. Можно вспомнить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362-VI «Об усилении борьбы с хулиганством»¹. Этим документом устанавливалась административная ответственность за мелкое хулиганство, а также были внесены изменения в регламентацию уголовной ответственности за простое и квалифицированное хулиганство.

Уголовно-правовая конструкция объективной стороны простого и квалифицированного хулиганства (ст. 206 УК РСФСР 1960 г.) с небольшими изменениями была воспроизведена в ст. 213 УК Российской Федерации в 1996 г. Однако в 2003 г. она претерпела серьезные изменения², которые уже второе десятилетие возмущают исследователей проблем ответственности за криминальную хулиганскую агрессию. По мнению ряда исследователей, новая редакция ст. 213 УК РФ представляет собой своеобразную юридическую форму декриминализации простого вида хулиганства. Странным также является то, что хулиганские проявления только с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, имеют уголовно-правовые последствия. Тогда как объективно лицо при наличии оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в ситуации неконкретизированной агрессии воспринимается не как хулиган, а более как похититель, насильник или убийца. Наличие у лица, проявляющего агрессию, оружия и подобных предметов резко меняет индивидуальную и социальную психологию и, естественно, реакцию на таковую ситуацию. Законодатель признает использование оружия при совершении преступления отягчающим наказанием обстоятельством (п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Для состава хулиганства (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ) признак применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, является квалифицирующим. Что следует понимать под применением или использованием оружия? В Уголовном законе не дается разъяснений этому признаку противоправного самовыражения личности. В своем постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 дает разъяснения судам, что под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физи-

¹ См.: Об усилении борьбы с хулиганством: указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362-VI (в ред. от 16.05.1985 // Ведомости ВС СССР. 1985. № 21. Ст. 369.

² См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

ческого, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Под предметами, используемыми в качестве оружия при совершении хулиганства, понимаются любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека.

В случаях, когда в процессе совершения хулиганства лицо использует животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, содеянное с учетом конкретных обстоятельств дела может быть квалифицировано по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ¹. Нам представляется, что для квалификации деяния с применением оружия и предметов, используемых в качестве оружия, важно учитывать момент применения такового. Если такой признак имел место с начального момента агрессии то, такое деяние следует квалифицировать как посягательство на жизнь и здоровье с хулиганским мотивом. Если применение оружия имело место после начала хулиганских действий, то с учетом конкретных обстоятельств деяния его можно квалифицировать как хулиганство по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Не выдерживает критики и состав хулиганства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Дело в том, что хулиганство отличается от иного противоправного поведения наличием в действиях виновного явно выраженной хулиганской мотивации (побуждения). Полагая, что хулиганство – это уже своеобразно мотивированное поведение, то наличие дополнительной конкурирующей мотивации по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ исключает хулиганство как таковое либо затрудняет его квалификацию.

Мотив ненасильственного и насильственного деяния, в котором имеется проявление политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, уже само по себе является экстремистским. В любом деянии этот мотив имеет определяющее значение, а значит, с ним и должна увязываться правовая оценка посягательства. По нашему убеждению, его направленность – расшатывание государственной власти и подрыв основ конституционного строя. Тогда как хулиганские проявления – это лишь форма самовыражения и демонстрации накала и подачи во вне экстремизма. Однако экстремистская сущность деяния не

¹ См.: О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 // СПС «КонсультантПлюс».

может и не должна нивелироваться хулиганской формой (способом) действий.

Это одно протестное направление против сужения сферы уголовно правового противодействия хулиганству¹.

Диаметрально противоположное отношение к проблеме хулиганства и противодействия ему уголовно-правовыми мерами отмечается в работах некоторых авторов. Н. Иванцова отрицает наличие хулиганства как уголовно-правового деяния в постсоветском обществе. В теоретической трактовке отказа от уголовно-правовой защиты общества и граждан от хулиганских проявлений данным автором интересы обеспечения общественной безопасности сглаживаются и низводятся до уровня достаточности административно-правового реагирования на любые хулиганские проявления. Н. Иванцова считает, что в современных условиях в обществе имеет место замещение психологии широкого социального взаимодействия в противодействии правонарушениям психологией индивидуального выживания и терпимости. Таким образом, хулиганство как самостоятельное деяние перестало дестабилизировать общественную безопасность, а что касается хулиганских побуждений (мотивов) и их последствий, то это дело сугубо индивидуальное и ответственность должна наступать в зависимости от последствий беспредела хулигана или терпимости пострадавших лиц².

Свое обоснование необходимости декриминализации хулиганства дает в диссертационном исследовании И. И. Косарев. Он аргументирует положение о том, что состав хулиганства (ст. 213 УК РФ) не имеет конкретного объекта посягательства и, соответственно, четко выраженной самостоятельной объективной стороны. По его убеждению, деяния в форме хулиганства быть не может. В реальной действительности имеют место лишь только хулиганские побуждения (мотивы), проявляющиеся при совершении других посягательств на личность и собственность³. Данная теоретическая позиция в определенной мере поддержана научным руководителем диссертанта профессором Н. Г. Ивановым еще 2011 г.⁴, а также его официальными оппонентами по диссертации профессором Л. А. Букалеровой и доцентом Л. Р. Клебановым, авторами отзыва ведущей организации – Академии Генеральной Прокуратуры Российской Фе-

¹ См.: Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 89–90; Кудрявцев С. В. Комментарий к ст. 213 УК РФ // <http://www.nashypnava.ru/biblio/ukrf97/ukrf213.php> (дата обращения: 4 декабря 2017); Аистова Л. С. Проблемные вопросы определения сущности хулиганства // www.procurot.spb.ru/k807.html. (дата обращения: 30.11.17).

² См. Иванцова Н. Перспектива хулиганства – его декриминализация // <https://www.lawmix.ru/comm/2370>. (дата обращения: 4 декабря 2017).

³ См.: Косарев И. И. Хулиганство и хулиганские побуждения как уголовно-правовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2012.

⁴ См.: Иванов Н. Г., Косарев И. И. Хулиганство и хулиганские побуждения как уголовно-правовой феномен: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.

дерации¹. Если принять отмеченную аргументацию оценки уголовно-наказуемого хулиганства уважаемых ученых, то следует отвергнуть в определенной мере наличие мелкого хулиганства и административно-правового воздействия на лиц, проявляющих себя подобным образом.

Все же хулиганство – это и достаточно острый вызов общественным устоям, проявляющийся в явно выраженном аморальном, агрессивном и противоправном поведении, имеющем хулиганскую мотивацию. Пленум Верховного Суда Российской Федерации, учитывая, что современная законодательная конструкция уголовной ответственности за хулиганство достаточно сложна для квалификации, рекомендовал судам в целях решения вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства. Такие действия могут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц. Явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним². Пленум Верховного Суда Российской Федерации подчеркнул, что интересы общественной безопасности страдают от действий хулигана путем грубого нарушения общественного порядка.

Действительно, хулиганский формат поведения либо проявление таковых побуждений представляют собой характерную агрессию, сопряженную с грубым нарушением общественного порядка, в целях порождения у окружающих лиц чувства страха и незащищенности. Через демонстрацию противоправной беспредельности хулиган навязывает окружающим негатив своей аморальной и необузданной воли. Его поведение не имеет предсказуемого характера реализации всплеска агрессии по набору противоправных действий и, соответственно, допустимости возможных последствий. В меру личной распущенности, аморальной необузданности и противоправной беспредельности хулиган допускает совершение любых действий, начиная от мелкого хулиганства и заканчивая наиболее опасной уголовно-наказуемой формой его проявления, включая убийство человека. Чаще всего исход хулиганского поведения предопределяется не прекращением таких действий самим виновным, а их пресечением либо совершением конкретного преступления с соответствующими мотивами. Не редко мелкое хулиганство – это пресеченное на данном этапе развития противо-

¹ См.: Косарев И. И. Указ. соч. С. 2.

² См.: О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 // СПС «КонсультантПлюс».

правное поведение, которое еще не обрело признаки общественно опасного деяния.

Хулиганские проявления и их мотивация часто сопрягаются с совершением других опасных деяний. Поэтому законодатель должен ставить правовой, правоохранный, судебный заслон хулиганству во всех формах его проявления. Отход от логики широкомасштабного противодействия хулиганству, выработанного столетней правоохранный и судебной практикой, не должен выстраиваться на иллюзии, что данное негативное явление ушло в небытие. Современная социальная реальность и размывание системы мер по поддержанию должного уровня нравственности и культуры в социуме не порождают оптимизма, хулиганство как такое продолжает существовать в природе человеческих отношений по причине девальвации культуры социума и размывания морали, нереагирования социума на хамство и беспредел хулиганов.

Безусловно, хулиганские побуждения (мотивы), воплощенные в конкретном противоправном поведении, придают ему своеобразный характер, именуемый в правовом поле вполне обоснованно хулиганством. Мы полагаем, что хулиганство – это не есть неверно понятое и выраженное законодателем иное противоправное поведение, имеющее хулиганский мотив. Устранение из правового поля уголовно-правовых средств противодействия ему породит «провал» в обеспечении общественной безопасности, усугубит формат мер, обеспечивающих защищенность личности, имущества физических и юридических лиц, а безнравственность, агрессивная распушенность и хамство хулиганов не будут ограничены адекватными правовыми и организационными средствами противодействия.

Уже в настоящее время уголовная статистика указывает на то, что практика применения уголовной ответственности по чч. 1 и 3 ст. 213 УК РФ является крайне ограниченной. Только в 2014 г. судебному преследованию было подвергнуто за хулиганство 504 человека, из которых 309 осуждено, а в отношении 195 дела были прекращены. Из общего числа осужденных – 81 человеку было назначено наказание в виде лишения свободы, к 133 лицам было применено условное осуждение. К наказаниям, не связанным с лишением свободы, было осуждено 79 человек. В 2015 г. соответственно осуждено 796 чел. по чч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ¹.

Уголовный закон (ч. 1 ст. 213 УК РФ) формулирует хулиганство как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное: а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной

¹ См.: Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 30.11.17).

группы. Это преступление с учетом санкции отнесено законодателем к категории средней тяжести.

Близко к хулиганству примыкает по характеру проявления вандализм, но и первая и вторая части этого преступления имеют категорию небольшой тяжести. Уже данный сравнительный анализ указывает на то, что уголовно наказуемое хулиганство более социально-опасное и резонансное деяние, чем вандализм.

Способ совершения хулиганских действий таков, что он одновременно обращен против законом установленного общественного порядка непосредственно путем создания опасности спокойствию неопределенного круга лиц, грубого физического и психологического давления на граждан, а также осуществления неправомерных действий в отношении их имущества. Целью хулиганского поведения является введение граждан в состояние стресса, страха и незащитности, провоцирование их к ответным мерам по противодействию агрессии либо склонение их в унижительной форме к подчинению воле хулигана, доведение их до сильного душевного волнения и напряжения.

Мы полагаем, что объективная сторона простого уголовно наказуемого хулиганства может быть выражена в следующем деянии (ч. 1 ст. 213 УК РФ) – это проявление агрессии в общественных местах, грубо посягающей на общественный порядок и нравственные устои общества, выражающейся в навязывании виновным своей явно аморальной воли неопределенному кругу лиц, сопряженной с угрозами применения насилия, с применением насилия, с неправомерными действиями по отношению к чужому имуществу, с демонстрацией своей физической силы и неадекватного состояния, сопровождающейся действиями унижительного характера, порождающими обстановку страха и незащитности.

Состав данного деяния формальный, а уголовная ответственность должна наступать для лиц, достигших шестнадцатилетнего возраста. В качестве санкции за простое хулиганство мы предлагаем следующие виды наказаний: штраф в размере до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до четырех месяцев, либо обязательные работы на срок до четырехсот часов, либо исправительные работы на срок до полутора лет. Такая санкция, по видам наказаний и их размеру, казалось бы, несколько строже, чем за вандализм по ч. 1 ст. 214 УК РФ. Однако мы исключили из предполагаемой санкции арест. Этот вид наказания не характерен для данной категории лиц в качестве исправительной меры, так как хулиганы не обладают значимым социальным статусом и у них извращенное представление о свободе. Их краткосрочная изоляция в арестном доме без трудотерапии – это, скорее всего, благо в сравнении с отбыванием другого вида наказания. Хулиганов следует ограничивать обязательным трудом и санкциями материального характера. Судимость также будет иметь сдерживающее уголовно-правовое значение.

Нам представляется, что объективная сторона ныне действующей ч. 1 ст. 213 УК РФ должна быть признана ч. 2 этой же статьи. Это логично, ибо подобное деяние по своей сущности, по характеру проявления и санкции должно быть признано квалифицированным видом хулиганства.

Наряду с деянием в форме хулиганства уголовное законодательство устанавливает ответственность за посягательства на личность, чужое имущество и животных из хулиганских побуждений либо мотивов: п. «и» ч. 2 ст. 105, п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115, п. «а» ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 167, ст. 245 УК РФ. В указанных деяниях хулиганство обрело по признакам последствий или своей направленности объективное выражение иного состава преступления. Хулиганские побуждения (мотивы) в таких деяниях имеют квалифицирующее значение. Они повышают общественную опасность деяния и усиливают ответственность виновных лиц. Это вполне обоснованно и оправданно, так как упреждают и хулиганские проявления, и возможность перерастания их в деяние с более тяжкими последствиями.

Для хулиганства особое значение имеет характер деяния, который обусловлен набором специфических действий: а) на начальном этапе в выражении личной хулиганской агрессией, как правило, по отношению к неопределенному кругу лиц либо чужому имуществу; б) конкретизации форм агрессии и выборе адресата (жертв) и способа причинения вреда потерпевшим и чужому имуществу. Деяние в форме хулиганства считается оконченным с момента осуществления агрессии с хулиганской мотивацией. Субъективная сторона хулиганства характеризуется прямым умыслом: а) осознанием виновным общественно опасного характера деяния по форме выражения, направленности, способу проявления хулиганства; б) в желании виновного осуществить хулиганскую агрессию; в) в наличии хулиганских побуждений (мотивации); г) в отсутствии последствий, характерных для квалификации иных посягательств на личность, чужое имущество и животных из хулиганских побуждений.

Уголовно правовой формат противодействия хулиганству не должен быть упрощенным. Ведь грубые проявления хулиганства не исчезли, а ослабление уголовно-правового воздействия на него влечет нередко перерастание его в совершение более тяжких видов преступлений: убийств, причинение различных видов вреда здоровью. Хулиганство само по себе является аморальной формой самовыражения и протеста молодежи, а также вовлечения ее в совершение антиобщественных действий и преступлений. Суть нашей дискуссии по поводу уголовно наказуемого хулиганства заключается в недопущении ослабления мер, обеспечивающих права и интересы граждан в сфере их личной защищенности от хулиганской агрессии, в сохранении адекватного уголовно-правового противодействия хулиганству.

Даллакян Карлен Ашотович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия

ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ ТЕРРОРА

Террор как способ решения проблемы угрозой насилия существовал в человеческом обществе всегда. Менялись лишь его формы и средства. Двадцатый век, вошедший в историю человечества в качестве века беспрецедентного оружия и кровопролитных войн, сменился веком невиданного по своим масштабам терроризма, который превратился в специфическое девиантное средство современной коммуникации, основанное не только на страхе, ненависти, невежестве и отчаянии, но и, как правило, великой идее. Диагностика проблемы должна помочь восстановить конструктивный диалог.

«Террор», означая страх, ужас, трактуется как «насильственные действия с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения»¹. Существует множество определений, понимающих под террором угрозу физической расправы, насильственные действия с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов. Так или иначе, террористические действия всегда представляют собой послание порой обманутых, порой фанатично верящих в собственную миссию, но почти всегда слабых и отчаявшихся людей, не подозревающих, что ими манипулируют именно те, против кого вроде бы направлен их гнев.

Террор не ограничивается отношением лишь политических субъектов, так как не всегда связан только с политикой, однако он всегда связан с воздействием на волю социальных субъектов, с попыткой повлиять на нее, то есть террор всегда связан с властью как способностью воздействовать на волю. Причем не только на чужую, но, как это ни парадоксально, и на свою. Например, человек может терроризировать себя, пугая всякими фантазиями. Не секрет, что большие деньги и власть приводят к подобного рода параноидальным явлениям. Современная психиатрия полна такими примерами. Следовательно, террор понятие не только социальное, но и психологическое².

¹ Большой энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1997. С. 817.

² Даллакян К. А. Террор как форма социальной экзистенции. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2016.

Существуют попытки дифференцировать понятия «террор» и «терроризм» по субъекту активности, считая, что террор используется лишь политическими силами, находящимися у власти, опирающимися на властные структуры и репрессивный аппарат подавления, армию, различные спецслужбы и т. д., а терроризм относится уже к оппозиционным силам, выступающим против них и являющимся объективно стороной более слабой. Вряд ли с этим можно согласиться. Террор, на наш взгляд, это феномен, а терроризм – политика по реализации этого феномена в жизни. Террор, как уже отмечалось, не всегда связан с властными структурами. Это понятие гораздо шире по своему значению.

Синонимами слова «террор» обычно считают слова «насилие», «запугивание», «устрашение», хотя эти понятия семантически различаются. Сложность понимания феномена террора заключается сегодня в том, что он имеет идеологическое обоснование, опирающееся на веру в собственную правоту и почти квазирелигиозную убежденность в высшую справедливость праведного возмущения притесненных. В любом случае террор как социальный феномен выступает средством достижения определенных целей. Задачей исследователя столь не простого феномена, как террор, в первую очередь, является выявление каких и чьих целей. А главное – почему выбираются именно такие способы решения проблемы.

Почему люди прибегают к террору? Почему, рискуя жизнью, сеют вокруг смерть, проливают реки крови и вызывают слезы матерей? Что толкает молодых людей на такие крайние меры? Ведь известно, что до 70 процентов террористов – люди возраста до 35 лет. Праведное возмущение? Преданность идее? Фанатизм? Ненависть? Уверенность, что силе можно противопоставить лишь силу и насилие? А может, страх и невежество? Можно ли говорить, что терроризм превращается сегодня в способ сопротивления «беспределу» экспансии капитала? Эти вопросы не столь просты, как могут показаться на первый взгляд. Проще всего было бы поддаться искушению и вслед за многими исследователями объявить терроризм просто одним из способов решения политических проблем посредством распространения страха и ужаса. Однако это было бы весьма наивным. Ведь сегодня террор превратился в способ социальной экзистенции.

Обычно в качестве признаков терроризма выделяют сознательность, целенаправленность, открытость, систематичность применения насилия и угроз, как правило, против людей, не участвующих в борьбе. Характерной тактикой в этом случае являются удары по общедоступным местам и транспортным средствам, убийство известных людей, часто занимающих «публичные посты».

Важной особенностью терроризма является его косвенное дестабилизирующее воздействие на общество, что очень точно отражается в китайской поговорке – «Убить одного, чтобы запугать сотни».

Террористический акт представляет собой специфическую форму информационного послания и нацелен больше на средства массовой информации, чем непосредственно на население. В современном городе люди настолько заняты своими проблемами, что без СМИ они бы, возможно, и не заметили теракт даже у себя под носом. Поэтому можно с уверенностью констатировать, что современного терроризма не было бы без средств массовой информации, которые создают терроризму «виртуальное пространство» для воздействия на реальный мир. Можно сказать, что терроризм превратился в один из девиантных языков современности.

Кроме того, террористический акт трансформировался сегодня в шоу, спектакль, а террористы – практически в актеров. Отсюда такое внимание к постановке шоу, костюмам, реквизиту, информационной поддержке. Все это продумывается очень тщательно, для того, чтобы шоу было массовым и имело высокий рейтинг. Демонстрация и обсуждение террористических актов приносит огромные деньги. У террористов есть даже свои звезды, о них уже снимают фильмы!

Терроризм не только пугает, в качестве одной из своих косвенных целей он пытается дискредитировать своих врагов. К нему могут прибегать не только отдельные личности, организации, но и целые государства. Известная тактика, применяемая при холокосте и геноцидах. Примеры современного косвенного воздействия на оппонента можно было бы умножить. Чего стоят одни только ассоциации со словом «санкции»!

В качестве основных сфер террора называют: политический террор с целью оказания влияния на лидеров для принятия политических решений, устранения неугодных политических деятелей, изменения политического строя. Главным методом в этом случае является захват заложников, жизни которых предлагаются в обмен на уступки со стороны властей. Информационный террор проявляющийся в прямом воздействии на психику людей в целях формирования необходимого общественного мнения. Методом такого террора является не только распространение слухов, но и просто навязчивая информация и реклама. Экономический террор, заключающийся в различных дискриминационных экономических действиях, санкциях, имеющих целью оказать давление на экономических конкурентов (фирмы, государства). Социально-бытовой террор, включающий любые акты запугивания и причинения вреда на бытовом уровне.

Сегодня много говорят о религиозном терроре, даже появился абсолютно неграмотный и тем не менее широко используемый СМИ термин «исламский терроризм» (как в свое время понятие «этническая преступность»). Ни преступность, ни террор, ни невежество, ни подлость не могут носить этнический, расовый или религиозный характер. Конкретные люди могут принадлежать определенным социальным общностям, но не социально-психологические феномены. Это – трюизм, о котором вряд ли стои-

ло бы говорить, если бы не массовые, причем отнюдь не безобидные, спекуляции и манипуляции общественным сознанием.

В основании террора почти всегда находится великая идея и, как правило, это идея справедливости и несправедливости. Террористы пытаются, как они считают, восстановить поправленную справедливость посредством насилия. Обычно говорят, что в этом случае исполнителей великой идеи подводят средства. Однако, на наш взгляд, не так все просто. Порой действительно великая, но абстрактная идея, прекрасно звуча, таит в себе скрытую угрозу насилия, так как не может быть в конкретно-исторический период осуществлена. И виной этому не царь и не Бог, и не сама эта идея, а отсутствие объективных условий ее реализации, а порой и вовсе неправильное понимание этой идеи.

Такой участи неадекватной трактовки не удалось, к сожалению, избежать многим великим идеям. Это еще раз доказывает известное положение, что истина всегда конкретна. «Гегель видел, что абстрактность якобинских принципов таила в себе террор», – пишет А. Камю¹. По Гегелю, идея абсолютной свободы, будучи слишком абстрактной, приводит к террору. Воистину, благими намерениями...

Необходимо стремиться к конкретному обществу, гармонично сочетающему в себе свободу и необходимость. Однако и это не всегда позволяет избежать террора, как показала российская история. Хотя большевики не совсем правильно поняли гегелевскую идею конкретности. Общество строили конкретное, а руководствовались идеей абстрактной. А. Камю подчеркивает, что научная революция XIX века изменила взгляд на человека как завершенное создание, предоставив ему свободу самому достраивать себя посредством утверждения нового общества. «Вместе с Наполеоном и Гегелем, этим Наполеоном от философии, – пишет А. Камю, – начинаются времена эффективности. До Наполеона люди открывали пространство универсума, начиная с него – мировое время и будущее. Дух бунта вскоре потерпит глубокую трансформацию»². Согласно А. Камю, именно на гегелевской диалектике, причем с акцентом на борьбе противоположностей и на отрицании как универсальном законе развития, зиждется идеология террора. «Нужно уничтожить тех, кто уничтожает идиллию, или уничтожать ради сотворения идиллии. Гегелевское преодоление Террора завершается только его расширением»³.

Вообще мало кто задумывается о формулировках великих людей. Их, как правило, заучивают и передают из поколения в поколение подобно стихотворению. Часто даже наказывают за нежелание догматического принятия «великих истин». Так произошло со многими религиозными

¹ Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 221.

² Там же. С. 222.

³ Там же. С. 273.

идеями. Так, к сожалению, происходит с некоторыми научными и философскими положениями.

Еще одна великая идея – идея свободы, искалечившая судьбы не только многих людей, но и целых цивилизаций вследствие неправильного ее понимания. Гипертрофирование идеи свободы происходит в западной цивилизации, прошедшей через историческую стадию рабовладельческого общества, в котором раб не считался человеком. Он приравнялся даже не к животному, которое можно любить, ласкать, говорить с ним, а к ... «говорящему орудию». Причем такое определение некогда свободному человеку, попавшему в рабство, обычно вследствие пленения, дает не кто иной, как Аристотель – выдающийся мыслитель не только своей эпохи.

Уже тогда ценой свободы становится жизнь, а средством – смерть. Причем смерть превращается в универсальное средство. Посредством собственной жизни можно приобрести свободу на том свете, а посредством чужой – на этом. Чужая жизнь превращается в средство приобретения или сохранения собственной. «Сознание, ради сохранения животной жизни, – пишет А. Камю, – это сознание раба. Другое, получившее признание и независимость – это сознание господина. Они различаются при их столкновении, когда одно склоняется перед другим»¹.

На этой стадии дилемма «быть свободным или умереть» сменяется дилеммой «убить или поработить»². И в том и другом случае цена одна – смерть. Таким образом, смерти противостоит не жизнь, а господство над другим человеком. Это цивилизация рабов, а значит – цивилизация смерти, так как быть господином – тоже означает смерть, смерть свободной человеческой сущности. Рабство оставило неизгладимый след на всей последующей истории даже тех народов, где рабовладения не было. Тогда и было дано неправильное толкование свободы как физической «непринадлежности» другому человеку, которую неправильно перевели как независимость от другого. Невозможно быть независимым от других людей. Еще более абсурдным является ставшее сегодня модным слово «самодостаточный».

В английском языке *freedom* и *liberty* различаются как физическая и политическая свободы. В русском языке дело обстоит гораздо сложнее, хотя физическую свободу обычно отождествляют со словом «воля», которое, в свою очередь, имеет, по крайней мере, два смысловых значения. Чтобы не погрязнуть в этимологической трясине, подчеркнем, что свободы как независимости в природе не существует, так как все от всего зависит. Независимости от чужой воли тоже не существует, так как все люди находятся в зависимости друг от друга. Поэтому надо стремиться, как это ни парадоксально звучит, не к свободе, а к зависимости, к определенному ее виду. К зависимости в принятии решения не от чужой воли, а от своей. Перефразируя Ф. Ницше, подчеркнем, что надо стремиться к зависимости от своего

¹ Камю А. Указ. соч. С. 275.

² Там же. С. 226.

истинного «Я». Только тогда мы, уйдя от «свободы от чего-то или кого-то», придем к «свободе для чего-то». Ф. Ницше в своем «Так говорил Заратустра» акцентирует внимание на кардинальном различии между ними: «Свобода от чего, какое дело до этого Заратустре? Ты скажи, свет очей моих, свобода для чего? И тогда я пойму твою волю». Это не понимают террористы, стремясь ценой жизни и своей, и часто многих невинных людей, к свободе от... несправедливости, насилия и много еще от чего.

Еще более драматична судьба понятия «справедливость», за которое положили свои жизни не меньше людей, чем за свободу. А что это такое – справедливость? Если обратиться к этимологии, то слово «справедливость» означает «быть с праведностью», вести себя праведно, правильно, то есть в соответствии с правилами, правом, нормами, законами. Поэтому справедливость представляет собой понятие, отражающее оценку социального поведения. Не может быть справедливым, например, природное явление – гроза или молния и т. д. Справедливым может быть только поступок человека, причем в глазах другого социального субъекта – человека, группы людей, класса, государства, человечества, в конце концов. Следовательно, справедливость – понятие субъективное. Не может существовать абстрактной всеобщей, вселенской справедливости. То, что справедливо в бандитской группировке, – не справедливо для нормальных людей. По меньшей мере, неразумно обращаться за справедливостью к Богу, так как обеспечение справедливости для одного человека или группы людей будет означать несправедливость по отношению к другим.

Однако люди, отчаявшись в ожидании справедливости от государства, его законов, обращаются к Богу. Многие религии основаны на принципе справедливости. Для иудаизма, например, основным принципом является справедливость как принцип обеспечения жизни в этом мире, именно справедливость как воздаяние по заслугам; кто что заслужил, тот это и получит. Христианство противопоставило справедливости любовь и милосердие. Порой справедливее было бы наказать, но великодушнее будет простить. Ненависть деструктивна, даже если она справедлива. Однако идея любви к ближнему, идея жертвенности во имя этой любви претерпела некоторую метаморфозу, впрочем, так же, как и многие великие идеи. Неправильно понятая, она превратилась в идею самоотречения человека от всех радостей жизни, вплоть до самой жизни. Так, вера и любовь к собственному народу, превратившись в высшую гипертрофированную ценность, парадоксальным образом стала в дореволюционной России одним из идейных оснований терроризма.

Религиозная вера в Бога, трансформировавшись в веру революционной идее, превратилась в новую квазирелигию некоторых молодых людей,

оправдывающих свои действия высокой идеей жертвенного служения¹. Так, смерть становилась желанной как средство приобретения не только путевки в вечную жизнь, но и смысла жизни. Вспомним слова Бена Ладе-на: «Для нас смерть желанней, чем для вас жизнь!»

Следует заметить, что и христианство с его основным принципом любви и милосердия, и ислам с принципом терпения и покорности, и буддизм с принципом самосовершенствования исходят из идеи справедливости, но в другом ее понимании. Христианство и ислам как религии спасения в качестве справедливого воздаяния обещают вечную жизнь в Раю, то есть спасение души. А буддизм базируется на справедливости как кармическом воздаянии за поступки человека.

Однако тот, кто с мечом в руке пытается воцарить справедливость здесь и сейчас, не только не верит в Бога, но и отвергает его, будучи активным богоборцем. Убийство человека – есть, прежде всего, убийство Бога в себе, но прежде убийство собственной души. Следовательно, террор – всегда богоубийство, теоцид. В какие бы одежды он ни рядился. Служение великой идее прямолинейно, однозначно мыслящих людей часто превращается в параноидальную от нее зависимость. Террор идеи трансформируется в идею террора. Это прекрасно иллюстрирует идея марксизма, унесшая миллионы жизней, превратившись в квазирелигию свободы, равенства и справедливости.

© Даллакян К. А.

УДК [378.016:001]:2

Храмова Ксения Вячеславовна,
доктор философских наук, профессор
кафедры философии Башкирского
государственного медицинского уни-
верситета Министерства здравоохра-
нения России, г. Уфа, Россия

ПРОФИЛАКТИКА РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Основой гражданского и демократического общества является признание права всех национальностей, культур, вероисповеданий на уваже-

¹ Сазонов Е. С. Письма Егора Сазонова к родным. 1895–1910 гг. М., 1925. С. 84,299; Цит. по: Баранов А. С. Образ террориста в русской культуре конца XIX–начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. 1988. № 2. С. 118.

ние, принятие и соблюдение законности и правопорядка. Многовековые традиции России так же основываются на соблюдении гуманистических норм и принципов цивилизованных взаимоотношений разных культур, религий и социально-политических взглядов.

В то же время на протяжении последних десятилетий отмечается рост проявлений экстремизма и национализма, ксенофобских тенденций в обществе. Отличительной особенностью современной эпохи является то, что в сложившихся социальных условиях наиболее чувствительны к подобным настроениям дети, подростки и молодежь. В связи с этим все более актуальными становятся анализ и разработка психолого-педагогического и правового содержания профилактики юношеского экстремизма, обмен опытом по данной тематике.

Система высшего образования обладает необходимым ресурсом проведения первичной профилактики проявлений ксенофобии, национализма, экстремизма, воспитывая у молодежи толерантность, а также может оказывать содействие субъектам активной профилактики экстремизма – правоохранительным органам, органам государственной безопасности и другим силовым ведомствам. Их деятельность, в свою очередь, регламентируется ст. 11 Конституции РФ; Уголовным кодексом РФ, Уголовно-процессуальным кодексом РФ, Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и ст. 9 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», Федеральным законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральным законом от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности».

Экстремизм (лат. *extremus* – крайний) – приверженность к крайним взглядам, мерам, действиям; в дословном понимании есть не что иное, как крайнее проявление чего-либо – действий, высказываний, взглядов и т. п. Следовательно, экстремизм может быть политическим, религиозным, экономическим и социальным¹.

Религиозный экстремизм – достижение целей методами, не являющимися традиционными в религии. Отличительной особенностью современного религиозного экстремизма является преобладание силовых методов борьбы для насильственного изменения государственного строя, захвата власти, нарушения территориальной целостности государства. Религиозные экстремистские организации стремятся к решению не столько этнических и религиозных проблем, сколько добиваются достижения политических и экономических целей.

Несмотря на то что государственная политика в сфере отношений с религиозными объединениями направлена на сохранение и укрепление

¹ Национальная политическая энциклопедия // Интернет-ресурс: <http://politike.ru/termin/ekstremizm.html> (дата обращения: 05.12.17).

нравственного потенциала в обществе, богатых духовных традиций проживающих в стране народов, деятельность экстремистских организаций религиозного толка дестабилизирует социально-политическую ситуацию в Российской Федерации и представляет собой серьезную угрозу конституционной безопасности и территориальной целостности государства¹.

В Республике Башкортостан отличительной особенностью религиозной обстановки является разнородность и насыщенность конфессионального колорита². В республике достигнута обстановка взаимоуважения и диалога в отношениях между верующими различных конфессий и созданы необходимые условия для поддержания мирного сосуществования религиозных объединений и межконфессионального сотрудничества. В то же время на ее территории так же, как и в Российской Федерации, функционируют организации, созданные в целях осуществления экстремистской деятельности, либо признающие возможность использования террора как формы борьбы для достижения своих преступных целей³.

Религиозный экстремизм по своей идейной направленности, может проявляться как в радикальной так и в фундаментальной форме. И если фундаменталисты выступают противниками даже минимальных изменений и нововведений в религиозной и в общественно-бытовой сфере, то радикалы, напротив, отрицают все предшествующие формы бытия и считают абсолютной истиной только то, что они проповедуют на сегодняшний день. Объединяет их одно – неизбежное стремление любым путем утвердить экстремистские идеи в сознании своих адептов. Значительное внимание при этом уделяется привлечению в свои ряды новых последователей именно из молодежной среды.

Появление молодежного экстремизма во многих источниках совершенно справедливо связывают с нерешенными социальными, политическими и экономическими противоречиями общественного развития. К ним относятся: высокий уровень безработицы, коммерциализация образования, культуры, искусства, невостребованность молодежи, разочарование в по-

¹ Храмова К. В. Риск и российское общество: проблемы социальной рефлексии // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 328.

² Самыми влиятельными религиозными направлениями в Республике Башкортостан являются ислам и православие – более 88 % от общего количества религиозных организаций: около 67 % – ислам, 21 % – православие. Кроме этого, в республике распространены различные протестантские течения, среди которых христиане веры евангельской (ХВЕ), пятидесятники, евангельские христиане баптисты (ЕХБ), адвентисты седьмого дня (АДС), свидетели Иеговы, евангельские христиане в духе апостолов, появились общины язычников (в основном представители национальности мари) – около 12 % // Методические материалы по профилактике терроризма и экстремизма: учебно-методическое пособие; сост.: А. Б. Галанов, В. А. Сапожникова, Л. Р. Халикова, Э. А. Ижбулатова, С. С. Лысов, Л. Н. Тимерьянова, Р. Р. Шафигуллина. Уфа: ИРО РБ, 2012.

³ На территории Республики Башкортостан действуют ячейки религиозных организаций экстремистской и террористической направленности, относящихся к радикальным течениям исламской религии: МТО «Хизб ут-Тахрир аль Ислами», МРО «Нурджулар», МРО «Таблиги Джамаат» // Методические материалы по профилактике терроризма и экстремизма: учебно-методическое пособие; сост.: А. Б. Галанов, В. А. Сапожникова, Л. Р. Халикова, Э. А. Ижбулатова, С. С. Лысов, Л. Н. Тимерьянова, Р. Р. Шафигуллина. Уфа: ИРО РБ, 2012.

литике и идеологии государства, особенности национального происхождения и социального положения, являющиеся главными факторами ее активности в поиске своего места в жизни, что может проявляться и в различных формах протеста, в том числе и экстремистских.

Нам, в свою очередь, хотелось бы добавить, что сложность молодежной проблематики, связанной с проявлениями экстремизма, заключается в немалой степени и в том, что в семье, школе, высших учебных заведениях часто не ведется серьезной просветительско-воспитательной работы. Мы намеренно оставляем за рамками данной статьи необходимость идеологического и патриотического воспитания личности, об этом немало написано и сказано. Наша задача – акцентирование внимания на просветительской деятельности педагога и его психолого-педагогической подготовленности к работе с молодежью в современных, не побоимся этого слова, кризисных условиях.

Молодые люди в силу индивидуально-личностных особенностей своего возраста весьма чувствительны к откровенной агитации и пропаганде. Уже в старших классах отношение учеников к тематическим воспитательным классным мероприятиям зачастую колеблется от снисходительно-равнодушного к крайне отрицательному. И эта особенность молодой психики уже давно взята на вооружение различными, в том числе и псевдорелигиозными, противоправными организациями.

Воздействие на умы и сердца идет опосредованно. Широко используются различные манипулятивные технологии, большинство из которых не имело бы шансов на успех при более высоком уровне общего кругозора современной молодежи. В качестве наиболее яркого примера можно привести результаты опроса ВЦИОМ, согласно которым четверть россиян придерживается не гелиоцентрической, а геоцентрической позиции, характерной мировоззрению средневекового обывателя.¹ На просторах Интернета активно обсуждается теория плоской земли с такими сомнительными доказательствами, над которыми еще пару десятилетий назад рассмеялся бы любой школьник, однако сейчас это вполне серьезно обсуждаемая теория. Казалось бы, это показатель падения общей грамотности населения, и как это может быть связано с религиозным экстремизмом? Однако связь здесь, на наш взгляд, самая прямая. Пробелы в образовании откровенно используются религиозными проповедниками различного толка, и человек способен поверить во что угодно, так как альтернативных знаний он просто не имеет.

В данном случае мы имеем дело с гносеологическими аспектами формирования системы знаний современного молодого человека. Недоста-

¹Четверть россиян убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли. Интернет-ресурс: <http://www.mk.ru/social/2017/03/31/chetvert-rossiyan-veryat-chto-solnce-vrashhaetsya-vokrug-zemli.html> (дата доступа: 5.12.17).

точный уровень теоретической и практической подготовки, с одной стороны, и природное любопытство, стремление к познанию нового и неизведанного, желание изменить мир – с другой, способствуют своеобразному формированию мировоззрения, впитывающего в себя предлагаемые извне идеи и образы, без их анализа и критического переосмысления. Именно поэтому они кажутся такими логичными и правильными, и это порождает желание вести борьбу за их осуществление.

При общении с современными студентами можно сделать вывод о том, что у многих из них практически отсутствуют навыки гуманитарного, целостного, критического мышления для анализа и обработки информации, поступающей из сомнительных источников. Молодые люди часто не имеют представления о взаимосвязи всех общественных явлений во времени и пространстве.

Так, например, современность легко отделяется от всей истории социального развития. И скудость общекультурного багажа не позволяет молодым людям соотнести конкретные факты и явления современности с закономерностями общественных отношений в прошлом. Получается, что процесс осмысления фактов современности как проявлений универсальных закономерностей человеческого существования начинается для человека подчас только в университете, и это возможно лишь при условии успешного усвоения учебной программы по дисциплинам общегуманитарного профиля.

Все чаще преподавателям гуманитарных, и наверняка не только гуманитарных, дисциплин приходится сталкиваться с качественно иными, чем несколько лет назад, трудностями. Так, например, многими обучающимися постепенно утрачивается способность работать с печатными источниками. Как отмечает в своей работе С. Г. Кузьменкина, и мы, к сожалению, вынуждены с ней согласиться, «молодые люди, закончившие среднюю школу в последние годы, зачастую плохо считают текст, при этом самые простые и знакомые из повседневности слова искажаются ими при устном произнесении. Это свидетельствует о неумении воспринимать контекст написанного, улавливать как его общий смысл, так и понимать значение отдельных слов»¹. Таким образом, делается вывод о том, что изучаемый материал представляется молодым людям абстракцией, которая подлежит механическому заучиванию и последующему озвучиванию. И за это действие предполагается получение положительной оценки преподавателя.

Современные обучающиеся заимствуют материалы докладов или рефератов из Интернета, не обращая внимания на его достоверность и правдивость. Однако ни для кого не секрет, что в настоящее время именно

¹ Кузьменкина С. Г. Проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в образовательных учреждениях кооперации. Интернет-ресурс: <https://nsportal.ru/vuz/pedagogicheskie-nauki/library/2012/07/27/problemy-prepodavaniya-gumanitarnykh-distiplin-v> (дата обращения: 05.12.17).

Интернет становится реальной базой разного рода виртуальных экстремистских сообществ и даже государств. В связи с развитием новых сетевых сервисов политические и религиозные экстремисты быстро освоили сферу, менее всего доступную государственному контролю, несмотря на все предпринимаемые попытки контролировать этот процесс законодательным путем. Так, в открытом доступе находится список запрещенных материалов, в которых в ходе судебного разбирательства были выявлены призывы к экстремистской деятельности, приводятся данные о том, каким судом и когда было вынесено такое постановление¹. Однако большинство материалов из этого списка до сих пор доступно для скачивания, в отличие от кассовых российских новинок кино и экономически прибыльных книг-бестселлеров.

Наиболее успешно, на наш взгляд, дело обстоит с контролем в социальных сетях, но это во многом благодаря деятельности администраторов сайтов, заинтересованных в относительной безопасности своих пользователей. Так, ими достаточно быстро блокируются материалы, имеющие откровенно экстремистское содержание (хотя, то же видео можно свободно найти на ютубе в открытом доступе), но возникает проблема с анализом изначально мирного содержания многих видеороликов, которые ставят своей целью воздействие на эмоциональную сферу молодых людей.

В данных материалах акцент делается на чувстве любопытства, страдании или просто сенсационности. Например, большое распространение имеют ролики, в которых очень красочно показывается как многие факты, которые, по мнению автора, были описаны в священных текстах (Библия, Коран, Тора, Веды и т. д.) тысячелетия назад, находят подтверждение в современной науке. Технологии использования научного знания для обоснования догматов религиозной веры были подробно разработаны еще в Средние века величайшим схоластом Фомой Аквинским и мало изменились за прошедшие столетия, но молодые люди не могут самостоятельно, без помощи образованного взрослого использовать эту информацию для защиты собственной безопасности. Однако учебный курс «Философии» в образовательном процессе дает основательную «прививку» от заражения вирусом экстремизма таким путем. И это только маленький пример использования знаний истории философии в целях профилактики молодежного экстремизма. Не говоря уже о том, что в Государственных образовательных стандартах четко прописано, как данная дисциплина в системе общей профессиональной подготовки гражданина формирует у него осознание сущности таких категорий, как «...Гражданское общество и государство. Человек в системе социальных связей. Человек и исторический процесс... Смысл человеческого бытия. Насилие и ненасилие. Свобо-

¹ Федеральный список экстремистских материалов. Интернет-ресурс: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (дата обращения: 05.12.17).

да и ответственность. Мораль, справедливость, право. Нравственные ценности...Религиозные ценности и свобода совести... Познание, творчество, практика. Вера и знание. Понимание и объяснение. Проблема истины. Научное и вненаучное знание. Будущее человечества. Глобальные проблемы современности. Взаимодействие цивилизаций и сценарии будущего».

Следующая эмоция, активно эксплуатируемая псевдорелигиозными проповедниками, это сострадание. Молодые люди, особенно девушки, очень чувствительны к проявлениям социальной несправедливости, к страданиям других людей, особенно детей, стариков, матерей. Экстремистские организации размещают удачно смонтированные или реальные видеоролики со сценами бомбежек и обстрелов городов, голодающих, раненых, умирающих и плачущих детей и женщин, массовых захоронений и других ужасов военного времени. К сожалению, это все на самом деле присутствует в современном мире и у любого человека должно вызывать очень горькие чувства. Однако никто не предупреждает молодежь о том, как это используется в религиозной пропаганде. Обычно такой видеоряд сопровождается стихотворением или песней ребенка об ужасах, испытанных им на войне, или текстами из святого писания. Посыл следующий – пока весь мир погряз в грехах и пороках, пока олигархи развитых стран ведут роскошную жизнь, а Ты, зритель, сидишь в удобном кресле у экрана собственного компьютера, гибнут невинные люди, и это будет продолжаться до тех пор, пока именно Ты не встанешь со своего места и не вступишь в борьбу. Следующими по предлагаемым ссылкам будут уже лекции проповедников, показывающих истинный путь, по которому следует идти равнодушным людям, а далее через анализ просмотров, человека находят в социальных сетях и вступают в непосредственный личный контакт специально обученные люди.

Как можно противостоять такой основательно организованной и психологически выверенной стратегии? Ведь в эту ловушку легко попадают не только маргинализированные, социально неустроенные и агрессивные молодые люди.

Здесь мы вплотную подходим к другой, обязательной в любом высшем учебном заведении дисциплине – психологии. Так как именно знание основ психологии личности и социальной психологии, осведомленность об основных методах и технологиях психологического манипулирования способны уберечь молодежь от умело расставленных сетей вербовщиков.

Учебные занятия по таким дисциплинам, как история, философия, психология, культурология и др., имеют огромное значение для развития личности, так как именно в их рамках организуется субъект-субъектное взаимодействие преподавателя и обучающегося. Дискуссионные моменты учебных занятий неизбежно предполагают использование знаний, которые являются частью общей культуры человека.

Для такой работы предполагается не только преподаватель-предметник, но и собеседник, обладающий индивидуально-личностными особенностями. Гуманитарные дисциплины основываются на личном взаимодействии преподавателей и обучающихся, и отвлечение, в разумных пределах, на обсуждение волнующих вопросов (в том числе и на религиозную проблематику), казалось бы, не имеющих непосредственного отношения к теме занятия, не только не наносит ущерба изучению предмета, но и заставляет молодых людей, хотя бы на короткое время, задуматься над сущностными основаниями современного бытия.

Отдельно можно отметить, что для преподавания таких дисциплин в вузах нашей республики, которой с момента ее возникновения характерен многонациональный состав, требуется особый подход к развитию духовного мира учащихся. К тому же в последние годы традиционные для нашего региона национальности пополнились обучающимися с ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссии, Украины, Таджикистана, Туркменистана, Индии, Пакистана, Африки, Египта и т. д.). Профилактика религиозного экстремизма в данной ситуации предполагает расстановку акцентов на закреплении тех начал национального самосознания, которые не противопоставляются общероссийскому гражданскому сознанию, а гармонично взаимодействуют с ним в структуре личностного мировоззрения. Это способствует достижению межнациональной терпимости, взаимоуважению всех участников социального межкультурного диалога, приобщению их к общечеловеческим гуманитарным ценностям.

Принцип диалога культур в учреждениях с многонациональным составом требует разработки особых методик преподавания культурологи и истории. Молодые люди приходят в образовательные учреждения с различным уровнем подготовки, но в любом случае, понимание ими явлений русской культуры и истории существенно отличается от понимания культуры и истории собственного народа. Преподаватели часто сталкиваются с коренными несоответствиями материала полученного молодежью на родине с тем, чему обучают в наших учебных заведениях. В таком случае важна опора на общечеловеческий нравственный стержень, содержащийся в любом культурологическом и историческом материале. Работа на уроках с текстами исторических документов позволяет молодежи самим оценивать те или иные исторические события. Опыт показывает, что наиболее успешно применение принципа сопоставления национальных культурных и исторических явлений. Предлагая обучающемуся на занятиях по истории или культурологии познакомить своих одноклассников с историей и культурой своей малой родины, преподаватель укрепляет связи человека с его предками и традиционной культурой, которая, по сути, наверняка далека от проявлений экстремизма. Помимо этого обязательно найдутся общие традиции и обычаи между, казалось бы, такими непохожими народностями, что сближает людей, дает ощущение солидарности и сопричастности

всего мира и однозначно нивелирует межэтническую и межрелигиозную напряженность.

В заключение хотелось бы отметить, что в рамках одной статьи невозможно полностью раскрыть такую актуальную и многогранную тему, как профилактика религиозного экстремизма в процессе преподавания дисциплин общегуманитарного профиля, скорее это некоторые наброски к более фундаментальной работе, которая будет содержать в себе и теоретический блок, и учебно-методические разработки, основанные на проведенных ранее социально-психологических исследованиях сознания и самосознания современной учащейся молодежи и опыте преподавания этих дисциплин в вузе. Однако уже на данном этапе мы с полным правом можем утверждать важность укрепления блока общегуманитарных дисциплин, в ходе изучения которых у человека формируется объемное, критическое мышление, предохраняющее его от воздействия различных манипулятивных технологий, используемых при вербовке новых сторонников различных религиозных сект и организаций, имеющих экстремистскую направленность.

© Храмова К. В.

УДК 613.6/8:351.74.088(470)

Исхаков Эдуард Робертович, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия

ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ СРЕДИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Заболеваемость населения России, в том числе и трудоспособного возраста, остается довольно высокой. Особенно распространены заболевания сердечно-сосудистой системы, онкологические болезни, инфекционные и эндокринные заболевания. Причины их возникновения и дальнейшего развития довольно многочисленны и разнообразны: неправильный образ жизни, наличие поведенческих факторов риска, связанных с курением, гиподинамией, пищевыми привычками, экологический фактор, низкая приверженность к лечению заболеваний, отсутствие мероприятий по профилактике заболеваний, стрессогенные условия труда и семейной жизни, общественные социально-экономические условия в местах проживания, низкий уровень доброкачественности продуктов питания в связи в добав-

лением в них химических консервантов, загустителей и т. д. Все это в полной мере относится и к условиям жизни и работы сотрудников органов внутренних дел¹.

Исследования показывают, что труд сотрудников ОВД, непосредственно контактирующих с правонарушителями (преступниками), например, патрульно-постовой и других служб, относится к категории опасных профессий, для которых присуще как причинение вреда здоровью, так и снижение эффективности служебной деятельности². Кроме того, отсутствие здорового образа жизни у сотрудника в ряде случаев способствует развитию у него суицидальных намерений, а проблема суицидов в МВД России, к сожалению, остается все еще актуальной. Сохранение физического и психического здоровья сотрудников ОВД, повышение эффективности их служебной деятельности относятся к медико-психологическому обеспечению деятельности ОВД³. В свою очередь, как сохранение здоровья, так и поддержание высокой работоспособности и, как следствие, эффективное выполнение служебных обязанностей сотрудников ОВД будут зависеть, в том числе от наличия у них поведенческих психологических факторов, формирующих здоровый или нездоровый образ жизни.

Довольно высокая распространенность курения выявлена у российских полицейских. Наивысший показатель установлен у сотрудников ГУВД по Тюменской области – среди полицейских курили 91 % сотрудников⁴. Практически такой же показатель оказался среди сотрудников ОВД Кабардино-Балкарии – 90 %⁵. Несколько ниже курение было распространено среди сотрудников ГИБДД МВД по Республике Татарстан, однако процент курильщиков составлял более половины – 50,6 %⁶.

Наиболее изученными по наличию поведенческих факторов среди Российских полицейских оказались сотрудники ОВД Кабардино-Балкарии. Среди сотрудников ОВД Кабардино-Балкарии уровень распространенно-

¹ Мансурова З. Р. Посттравматические стрессовые расстройства у сотрудников полиции и методы психологической профилактики // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2017. № 2-2. С. 77–80; Линевиц В. Л. Влияние посттравматических стрессовых расстройств на особенности личности и семейные отношения у сотрудников ОВД // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. № 7–5. С. 160–163.

² Биккинина Г. М., Исхаков Э. Р. Медико-психологическая и санитарно-гигиеническая оценка производственной нагрузки и напряженности труда сотрудников патрульно-постовой службы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2009. № 3. С. 64–68; Копейкин Н. Ф., Зайцева Л. Н., Белянский В. М., Мясоедов Б. А. О заболеваемости и условиях труда сотрудников некоторых подразделений органов внутренних дел // Здравоохранение Российской Федерации. 2005. № 5. С. 45–46.

³ Мягких Н. И. Фактор здоровья как современная основа организации медико-психологического обеспечения деятельности ОВД // Медицинский вестник МВД. 2007. № 3 (28). С. 10–12.

⁴ Васильев А. П., Сторожок С. А., Яворницкий В. И. и др. Факторы риска сердечно-сосудистых заболеваний и состояние микроциркуляции у сотрудников ГУВД по Тюменской области, участвовавших в выполнении служебно-боевых задач в Северо-Кавказском регионе // Медицинский вестник МВД. 2009. № 3. С. 37–42.

⁵ <http://0973.ru/archives/1129> (дата обращения: 20.09.2014).

⁶ Визель А. А., Амиров Н. Б., Потапова М. В. и др. Особенности формирования бронхообструктивного синдрома, у работников МВД/МЧС работающих в автоинспекции и в пожарной службе // Вестник современной клинической медицины. Том 1. Выпуск 1. Казань, 2008. С. 57–61.

сти основных факторов оказался высоким: низкая физическая активность – у 86 %, избыточная масса тела – у 42 %¹.

Целью исследования являлась оценка наличия факторов риска развития заболеваний, а также анализ существующих методов укрепления организма и его оздоровления в плане не только профилактики заболеваний, но и поддержания высокого уровня трудоспособности и оптимальной функциональной активности организма сотрудников ОВД для успешной профессиональной деятельности.

Нами проведены исследования с применением таких методов, как анкетирование, опрос, беседа, наблюдение.

Исследование показало, что курили более половины опрошенных сотрудников. Из 95 опрошенных сотрудников 51 человек (53,6%) курили, из числа курильщиков 27 человек (52,9 %) в течение предшествующего года пытались безуспешно бросить курить.

Установлена доля сотрудников регулярно занимающихся физкультурой и спортом в различные дни недели. В прошедшее воскресенье из 66 опрошенных только 13 человек (19,6 %) занимались физкультурой и спортом. В прошедший понедельник из 66 опрошенных только 10 человек (15,1%) занимались спортом.

В обычный четверг из 29 опрошенных физкультурой и спортом занимались 7 человек (24,1 %), 22 человек не занимались (75,8 %); в обычную пятницу из 29 опрошенных занимались физкультурой и спортом лишь 3 человека (10,3 %), 26 человек (89,5 %) – не занимались.

Из 56 человек, ответивших, что не занимались физкультурой и спортом в воскресенье или в понедельник, среди основных причин отсутствия спортивных занятий 36 человек (64,2 %) назвали такую причину, как «нет времени», 8 человек (14,2 %) – «нет возможности и условий», 4 человека (7,1 %) – «нет желания», 4 сотрудника (7,1 %) заявили, что у них и так «много домашних дел» (что также указывает на отсутствие у них времени), 3 человека (5,3 %) указали «лень», а 1 человек (1,7 %) сослался на семейные обстоятельства. 29 человек не занимались физкультурой и спортом в четверг или пятницу по причинам: «нет времени» – 21 человек (72,4 %), «лень» – 3 человека (10,3 %), другие причины – 3 человека (10,3 %), сделали ссылку, что занимаются физкультурой и спортом в другой день – 1 человек (3,44 %).

Большая доля тех, кто причинами отсутствия занятий физкультурой и спортом называют отсутствие времени, говорит о том, что данные сотрудники не владеют основами и реализацией тайм-менеджмента.

Установлено восприятие работы сотрудниками ОВД как стрессогенной. На вопрос о наличии стресса на работе из 95 опрошенных 56 человек

¹ <http://0973.ru/archives/1129> (дата обращения: 20.09.2014).

(58,9 %) ответили «да», 14 человек (14,7 %) – «иногда, редко», 25 человек (26,1 %) – «нет».

Снятие стресса, по словам сотрудников, происходило различными путями. Анализ полученных ответов показал, что применяются в той или иной степени 21 способ снятия стресса. Наиболее распространенным способом снятия стресса явилось общение с близкими (семья, дети), далее следовали сон и общение с друзьями. Способ снятия стресса путем курения был значительно распространен и занимал 4–5 место наряду с прослушиванием музыки.

Вопрос о наличии предварительной информации у сотрудников о том, что в рацион питания необходимо включать ежедневный прием свежих фруктов и овощей, показал, что большинство (59 человек – 88,0 %) из 67 опрошенных отметили наличие такой информированности, 8 человек (11,9 %), признались честно, что не знали об этом. Положительные ответы, можно предположить, не являются объективными, а в силу психологии могут служить для «приукрашивания» впечатления о себе (несмотря на анонимность анкеты). Поэтому интерес представляет проверочный вопрос: «Сколько (какое количество) положено, по медицинским рекомендациям, употреблять ежедневно свежих овощей и фруктов?». Только треть сотрудников – 21 человек (31,3 %) из 67 опрошенных смогли правильно назвать рекомендуемую массу ежедневного потребления согласно рекомендациям медиков – 0,5 кг. Из 29 опрошенных 28 человек (96,5 %) указали, что знают о ежедневном включении свежих фруктов и овощей в рацион питания. Из 29 опрошенных подавляющее большинство – 22 человека (75,8 %) заявили, что ежедневно употребляют в пищу свежие фрукты и овощи.

Наше исследование показывает, что выполнение таких мероприятий по профилактике заболеваний или их лечению в целях недопущения дальнейшего развития и ухудшения состояния, как выполнение рекомендаций по питанию, физической активности, уменьшению стресса, регулярности применения лечебно-оздоровительных процедур и других, часто затруднено вследствие специфики профессионального труда сотрудников ОВД. Поэтому необходим поиск средств, которые бы отвечали таким требованиям, как удобство приема на работе и вне работы, эффективность их воздействия на организм, отсутствие аллергии и побочных эффектов, «универсальность» их действия при различных заболеваниях и патологических состояниях, наличие профилактического эффекта и возможности принимать с целью профилактики заболеваний или предупреждения ухудшения состояния, а также повышения работоспособности. К таковым средствам можно отнести прием тонизирующих напитков, различных видов экстрактов трав, витаминов, минералов, витаминно-минеральных комплексов, всевозможных биоактивных добавок к питанию. Все они в той или иной степени имеют определенные преимущества и недостатки при приеме с целью профилактики заболевания, улучшения функционального состояния

организма. На наш взгляд, к довольно эффективным, безопасным средствам, обладающим оздоровительным эффектом, можно отнести биоактивные добавки на основе трансфер-фактора, который вырабатывается из молозива коров и желтка яиц. Их природное происхождение, химическая структура (олигопептид) и наличие большой исследовательской базы, проведенной как зарубежными, так и российскими учеными по их применению при различных заболеваниях, патологических состояниях (в том числе и опыт их применения в силовых структурах), по нашему мнению, повышают функционирование организма, предполагают использование как БАДа в питании сотрудников ОВД.

© Исхаков Э. Р.

УДК 316.653:351.74.078(470)

Гайдай Мария Константиновна,
доктор социологических наук, доцент, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, Россия

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Современная российская действительность характеризуется всплеском различных форм негативных девиаций, развитие и распространение которых отрицательно сказывается на реализации россиянами прав и законных интересов. Особая роль в государстве на страже прав и свобод человека отводится деятельности правоохранительных органов и полиции в частности. Однако уровень доверия наших сограждан государственным структурам, в том числе и полиции, не всегда высок. А от этого зависит эффективность их деятельности по борьбе с преступностью и защите прав, свобод и законных интересов человека. «Оценка деятельности органов внутренних дел Российской Федерации обществом, государственными и негосударственными институтами должна служить повышению эффективности охраны общественного порядка, а также выполнению возложенных задач и функций по поддержанию правопорядка и предотвращению преступлений в любой ситуации», – отмечают специалисты-практики¹. Более того, исследователями признается, что «общественное мнение о работе сотрудников органов внутренних дел сегодня явля-

¹ Параносенков П. М. Оценка гражданским обществом деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в период их реформирования // Административное право и процесс. 2013. № 8. С. 85–87.

ется одним из основных критериев оценки их деятельности»¹. Это же отмечается и в п. 6 ст. 9 Федерального закона «О полиции» – «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел». В то же время существуют проблемы, связанные с необходимостью и востребованностью изучения мнения населения о деятельности полиции. Поэтому исследования в области мониторинга общественного мнения о деятельности правоохранительных органов видятся актуальными и практически ориентированными.

Долгое время изучением мнения россиян о деятельности полиции (ранее милиции) занимались социологические организации, которые имели для этого опыт работы, квалифицированных специалистов, методологические и технические возможности. Среди основных общероссийских социологических организаций можно назвать Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-Центр, в поле деятельности которых, среди иных важнейших проблем современного общества, входила оценка деятельности правоохранительных органов в целом и полиции в частности. В 2011 году ВЦИОМ в ходе масштабного исследования (опрошено 41 500 россиян), были получены интересные данные о работе органов внутренних дел. Так, около 2/3 россиян положительно относятся к полиции (61 %), подавляющее большинство (88 %) в той или иной степени полагают, что в деле борьбы с преступностью следует помогать полиции, ОВД оцениваются опрошенными как одна из наиболее эффективных структур по защите интересов граждан от преступных посягательств (44 %)². В декабре 2016 года ВЦИОМ были обнародованы данные по вопросам знания и оценкам работы государственных органов и ведомств. Среди прочих, Министерство внутренних дел России известно 27 % россиян, а такая его служба, как Государственная инспекция безопасности дорожного движения (ГИБДД), стоит на первом месте (33 %). Непосредственно же на вопрос о знании такого ведомства, как МВД, 27 % указали – «хорошо знаю, специально интересуюсь работой этого органа власти», 70 % – «о существовании знаю, но специально его работой не интересовался», 2 % опрошенных указали, что впервые слышат о существовании данного органа власти и 1 % затруднился с ответом. Из тех, кто слышал об МВД, 71 % считает, что оно справляется с поставленными перед ним задачами: 14 % – бесспорно справляется и 57 % – скорее справляется. 20 % полагают обратное: 16 % указали, что скорее не справляется и 4 % – абсолютно не справляется. 9 % затруднились оценить деятельность МВД³. Ес-

¹ Тимко С. А., Тимко П. В. Общественное мнение о деятельности ОВД (региональный аспект) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. №4 (59). С. 11–15.

² Россияне – о работе органов внутренних дел [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 26.09.2017).

³ Рейтинг силовых ведомств [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 26.09.2017).

ли говорить об отдельных структурах МВД, а именно о той, деятельность которой наиболее известна из всех других – ГИБДД, то по данным исследований, проведенных ВЦИОМ в 2017 году, уровень доверия к этой службе в российском обществе находится на уровне 52 %, а оценки их работы еще выше: 57 % респондентов считают, что ведомство в целом справляется с поставленными перед ним задачами. В результате ответа на вопрос: «Оцените, пожалуйста, степень своего доверия или недоверия работникам ГИБДД?» 9 % отметили, что «полностью доверяют», 43 % – «скорее доверяют», 28% – «скорее не доверяют», 13% «совсем не доверяют» и 7% затруднились с ответом. Отвечая на вопрос: «По Вашему мнению, в целом ГИБДД справляется с поставленными перед ней задачами или нет?» 8% считают, что «бесспорно справляется», 49% – «скорее справляется», 25% – «скорее не справляется», 9% – «абсолютно не справляется» и столько же (9%) выбрали вариант ответа «затрудняюсь ответить»¹.

Одной из форм организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, определенной приказом МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777, является взаимодействие с Федеральной службой охраны Российской Федерации (ФСО России) в организации социологических исследований при проведении опросов населения о деятельности полиции в субъектах Российской Федерации. Данная деятельность, в соответствии с указанным приказом, осуществляется на основе заявки на включение в проект плана социологических исследований ФСО России опроса населения о деятельности полиции в субъектах России, которую ВНИИ МВД России подает ежегодно. В заявке отражается перечень вопросов, по которым необходимо осуществить опрос населения о деятельности полиции. Результаты опросов, проведенных ФСО России, возвращаются в ВНИИ МВД России, где они обобщаются, и на их основе готовятся информационно-аналитические материалы. Результаты опросов докладываются руководству МВД России.

Еще одной формой мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 777 определяет «проведение по результатам опросов ФСО России исследований мнения населения о деятельности полиции в отдельных субъектах Российской Федерации». В соответствии с «Инструкцией об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» (Приложение № 1 к приказу МВД России от 01.12.2016 № 777) ВНИИ МВД России создаются рабочие группы для проведения исследования. В такие группы могут входить представители образовательных организаций МВД России, сотрудники подразделений территориального органа МВД России на региональном уровне. Результаты проведенного исследования направляются по месту его проведения и в подразделения центрального аппарата МВД. Инструкцией также предлагаются следующие направления использования

¹ Государственная инспекция безопасности дорожного движения: доверие и оценки работы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 26.09.2017).

полученных данными руководителями территориальных органов МВД России: при проведении брифингов, пресс-конференций, семинаров и других мероприятий, направленных на повышение эффективности оперативно-служебной деятельности. Кроме того, полученные данные размещаются на официальных сайтах территориальных органов МВД России в сети «Интернет», где проводилось изучение общественного мнения, в ведомственных и региональных средствах массовой информации.

Следующей формой мониторинга общественного мнения о деятельности полиции Приказ определил организацию и проведение изучения мнения населения о деятельности полиции в территориальных органах МВД России на районном уровне. Думается, данная форма изучения мнения о деятельности полиции является самой уязвимой с точки зрения обеспечения научности, а соответственно, и репрезентативности проводимого исследования. И здесь возникают следующие проблемы:

1) отсутствие на местах квалифицированных специалистов для проведения исследования. В первых трех рассмотренных нами формах мониторинга общественного мнения о деятельности полиции данная проблема не стояла столь остро. Всероссийские социологические организации изначально направлены на осуществление подобной деятельности. ФСО России проводит исследования не первый год, имея в этой области опыт работы и кадровый потенциал. Деятельность ВНИИ МВД России также является профильной, т. к. изучение общественного мнения является одной из форм научно-исследовательской деятельности. Для сотрудников территориальных органов МВД России подобная деятельность никак не входит в сферу их профессиональных задач. Поэтому наличие на местах квалифицированных специалистов маловероятно;

2) дополнительная нагрузка на сотрудников, которые будут привлечены к мониторингу общественного мнения об их деятельности. Необходимость получения новых знаний о подобной деятельности также увеличит нагрузку на сотрудников. В существовании обозначенных проблем мы убедились в мае 2017 года, когда принимали участие в совещании по вопросу изучения общественного мнения о деятельности полиции в Главном управлении МВД России по Иркутской области, на котором присутствовали и специалисты из ВНИИ МВД России, а также сентябре 2017 года во ВНИИ МВД России на межведомственном круглом столе «Оценка деятельности полиции: состояние и перспективы».

К числу основных форм мониторинга приказ МВД России относит и «проведение интернет-опросов населения о деятельности полиции в субъектах Российской Федерации с использованием аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России» в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"», а также «подготовку в образовательных и научных организациях системы МВД России диссертационных, дипломных, научно-исследовательских и методических работ по про-

блемам организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции и изучения факторов, влияющих на его формирование». Деятельность сотрудников образовательных организаций нередко включает в себя и исследования общественного мнения о деятельности полиции или по схожим проблемам. Так, определению уровня профессионально-значимых нравственных качеств руководителей ОВД посвящена работа коллектива авторов «К проблеме актуализации регулятивно-управленческого ресурса профессиональной этики сотрудников ОВД»¹. Или работа, рассматривающая правоохранительную деятельность в контексте ксенократических практик этнической субъективации российского социума². Примером отражения изучения общественного мнения о деятельности полиции в диссертационных работах может служить исследование динамики общественного мнения российских граждан о полиции, предпринятое аспирантом кафедры теории и истории государства и права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета Д. О. Новикова³. В последнее время стали активно проводиться семинары, круглые столы и конференции по данной тематике. Так, в сентябре 2017 года ВНИИ МВД России был проведен межведомственный круглый стол «Оценка деятельности полиции: состояние и перспективы», на котором обсуждались наиболее актуальные с практической и теоретической точки зрения вопросы по изучению общественного мнения о деятельности полиции.

В заключение отметим, что, наряду с обозначенными, в изучении общественного мнения о деятельности полиции есть и другие проблемы. Полагаем, что осуществлять мониторинг общественного мнения о деятельности полиции достаточно силами вневедомственной оценки – общероссийскими социологическими организациями, Федеральной службой охраны Российской Федерации, у которых имеется несомненный опыт работы в данном направлении, а также ВНИИ МВД России, специализирующегося на схожей тематике. Однако подобная деятельность должна строиться на прочном научном фундаменте, с учетом имеющихся специалистов в данной области, ведь от реальности, адекватности отражения деятельности полиции во многом зависит и уровень доверия населения к ее работе и, как следствие, реализация защиты прав и свобод граждан.

© Гайдай М. К.

¹ Смирнов А. Е., Кузнецов А. А., Аграфонов М. Ю. К проблеме актуализации регулятивно-управленческого ресурса профессиональной этики сотрудников ОВД // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2009. № 2. С. 85–93.

² Бобков А. И. Правоохранительная деятельность в контексте ксенократических практик этнической субъективации российского социума // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию образованию института. Иркутск: ФГКОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 2013. С. 335–338.

³ Новиков Д. О. Исследование динамики общественного мнения российских граждан о полиции // Закон и право. 2015. № 7. С. 57–62.

Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

В настоящее время идея законодательного закрепления уголовного проступка активно обсуждается научной общественностью¹. Кроме того, данная идея поддерживается и на уровне Верховного Суда Российской Федерации². Председатель Верховного Суда РФ подчеркнул, что либерализация уголовной ответственности «заслуживает дальнейшего развития, в частности, путем разработки понятия уголовного проступка»³.

В условиях гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации требуется переоценка уже действующих и создание новых институтов, удовлетворяющих требованиям современного развития общественных отношений. В этом плане большое значение приобретает углубление дифференциации уголовной ответственности за преступления с учетом характера и степени их общественной опасности.

При дальнейшем развитии дифференциации уголовной ответственности необходима реализация ряда концептуальных идей, в числе которых решение вопроса о закреплении категории уголовных проступков.

Потребность в реализации данного предложения в настоящее время обусловлена рядом причин, среди которых избыточность уголовно-правовых запретов в Уголовном кодексе РФ, значительное число лиц, на-

¹ См.: Лопашенко Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 92; Звечаровский И. Э. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России // Там же. С. 43–44; Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Там же. С. 81; Коробеев А. И., Шишов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Там же. С. 72; Кибальник А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Там же. С. 65; Безверхов А. Г., Денисова А. В. О становлении института уголовного проступка в системе российского уголовного права // Там же. С. 27; Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. 2016. № 12. С. 26–27 и др.

² О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Всероссийский съезд судей // <http://kremlin.ru/events/president/news/53419>

ходящихся в местах лишения свободы (около 700 тыс. человек), высокий уровень рецидивной преступности.

В этой связи профессор А. Г. Кибальник отмечает, что данное решение пойдет на пользу уголовной юстиции. Во-первых, подобное решение будет способствовать снижению репрессивности уголовно-правовой реакции на «мелкую» преступность. Во-вторых, получит новое качественное наполнение законодательная дифференциация уголовной ответственности. В-третьих, будет дан стимул развитию мер уголовно-правовой реакции, не связанных с лишением свободы. И, в-четвертых, станет более четким и понятным разделение «зон ответственности» уголовного и административно-деликтного права¹.

Исследование позволило выявить факторы, обуславливающие законодательное закрепление категории уголовного проступка.

1) статистическая картина преступности не отображает ее реальное состояние в зависимости от общественной опасности. В настоящее время статистические показатели общей преступности обеспечиваются за счет значительного количества регистрируемых и раскрываемых преступлений небольшой или средней тяжести, хотя определять статистическое равенство между преступными посягательствами, предусмотренными ч.1 ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 205 УК РФ, недопустимо. В противном случае это приведет к искажению действительной общественной опасности совершаемых преступлений в отчетном периоде²;

2) отвлечение сил и средств от раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений;

3) негативное влияние, которое испытывают осужденные в местах лишения свободы, и их сложная социальная адаптация после отбытия наказания в виде лишения свободы;

4) криминологическая характеристика преступлений небольшой тяжести и лиц, виновных в их совершении, свидетельствующая о невысокой общественной опасности этих преступлений и виновных лиц, а также об отсутствии устойчивой антиобщественной ориентации личности;

5) оптимизация расходов бюджетных средств государства на производство по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести (уголовных проступках) за счет производства по ним в сокращенной форме, а также за счет сокращения числа лиц, находящихся в местах лишения свободы;

6) наличие категории уголовного проступка в дореволюционном уголовном законодательстве России, имеющей социальное, уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение;

¹ Кибальник А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65.

² Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 335.

7) опыт законодательного закрепления категории уголовного проступка в зарубежном уголовном законодательстве, свидетельствующий об эффективности существования данной категории с точки зрения установленных наказаний за его совершение, а также сокращенных сроков расследования уголовных дел при наличии полного объема процессуальных гарантий.

Основой формирования категории уголовных проступков должны стать преступления небольшой тяжести. Однако перевод преступлений небольшой тяжести в разряд уголовных проступков не может быть осуществлен автоматически. Выделение категории уголовного проступка предполагает установление критериев дифференциации общественно опасных деяний на преступления и уголовные проступки.

Критериями отнесения противоправных деяний к категории уголовных проступков являются:

1) характер общественной опасности деяния (объектами уголовных проступков являются объекты уголовно-правовой охраны, за исключением жизни человека, мира и безопасности человечества);

2) степень общественной опасности деяния, которая характеризуется:

– последствиями уголовных проступков (причинение легкого вреда здоровью человека; незначительного материального ущерба; вреда правам и законным интересам граждан);

– способом совершения деяния (насилие, не опасное для жизни и здоровья человека; обман, подкуп и т. д.);

– отношением субъекта к совершенному деянию и его последствиям (причинение легкого вреда здоровью как умышленно, так и по неосторожности; причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности и т.д.);

3) распространенность деяния;

4) общественное восприятие деяния как уголовного проступка.

В настоящее время в УК РФ содержится порядка 40 % составов преступлений небольшой тяжести. С учетом проведенного исследования на основании критериев отнесения противоправных деяний к уголовным проступкам мы пришли к выводу о том, что 25 % составов преступлений могут быть отнесены к уголовным проступкам.

Реализация идеи законодательного закрепления уголовного проступка представляется целесообразным путем проведения градации на уголовные проступки и иные преступления внутри действующего Уголовного закона, нежели путем принятия самостоятельного нормативного правового акта. Во-первых, такое решение дает возможность избежать дублирования большинства институтов Общей части УК РФ, которые должны быть едиными для преступлений и уголовных проступков (формы вины, обстоятельства, исключаяющие преступность деяния и т. д.). Во-вторых, тем са-

мым подчеркивается непосредственная близость уголовных проступков и преступлений, близость их социальной природы и характера общественной опасности. В-третьих, такое решение вопроса обязывает к строгому ведению статистического учета уголовных проступков и иных преступлений.

Подводя итог, отметим, что выявлены положительные результаты законодательного закрепления категории уголовного проступка:

1) статистически представить преступность адекватно действительному характеру и степени общественной опасности преступлений на две основные группы – уголовные проступки и иные преступления, т. е. средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие;

2) в соответствии с гуманизацией уголовной политики снизить число лиц, осуждаемых к лишению свободы на 12–15 %, снизить уровень судимости населения и уровень рецидива;

3) реализовать возможность более быстрого и эффективного реагирования на уголовные проступки ввиду введения упрощенной процедуры уголовного производства по делам о проступках;

4) применять медиационные процедуры по делам об уголовных проступках;

5) успешнее и эффективнее решать задачи предупреждения преступлений и уголовных проступков.

Снижение числа лиц, осуждаемых к лишению свободы, в среднем на 12–15 %, в свою очередь, позволит сократить расход бюджетных средств, выделяемых на содержание осужденных к лишению свободы. Расход денежных средств возможно сократить, упростив расследование по данной категории противоправных деяний.

© Рогова Е. В.

УДК341.231.14:340.13(470)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Правовое государство и право: теория и практика» Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ СОЦИОНОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сто лет назад в Российской империи произошло событие, которое по своему значению стало эпохальным, перевернуло многое в установленном порядке взаимоотношений, царь оказался ненужным, монархия стала рес-

публикой, огромное количество привычных установок, которые в течение многих веков приобрели почти сакральный характер, в одночасье оказались не таким уж и незыблемым. В такой ситуации исчезла необходимость вести разговор о правах и свободах, о чем шла речь за многие годы до февральской буржуазно-демократической революции: царя нет, вот тебе и свобода! Общественное сознание замкнулось на вопросах, связанных с гражданской войной, военным коммунизмом, нэпом, строительством государства нового типа и т. д. Тем не менее вся последующая история показала, что права и свободы человека – это нечто конкретное, обозначенное, сформулированное, оглашенное и не просто узаконенное, но и легитимированное явление, обусловленное многими факторами. Вроде бы все понятно, но, наш взгляд, ситуация требует конкретизации, потому что без этого понятие «права и свободы человека» так и остается простым словосочетанием.

Если поинтересоваться тем, что же означает слово «легитимный», то «Толковый словарь» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой объясняют его как «признаваемый законом, соответствующий закону»¹. Если идти по этому пути, то права и свободы человека и гражданина – это то, что зависит от закона. Получается, что законом можно установить, законом можно и ограничить, отменить эти права и свободы. Остается только определить, что собой представляет закон, учитывая то, что первая редакция данного словаря увидела свет еще в 1992 году, когда научная общественность только начинала обращать внимание на понимание и определение содержания понятий «право», «закон», «законность» и т.д. С точки зрения «Большого энциклопедического словаря» легитимацию можно понимать как «признание или подтверждение законности государственной власти, какого-либо социального института, статуса полномочий, опирающееся на принятые в данном обществе ценности. Основой легитимации могут быть традиции и обычаи, харизма, конституционные нормы, демократические выборы, референдум или плебисцит»². Здесь уже понятие «легитимность» характеризуется соответствием принятым в данном обществе ценностям. Утверждая, что «легитимность государственной власти – принятие власти со стороны подчиненных ей субъектов и их согласие с тем, что эта власть соответствует общим представлениям людей о справедливой политико-правовой системе», А. А. Иванов подчеркивает в содержании понятия «легитимность» такие моменты, как восприимчивость, согласованность и соответствие общим представлениям людей о справедливости³.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. С. 321.

² Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 632.

³ Иванов А. А. Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия. М.: Экзамен, 2006. С. 134.

В свою очередь, «Новый энциклопедический словарь» легитимацией называет признание, объявление законным, подтверждение законности политического режима, права или полномочия, от латинского слова «*legitimus*» – законный, правомерный; признание или подтверждение законности государственной власти, какого-либо права или полномочия, опирающееся на принятые в данном обществе ценности. И воспроизводит то, что написано в «Большом энциклопедическом словаре»: «основой легитимации могут быть традиции и обычаи, харизма, конституционные нормы, демократические выборы, референдум или плебисцит»¹. Таким образом, в сущностно-содержательной характеристике понятия «легитимность» появляются моменты, связанные с опорой на принятые в данном обществе ценности, традиции и обычаи, харизму, конституционные нормы, демократические выборы, референдум или плебисцит. Более подробно проблема легитимности власти как степень принятия, восприятия, согласия со стороны управляемых по отношению к управляющим, а также социально-правовые и психологические аспекты легитимности власти исследованы в монографии, написанной А. М. Дроздовой и С. А. Комаровым².

Ф. М. Раянов пишет, что «под легитимацией государственной власти в более широком смысле (в соответствии с философией Д. Локка) понимается формирование и деятельность государственной власти с согласия народа. В свою очередь, понятие «согласие народа» в сущностном смысле тесно связано с составными частями правового государства (конституционализмом, конституцией, гражданским обществом и т. д.). Поэтому лишь при реальном присутствии отмеченных институтов, составляющих основу общественно-политической системы общества, понятие «согласие народа» не превращается в некое аморфное выражение, а будет иметь реальный смысл и возможности реализации на практике»³.

На наш взгляд, в процессе определения, оглашения и легитимации прав и свобод человека и гражданина огромную роль сыграла «Всеобщая декларация прав человека», 69-я годовщина которой отмечается в 2017 году. Уже в Преамбуле декларации подчеркивается, что появление данной Декларации было предопределено необходимостью признания достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и их равных и неотъемлемых прав как основы свободы, справедливости и всеобщего мира; устранения из общественной жизни практики пренебрежительного отношения к правам человека, что привело к варварским актам, которые возмущают совесть человечества; создания такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды и необхо-

¹ Новый энциклопедический словарь. М.: РИПОЛ классик, 2012. С. 712.

² Дроздова А. М., Комаров С. А. Легитимация и ответственность власти во взаимоотношениях государства и личности (социально-философские и правовые аспекты): монография. 2-изд. СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2011.

³ Раянов Ф. М. Теория правового государства: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 145–146.

димостью того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения. При этом, бесспорно, Декларация на то и называется декларацией, потому что все это является намерениями так поступать в дальнейшем, в перспективе. В Преамбуле так и написано, что «Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства...».

В то же время, отмечая 69-ю годовщину «Всеобщей декларации прав человека», мы не можем сказать, что установки этого документа уже превращены в жизнь. На наш взгляд, можно указать, по крайней мере, две причины этого. Во-первых, это то, что Декларация стала результатом опыта Второй мировой войны и была провозглашена как задача, которую нужно было решить, исходя из того, какая ситуация тогда сложилась в мире. Одновременно через довольно большое количество времени после ее окончания в мире сложилась совершенно иная общественно-политическая обстановка. Народы, живущие в разных странах, привыкли к миру и отсутствию особо вопиющих нарушений прав человека на территории своих государств, многие страшные преступления фашизма и других режимов как бы нивелировались в общественном сознании. Во-вторых, это то, что Декларация является основой международных стандартов в области прав человека. Стандарт, в свою очередь, на то и называется стандартом, что ему можно соответствовать, а можно и не соответствовать, потому что в каждом государстве, у каждого народа свои традиции и обычаи, которые не могут не иметь влияния на правовые системы этих государств. По нашему мнению, многое в области реализации прав и свобод человека зависит не только от их правовой обеспеченности, но и от соционормативной обоснованности общественных отношений в государстве в целом.

Авторы книги «Правильное общество» пишут, что «в целом все современные общества, несмотря на их внешние различия, устроены примерно одинаково. Ими управляют несколько систем, ими движут несколько механизмов: политический, экономический, культурный и социальный. Политика отвечает за цели – куда движемся, зачем и что хотим сделать. Экономика отвечает за средства – как достичь тех целей, которые поставлены, как обеспечить выживаемость и приспособиться к изменчивой окружающей среде. Культура, в том числе мораль и религия, образование и наука, литература и искусство, отвечает за рационализацию и средства коммуникации – как осуществляется понимание и общение между людьми (язык, основные смысловые конструкции, моральные и этические ценности). Социальный механизм отвечает как раз за нормы и правила, институты, роли, отношения – он как бы соединяет в одно целое все другие механизмы или системы общества (самые простые, явные нормы и правила –

это право в виде юридического закона и его применение)¹. По нашему мнению, все эти механизмы эффективно и бесперебойно функционируют с помощью системы соционормативного регулирования, которая складывается в обществе, и благодаря своему естественному происхождению имеют согласованный, т.е. легитимный характер.

Ф. М. Раянов обращает внимание на то, что, «как показывает прогрессивная мировая практика, эффективна именно та государственная власть, которая осуществляет свою деятельность в полном согласии со своими гражданами, т. е. правовое государство»². В то же время, как это подчеркивает А. С. Шабуров, «ни власть, ни право не могут быть реальными гарантами исполнения законов, если право не легитимировано обществом. Причем, речь идет не просто об обществе, а обществе гражданском. Оно представляет собой не совокупность индивидов, а целостное, системное образование. Гражданское общество можно охарактеризовать как высокоорганизованное на основе права, общество свободных тружеников, частных собственников, характеризующееся высоким уровнем политической и правовой культуры»³. Поэтому в современных условиях «гражданское общество – единственный социальный институт легитимации современной государственной власти»⁴, и это положение подтверждается тем, что «институты гражданского общества и правового государства в современном мире стали основными трендами при решении вопросов выбора перспектив человеческого развития»⁵.

Авторы уже упомянутой нами книги «Правильное общество» отмечают, что правила не всегда существуют как обязательный порядок – свод законов – или принимаются людьми сознательно, иногда они вдруг появляются и быстро исчезают, и правила должны быть легитимными – либо они законны, тогда мы им подчиняемся, потому что за ними стоит вся сила государственного принуждения, либо обладают некоей степенью моральности, которая не обеспечивается силой правосудия, но принадлежит сфере порядочности и самосознания, и только так правила становятся более или менее справедливыми, признаваемыми всеми нами⁶. «В литературе довольно часто проводится мысль о том, что все социальные процессы подлежат управляющему воздействию, – писал Д. А. Керимов. – Между тем в обществе имеются и такие процессы, которые успешно протекают на

¹ Правильное общество / Липатов А. А. [и др.]; под. ред. Ю. В. Веселова. СПб.: Питер, 2015. С. 10.

² Раянов Ф. М. Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 16.

³ Шабуров А. С. Правовое государство: общетеоретические и практические проблемы формирования в России // Проблемы формирования правового государства в России: материалы Международной научно-практической конференции 20–21 марта 2013 г. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 24.

⁴ Раянов Ф. М. Гражданское общество и правовое государство – суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 8.

⁵ Раянов Ф. М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 59.

⁶ Липатов А. А. [и др.]. Указ. соч. С. 12–13.

основе саморегуляции и менее всего нуждаются во вмешательстве механизма государственного управления (например, отношения коллективности, взаимопомощи, сотрудничества, дружбы и т. д.). Это хорошо понимают юристы, постоянно сталкивающиеся с вопросом о целесообразности правового регулирования тех общественных отношений, которые и без него нормально развиваются»¹.

Говоря о том, что понятия «гражданское общество» и «правовое государство» в современных условиях нуждаются в переосмыслении, Ф.М. Раянов подчеркивает, что «о народе как о единственном источнике власти, хотя формально, но что-то еще нам известно и об этом иногда вспоминают в теоретической правовой науке. Но вот о народе же, как о единственном источнике права, отечественная юридическая наука пока еще вообще ничего даже не знает. Да, я не оговорился: именно государство - образующего народа или гражданского общества, что, по нашему мнению, одно и то же, необходимо рассмотреть в качестве не только единственного источника власти, но и единственного источника права»².

«Всеобщая декларация прав человека», будучи основополагающим документом исторической важности, в ч. 3 ст. 21 утверждает, что воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования. «Основные же положения Нового времени сводятся к тому, что человек, его права и свободы рассматриваются как высшая ценность, а государственно-организованный народ, объединенный в единое гражданское общество, – в качестве единственного источника права и власти, – отмечает Ф. М. Раянов. – Именно в соответствии с ценностями Нового времени само государство трансформируется в формируемый гражданским обществом институт и используется обществом для обеспечения прав и свобод человека»³, «сложившийся в нашей юриспруденции подход к правам и свободам человека нельзя не признать антропоцентрическим, возвышающим человека до наивысшей ценности по сравнению с любыми другими объектами естественной природы»⁴. Вся эта ситуация отражается и в понимании права вообще. По

¹ Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 4-е изд. М.: Изд-во СГУ, 2008. С. 512.

² Раянов Ф. М. Понимание гражданского общества и правового государства в отечественной юридической науке и современные потребности в его переосмыслении // Правовое государство: проблемы понимания и реализации: сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа 16–17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ф. Х. Галиев. В 2-х ч. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. Ч. 1. С. 5.

³ Раянов Ф. М. Научные подходы к пониманию правового государства и отечественная юридическая наука // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2 (40). С. 7.

⁴ Раянов Ф. М. Концепция устойчивого развития и российская государственно-правовая действительность // Право и политика. 2004. № 12 (60). С. 9.

мнению М. Н. Марченко, наиболее приемлемым в теоретическом и практическом плане определения понятия «право» могло быть определение Н. И. Матузова и А. В. Малько¹, согласно которому право понимается «как система общеобязательных, формально определенных норм, обеспечиваемых государством и направленных на регулирование поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-экономической, политической и духовной жизни»².

На наш взгляд, «принятые в данном обществе устои социально-экономической, политической и духовной жизни», на что обратили внимание в своем учебнике Н.И. Матузов и А.В. Малько, и представляют собой то окружение, в котором функционирует право, и в свою очередь, обеспечивают легитимность государственной власти на основе правовой культуры, сложившейся в обществе. Одновременно с этим, на саму правовую культуру воздействуют общие тенденции государственно-правового развития, и она оказывается более подверженной различного рода изменениям. Общепринятые модели поведения, способы и методы решения проблем, оценочные критерии надолго оказываются неизменными, и это объясняется тем, что они рациональны, просты, удобны и в процессе регулирования общественных отношений не требуют посредника в лице государственного органа или его представителя.

При всем этом «трудно сказать, какая социальная норма, регулирующая отношения между людьми, обществом и государством, наиболее действенна в процессе установления общественных отношений, оптимальных для их участников и желательных для общества в целом»³. Бесспорно, вся соционормативная база современного общества участвует в процессе достижения желаемого общественного и правового порядка. Однако одновременно бесспорным является и то, что в условиях формирования и дальнейшего развития правового государства правовые нормы становятся более значимыми и действенными, сводя на нет возможность существования неправовых способов решения жизненно важных проблем.

© Галиев Ф. Х.

¹ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2000. С. 112.

² Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 331–332.

³ Галиев Ф. Х. Правовая культура и культурные традиции: сущностно-содержательное взаимодействие // Правовое государство. 2009. № 4 (18). С. 9.

Ахмедов Руслан Маратович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия

ПРАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО РАССМОТРЕНИЮ НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ ТРУДОВЫХ ДЕЛ

Международное право создало юридические основания для формирования универсального трудового права Европейского Союза. Современное европейское международное трудовое право базируется на универсальных соглашениях, которые действуют в государствах-членах и заключены в соответствии с требованиями Организации Объединенных Наций и Международной организации труда. По содержанию между ними нет большого различия, но имеются различия в механизме контроля их исполнения.

Однако масштаб и универсальность международного трудового права не показывают абсолютно реальную картину правоприменения «на местах» и содержат определенную противоречивость правоприменения вышеуказанных норм в локальных актах при регламентировании трудовых отношений, в том числе в странах – членах ЕС. Устранить вышеуказанные противоречия в рамках европейского сообщества призван Европейский суд.

В этой связи деятельность Европейского суда по расширительному толкованию прав и свобод, человека и гражданина представляет определенный научный и практический интерес. В современной отечественной юридической научной литературе все более активной становится дискуссия о реализации и применении прецедентного права Европейского суда в отечественном судопроизводстве и правоприменении его, в том числе и в вопросах реализации трудовых прав и свобод. Так как трудовое право, по мнению Т. А. Постоваловой, является гибким инструментом государства широкого спектра действия, социальным амортизатором, представляющим большую ценность с точки зрения обеспечения социального мира, функционирования производства и общества в целом, его нормального развития¹.

Проведем аналитический обзор некоторых категорий дел Европейского суда, имеющих прецедентное значение для европейского судопроизводства.

Дискриминация

¹ Постовалова Т. А. Трудовое право Европейского Союза. Теория и практика. М.: Проспект, 2015. С. 34.

Фабула и юридические основания дела Симутенкова и выводы Суда Европейских сообществ достаточно полно исследованы в научных публикациях¹. Российский футболист Игорь Симутенков, игравший за испанский клуб «Депортиво» (Тенерифе), оспаривал дискриминирующее положение правил Королевской федерации футбола Испании (КФФИ). Правила ограничивали количество игроков, не являющихся гражданами государств-членов (так называемых легионеров), которые могут выставляться одновременно в основном составе футбольной команды. До недавнего времени ограничения на участие иностранных футболистов в составе национальных клубов были установлены в национальных футбольных лигах в большинстве стран Европы. Ситуацию в странах Европейского Союза изменило решение Суда по делу «*Bosman*»², в котором профессиональные спортсмены были признаны работниками-мигрантами в значении ДФЕС. Дело «*Bosman*» повлекло за собой упразднение квот на легионеров из государств-членов и стран Европейского экономического пространства.

Дело «*Simutenkov*» дало расширительное толкование запрету недискриминации в трудовых правах граждан третьих стран, трудоустроившихся на законных основаниях в ЕС. В деле четко говорится о равенстве не только в условиях труда (как это провозглашается в Хартии Европейского Союза об основных правах 2000 г.), но и в том, что касается оплаты труда и условий увольнения.

В решении Суда ЕС по делу Валраве (*Walrave*) Валраве работал как лидер при велогонщике. Он хотел эту деятельность осуществлять на международных гонках при велогонщике другой национальности. Однако Регламент Международного союза велосипедистов ограничивал это право, определяя, что лидер гонщика должен иметь ту же национальность, что и сам гонщик. Валраве обжаловал это положение, ссылаясь на свободу учреждений и свободу передвижения наемного работника, при которых запрещается дискриминация³.

Суд решил, что установленный в ст. 19 Договора о ЕЭС запрет различного отношения применяется также к частным объединениям. Суд обосновал это тем, что «устранение препятствий для свободного передвижения лиц и услуг, одна из существенных целей ЕС, была бы поставлена под угрозу, если действие устраненных государственных ограничений было бы возобновлено тем, что частнопроводные объединения и учреждения создавали бы подобные препятствия в силу их правовой автономии, и в их компетенции находятся, в частности, условия труда в государствах-членах,

¹ Калиниченко П. А. Защита прав российских частных лиц в Европейском Союзе в контексте Решения Суда ЕС по делу Симутенкова // Закон. 2008. № 1. С. 211–220; Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский Союз в 2004–2005 гг. СПб., 2006. С. 375–381.

² См.: Case 61/89 Union Royale Belge des Societes de Football Association v. Jean-Marc Bosman, Royal Club Liegeois SA v. Jean-Marc Bosman and others, Union des Associations Europeennes de Football (UEFA) v. Jean-Marc Bosman (Bosman) [1990] ECR I-3551.

³ Постовалова Т. А. Указ. соч. С. 44.

которые регулируются законами, подзаконными актами или договорами или подобными правовыми соглашениями, которые заключаются с частными лицами или принимаются частными лицами», из чего возникает опасность неединообразного применения запрета дискриминации (пп. 16–19 решения).

Уважение частной жизни

В 2015 году Европейский суд дополнил понятие «права работника на уважение частной жизни», которое гарантировано ст. 8 ЕКПЧ.

В деле *«Сыро против Эстонии»* Европейский суд, рассмотрев заявление бывшего водителя КГБ, где заявитель утверждал, что публичное раскрытие информации о его прошлой работе нарушило право на уважение его личной жизни, обратил внимание на тот факт, что необходимость публикации информации о работе в органах КГБ распространялась на всех бывших работников данной организации независимо от конкретной трудовой функции, которую они выполняли, и без проведения различий по степени участия в ее деятельности. В то же время ЕС установил, что такая публикация является вмешательством в право заявителя на уважение его личной жизни, и пришел к выводу о том, что оно было несоразмерно преследуемым государством законным целям¹.

В деле *«Бэрбулеску против Румынии»* заявитель, являвшийся сотрудником частной компании, был уволен за использование в личных целях служебного аккаунта Yahoo Messenger в рабочее время, что было запрещено правилами внутреннего трудового распорядка компании – работодателя². Записи сообщений личного характера были предоставлены работодателем в суд в качестве доказательства нарушения работником трудовых обязанностей и правил организации при разрешении спора об увольнении.

Мнения судей Европейского суда при рассмотрении данного дела разделились. Большинство судей в обоснование своего решения сослались на то, что внутригосударственными судами был установлен надлежащий баланс между правом заявителя на уважение частной жизни и интересами его работодателя. При этом Суд не стал анализировать доводы заявителя о том, что информация личного характера, ставшая известной работодателю в результате мониторинга использования служебного аккаунта, была сообщена его коллегам и обсуждалась на рабочем месте. Европейский суд отметил, что данные доводы заявитель мог приводить в рамках дела о защите чести и достоинства, но не в рамках дела об обжаловании дисциплинарного взыскания в виде увольнения.

Кроме того, ЕС подтвердил вывод внутригосударственных органов о том, что у работодателя не было другой возможности для проверки соответствия использования служебных аккаунтов внутренней политике орга-

¹ См.: Постановление Европейского суда от 3 сентября 2015 г., жалоба № 22588/08 // СПС «Консультант-Плюс».

² Там же.

низации, поскольку заявитель оспаривал использование Yahoo Messenger в личных целях. Судом было установлено, что все работники, в том числе заявитель, были ознакомлены с запретом на использование служебных технических средств в личных целях. Исследовав все обстоятельства дела, Европейский суд пришел к выводу, о том что работодатель действовал в пределах своих дисциплинарных полномочий, и отметил, что мониторинг сообщений работника был ограничен и обоснован.

Однако судья Паулу Пинту де Альбукерке, не согласившийся с решением большинства судей о том, что право заявителя на защиту частной жизни в данном деле не было нарушено, отметил, что отсутствие предупреждения должно иметь решающее значение в этом деле и является свидетельством того, что в отношении заявителя была нарушена ст. 8 ЕКПЧ.

По мнению специалистов, Европейский суд на пути обеспечения права работника на частную жизнь в деле *«Бэрбулеску против Румынии»* сделал шаг назад, несмотря на то, что уже были сформированы стандарты обоснованного ожидания работником сохранения тайны частной жизни, примером тому являются ранее рассмотренные дела *«Халфорд против Соединенного Королевства»*, *«Копланд против Соединенного Королевства»*, *«Карин Кенке против Германии»*.

В деле *«Халфорд против Соединенного Королевства»* заявительница обжаловала прослушивание ее рабочего телефона. В деле *«Копланд против Соединенного Королевства»* заявительница просила признать незаконным действия работодателя по прослушиванию ее рабочего телефона и просмотра ее электронной почты, отправляемой с рабочего компьютера. В деле *«Карин Кенке против Германии»*, заявительница обжаловала свое увольнение в результате выявления осуществляемого ею хищения скрытно установленной работодателем видеокамерой.

В первых двух случаях Европейский суд установил нарушения положений норм ЕКПЧ, тем самым определяя стандарт ожидания работником сохранения тайны частной жизни. В деле *«Карин Кенке против Германии»* Суд принял решение, что внутригосударственные власти соблюли баланс между правом заявительницы на уважение ее личной жизни и интересом работодателя в защите его имущественных прав.

Свобода выражения мнения

В данной категории представляют интерес следующие дела.

В деле *«Лангер против Германии»*, заявитель муниципальный служащий, был уволен за публичное обвинение заместителя мэра во вмешательстве в правосудие¹. Рассматривая форму выражения заявителем обвинения в отношении заместителя мэра, Европейский суд установил, что устное заявление, ранее сделанное заявителем на встрече в муниципалитете, было впоследствии выражено в письменной форме. Следовательно, у

¹ См.: Постановление Европейского Суда от 17 сентября 2015 г., жалоба № 14464/11 // СПС «КонсультантПлюс».

заявителя было время, чтобы подумать о последствиях своего высказывания и изучить возможные юридические последствия своих утверждений, которые были вызваны личными неприязненными отношениями. Суд, исследовав пропорциональность увольнения в качестве дисциплинарного наказания, пришел к выводу о том, что вмешательство в право заявителя на свободу выражения было пропорционально допущенному нарушению и не нарушило ст. 10 ЕКПЧ.

В деле *«Аурелиан Опря против Румынии»* заявитель, доцент Университета агрономических наук и ветеринарной медицины, выступил на пресс-конференции с критикой коррупции в университете, поощрения плагиата управления программой финансирования государством научных исследований, а также совмещения проректором управленческих должностей¹. В последующем эти обвинения были опубликованы в газетной статье. В гражданском судопроизводстве заявитель был привлечен к ответственности за то, что информация о критике в отношении проректора и обвинениях в его адрес была передана журналистам. Сумма денежного взыскания по результатам внутригосударственного судопроизводства составила 7 470 евро.

Европейский суд, изучив обстоятельства дела, установил, что заявитель действовал без цели причинения вреда проректору, первоначально сообщил информацию о недостатках в работе проректора ректору Университета и в Министерство образования. Однако это не привело к изменению ситуации в управлении университетом, что и послужило причиной передачи информации средствам массовой информации.

Вывод Европейского суда следующий: решение внутригосударственного суда об обязательстве заявителя выплатить компенсацию проректору нарушило право заявителя на свободу выражения мнения, поскольку деятельность проректора университета подразумевает более высокую степень общественного контроля, чем в отношении частного лица, даже в тех случаях, когда контроль может оказать негативное влияние на его честь и репутацию.

В деле *«Харламов против Российской Федерации»* заявителю, профессору физики, был предъявлен иск о клевете после того, как он подверг критике процедуру выборов органа правления университета². Проблема, поднятая заявителем, вызвала всеобщий интерес.

При рассмотрении данного дела ЕС сосредоточился главным образом на недостатках рассмотрения дел заявителя в рамках национальных гражданских процессов. Изучив обстоятельства дела, Европейский суд подчеркнул, что мера, запрещающая заявления с критикой в отношении

¹ См.: Постановление Европейского суда от 19 января 2016 г., жалоба № 12138/08 // СПС «Консультант-Плюс».

² См.: Постановление Европейского суда от 8 октября 2015 г., жалоба № 27447/07 // СПС «Консультант-Плюс».

избранных лиц, может быть оправдана защитой прав или репутации других только в исключительных обстоятельствах.

Схожими по обстоятельствам рассматриваемой категории также являются дела *«Рубинс против Латвии»* и *«Бака против Венгрии»*.

Принудительный труд

В данной категории дел Европейский суд интерпретирует понятие «принудительный или обязательный труд», опираясь на положения Конвенции Международной организации труда № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда»¹. При этом ЕС подходит к толкованию данного понятия ограничительно и не склонен расширять его. Категория «принудительный труд» характеризуется в нескольких подкатегориях, рассмотрим основные.

а) расширительное понимание «принудительного труда»

Так, в делах *«Внучко против Украины»* и *«Акерл и другие против Австрии»* Европейский суд отказался признать неоплачиваемую работу в качестве принудительного труда². В деле *«Штуммер против Австрии»* не посчитал принудительным трудом работу заключенных без права на получение пенсии по старости³;

б) служба военного характера или служба, назначенная вместо обязательной военной службы.

Определенный интерес представляет дело *«Хитос против Греции»*, где заявитель, являвшийся офицером вооруженных сил, утверждал, что обязанность выплатить пошлину государству в размере 106960 евро, чтобы уйти в отставку до конца срока службы, противоречит статье 4 ЕКПЧ⁴. Рассматривая данное дело, ЕС определил содержание исключений, предусмотренных в п. 3 ст. 4 ЕКПЧ, которая определяет виды деятельности, которые не признаются принудительным трудом. Согласно указанному пункту ЕКПЧ термин «принудительный или обязательный труд» не включает военную службу или в случае реализации права на альтернативную гражданскую службу лица, осуществляемую вместо обязательной военной службы⁵.

В этом деле Европейский суд отметил, следующее: во-первых, стремление государства обеспечить возмещение затрат на подготовку офицеров вооруженных сил оправданно, в том числе путем возложения обязанности оплатить расходы на обучение и содержание военнослужаще-

¹ Конвенция № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда» // Ведомости ВС СССР.02.07.1956 г., № 13. Ст. 279.

² См.: Постановление Европейского суда от 14 декабря 2006 г., жалоба № 1198/04 // СПС «Консультант-Плюс»; Постановление Европейского суда от 29 июня 1994 г. жалоба № 20781/92 // СПС «Консультант-Плюс».

³ См.: Постановление Европейского суда от 7 июля 2011 г., жалоба № 37452/02 // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ См.: Постановление Европейского суда от 4 июня 2015 г., жалоба № 51637/12 // СПС «Консультант-Плюс».

⁵ Конвенция № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда» // Ведомости ВС СССР.02.07.1956. № 13. Ст. 279.

го; во-вторых, денежная сумма, которую государственные органы потребовали оплатить заявителю, была чрезмерно высокой. Кроме того, ЕС обратил внимание на тот факт, что заявителю не была предоставлена возможность оплатить указанную денежную сумму в рассрочку. Более того, за несвоевременную оплату платежа были включены пени, несмотря на то, что внутригосударственными органами судопроизводства не было принято окончательное решение по рассматриваемому делу. Изложенные обстоятельства позволили Европейскому суду прийти к выводу о том, что действия Греции против Хитоса нарушили запрет принудительного труда, закрепленный в п. 2 ст. 4 ЕКПЧ.

В деле «*W., X., Y. и Z. против Соединённого Королевства*» четверо подростков в возрасте от 15 до 16 лет были призваны в британский флот на девятилетний срок. Их просьбы об освобождении от службы по различным причинам личного характера были властями отклонены. Они пожаловались на то, что попали, по их мнению, в подневольное положение.

Комиссия постановила, однако, что ст. 4 проводит различие между «подневольным состоянием» и «принудительным или обязательным трудом», и, хотя в реальности они нередко пересекаются, они не могут считаться эквивалентными. Комиссия также постановила, что положение, явно исключаящее военную службу из сферы действия термина «принудительный или обязательный труд», не обязательно исключает такую службу из сферы действия запрета, направленного против «рабства или подневольного состояния». Комиссия постановила, что, как правило, обязанность солдата, вступающего в вооруженные силы после достижения совершеннолетия, соблюдать условия его найма и подчиняться связанным с этим ограничениям его свободы и прав личности, не представляет собой обесценивание прав, которое может попадать в сферу действия термина «рабство или подневольное состояние». Было также установлено, что юный возраст заявителей, которые вступили в вооруженные силы с согласия родителей, не может обусловить применение термина «рабство» к нормальному положению солдата¹.

с) рабство и подневольное состояние

В деле «*Siliadin против Франции*» заявительница, гражданка Того, прибывшая в 1994 году во Францию на учёбу, вынуждена была вместо этого прислуживать в одном из частных домов Парижа. У неё отобрали паспорт и в течение нескольких лет она работала по 15 часов в день без выходных, не получая никакой оплаты. Заявительница жаловалась на то, что стала жертвой домашнего рабства.

Европейский суд по правам человека решил, что заявительница не находилась в рабстве, поскольку её наниматели хотя и имели над ней контроль, но всё же не обладали «традиционным правом собственности на неё

¹ См.: Руководство по применению статьи 4 Конвенции. Запрещение рабства и принудительного труда. 2014.. // www.echr/coe/int.

как на какую-либо вещь». Тем не менее Суд отметил, что действовавшее на тот момент уголовное законодательство не обеспечивало заявительнице должную защиту, и хотя оно впоследствии было изменено, на подобные ситуации всё ещё не распространялось. Суд пришёл к выводу о том, что заявительница находилась в подневольном состоянии в нарушение ст. 4 (запрещение рабства, подневольного состояния и принудительного или обязательного труда) Европейской конвенции по правам человека¹.

d) свобода от принудительного и обязательного труда, являющаяся частью обычных гражданских обязанностей

В деле «*Van der Musselle против Бельгии*» заявителем по делу выступал адвокат-стажёр, который был назначен бесплатно защищать неимущих обвиняемых. Он полагал, что это был принудительный труд.

Суд, обратившись к Конвенции МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда»,² решил, что нарушения ст. 4 не было. Бесплатная юридическая помощь, которую заявитель должен был оказывать, была связана с его профессией, предоставляла ему определённые преимущества, такие как исключительное право выступать в суде, и способствовала повышению его квалификации. Эта обязанность была связана с другим правом, предусмотренным Конвенцией (ст. 6 (1) право на помощь адвоката), и, говоря терминами ст. 4 (3), могла рассматриваться как часть обычных гражданских обязанностей». Наконец, обязательное бесплатное оказание адвокатских услуг оставляло заявителю достаточно времени для оплачиваемой работы.

В целях уточнения понятия «труд» в смысле статьи 4 параграфа 2 Конвенции Суд подчеркнул, что не всякая работа, требуемая от лица под угрозой «наказания», обязательно является «принудительным или обязательным трудом», запрещенным этим положением³. Следует также принимать во внимание такие факторы, как тип и объем работы. Эти факторы помогают провести различие между «принудительным трудом» и помощью, которую было бы разумно ожидать от других членов семьи или людей, живущих в том же доме. В этой связи в деле «*Van der Musselle против Бельгии*» Суд использовал понятие «непропорциональное бремя», чтобы определить, был ли адвокат привлечен к принудительному труду, когда от него потребовали бесплатно защищать клиентов в качестве назначенного судом адвоката⁴.

¹ См.: Принудительный труд и торговля людьми. // Информационно-тематический листок Европейского суда по правам человека. 2011. Сентябрь.

² Конвенция № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда» // Ведомости ВС СССР.02.07.1956. № 13. Ст. 279.

³ Там же.

⁴ См.: Руководство по применению статьи 4 Конвенции. Запрещение рабства и принудительного труда 2014 // www.echr/coe/int.

Схожие обстоятельства рассмотрены в деле «*Стейндел против Германии*»¹, «*Зарб Адами против Мальты*»), «*Карлхайнц Шмидт против Германии*»), «*Рейтмаяр против Австрии*»), «*Стейндел против Германии*»), «*Фоур Компания против Австрии*»), «*Karol Mihal против Словакии*».

е) работа, которую должно выполнять лицо, находящееся в заключении или условно освобожденное от заключения

В деле «*Van Droogenbroeck против Бельгии*» заявитель был осуждён за кражу и отсидел за неё два года. После этого в течение нескольких лет он находился под наблюдением государственных служб, которые могли повторно вернуть его в тюрьму. Он жаловался на то, что находился в подневольном состоянии, поскольку зависел от «капризов администрации» и был принуждён к труду для того, чтобы иметь на счету некоторую сумму денег.

Суд посчитал, что нарушения ст. 4 не было. По мнению Суда, требуемая работа не выходила за рамки «обычной» в этом контексте, так как была направлена на то, чтобы помочь реинтеграции заключенного в общество, и имела правовую основу, эквиваленты которой можно найти в ряде других государств-членов Совета Европы. Суд подчеркнул, что ситуация заявителя могла бы рассматриваться как подневольное состояние только тогда, когда она включала бы серьёзную степень ограничения свободы. В деле же заявителя такого не наблюдалось.

Что касается оплаты труда заключенных, в данном вопросе интерес представляет дело «*Флороиу против Румынии*», где Суд отметил, что заключенные могли выполнять либо оплачиваемую работу, либо в случае заданий, связанных с повседневным функционированием тюрьмы, работу, которая не подлежит оплате, но дает им право на сокращение срока наказания. Согласно законодательству, заключенные имели возможность выбирать между двумя типами работы после того, как их проинформировали об условиях, применимых в каждом случае. Принимая во внимание тот факт, что срок заключения заявителя был значительно сокращен, Суд установил, что работа, выполненная заявителем, не была полностью неоплачиваемой, и, следовательно, работа, выполненная заявителем, может рассматриваться как «работа, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении» по смыслу ст. 4 параграфа 3 (а) Конвенции².

Также определенный интерес в данной категории представляет дело «*De Wilde, Ooms u Versyp («дела о бродяжничестве») против Бельгии*».

ф) торговля людьми и принуждение к занятию проституцией

В деле «*Ранцева против Кипра и России*», заявителем по делу выступал отец молодой девушки, погибшей на Кипре, куда она отправилась работать в 2001 году. Он жаловался на то, что полиция Кипра не сделала всё возможное для защиты его дочери от продажи в рабство, и для наказания

¹ См.: Там же.

² См.: Руководство по применению статьи 4 Конвенции. Запрещение рабства и принудительного труда. 2014. // www.echr/coe/int.

лиц, виновных в её гибели. Он также жаловался на то, что власти России не провели расследования по факту продажи его дочери и её последующей гибели, а также не приняли мер для её защиты от торговцев людьми.

Суд отметил, что, как и при рабстве, при торговле людьми человеческие существа рассматриваются как товар, который покупается и продаётся, и принуждаются к труду, соответственно сама торговля людьми запрещена ст. 4. Суд посчитал, что власти Кипра нарушили ст. 4, поскольку они не ввели в действие надлежащие правовой и административный механизмы по борьбе с торговлей людьми, а также потому, что полиция не защитила госпожу Ранцеву, несмотря на то, что обстоятельства ясно указывали на то, что она могла быть жертвой торговли людьми. Также имело место нарушение ст. 4 со стороны властей России, так как они не расследовали обстоятельства того, где и как Ранцева была нанята на работу, кто был её нанимателем и какие методы при этом использовались.

В деле *«Кайя против Германии»* заявитель, гражданин Турции, прожил в Германии около 30 лет. В 1999 году он был осуждён за различные тяжкие преступления, включая покушение на торговлю людьми и нанесение побоев. Суды установили, что он избил двух женщин, принуждая их к занятию проституцией, заставил свою бывшую партнёршу отдавать ему все деньги, которые она зарабатывала проституцией, а также лишил свободы ещё одну женщину, пытаясь принудить её к занятию проституцией, чтобы отбирать зарабатываемые ей деньги. В 2001 году после того, как заявитель отсидел две трети от срока, Германия выслала его в Турцию. Суды посчитали, что был высокий риск, что он продолжит представлять серьёзную угрозу для правопорядка. Заявитель жаловался на то, что его высылка из Германии нарушила его частную и семейную жизнь.

Суд посчитал, что высылка заявителя соответствовала требованиям Конвенции, учитывая, что он был осуждён за достаточно серьёзные преступления на территории Германии, а также в свете того, что в итоге он смог вернуться обратно в Германию, нарушения ст. 8 не было.

Таким образом, по результатам аналитического обзора некоторых категорий трудовых дел, рассмотренных Европейским судом, необходимо отметить, что принятые решения Европейского Суда направлены на обеспечение национальными судами баланса прав работников и интересов работодателей или/и государства. Правоприменительная деятельность Европейского Суда является ключевым в расширительном толковании отдельных положений и норм Европейской Конвенции по правам человека в сфере обеспечения и реализации прав человека, в том числе и в контексте трудовых отношений.

Якубина Юлия Павловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ОСУЖДЁННОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Стандарты правосудия тесным образом сопряжены с правом гражданина на справедливое судебное разбирательство и противостоят тем формам судейской «технологии», в которых пренебрежение процессуальными гарантиями подчас сводит на нет само отправление правосудия и подвергает сомнению независимость судьи. Практика Европейского суда по правам человека в деле обеспечения и восстановления права на справедливый суд – яркое тому доказательство¹.

В уголовно-процессуальном законе закреплено, что обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденный.

В уголовно-процессуальной литературе распространено мнение, что осужденный, участвующий в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, по своему процессуальному положению является обвиняемым. При этом одни ученые считают, что осужденный сохраняет за собой статус обвиняемого². Другие, признавая специфику материально-правового положения осужденного, в процессуальном плане фактически наделяют его или же выступают за предоставление ему такого статуса³. Во многом основу подобных взглядов закладывает уголовно-процессуальный закон, устанавливающий, что обвиняемый вправе участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора (п. 20 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Буквальное толкование приводимых норм действительно позволяет предположить, что осужденный, участвующий в данных производствах, по своему процессуальному положению продолжает оставаться обвиняемым. Вместе с тем приведенное предположение не является бесспорным.

Безусловно, процессуальное положение осужденного, участвующего в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с ис-

¹ Ковлер А. И. Международные принципы независимой судебной власти. К проблеме исследования стандартов справедливого правосудия в свете судейской независимости // СПС «КонсультантПлюс».

² Адаменко В. Д. Процессуальные стадии, связанные с реализацией приговора, определения и постановления суда. Кемерово, 1993. С. 120.

³ Борисевич Г. Я. Обеспечение прав и законных интересов осужденного в стадии исполнения приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1986. С. 9.

полнением приговора, и обвиняемого имеют сходство, поскольку являются субъектами, в отношении которых ведется уголовное судопроизводство.

В литературе выделяются два подхода к определению процессуального положения лица, в отношении которого ведется судопроизводство. Согласно первому оно определяется его базовым отраслевым статусом, преломляющимся применительно к определенной стадии или уголовно-процессуальному производству¹. Второй основывается на отрицании единого отраслевого статуса в уголовном судопроизводстве и признании за каждым участником процессуальной деятельности специального процессуального положения². Опираясь на первую позицию, действительно можно вести речь о том, что процессуальное положение осужденного в некотором роде обуславливается процессуальным статусом обвиняемого как основного участника со стороны защиты. Однако такой подход не может быть взят за основу при сопоставлении статусов участников различных производств. Отдельный предмет, специфика задач и содержание процессуальной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, приводят к тому, что у осужденного и обвиняемого наличествуют свои основания появления в процессе, различный объем процессуальных прав и обязанностей и как результат – несовпадающая направленность процессуальной деятельности.

Основанием появления обвиняемого в уголовном судопроизводстве служит инкриминирование ему деяния, запрещенного Уголовным законом, в то время как основание вхождения в процесс осужденного заключается в появлении новых обстоятельств, связанных с отбыванием наказания. Лицо наделяется процессуальным статусом «обвиняемый» в результате вынесения соответствующего акта на основании предварительно установленных фактических данных, изобличающих его в совершении преступления, органами предварительного расследования. Процессуальный статус осужденного определяется в результате возбуждения соответствующего производства судьей на основании представленных им самим или специальным государственным органом (например, исправительным учреждением) документов, свидетельствующих о появлении новых обстоятельств, влияющих на дальнейшее отбывание наказания.

УПК РФ наделяет обвиняемого и осужденного различной совокупностью прав. Различный характер возможностей этих участников заключается, во-первых, в том, что они не дополняют и никаким иным образом не обуславливают друг друга. Основные процессуальные возможности обвиняемого неприменимы в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, так же как и некоторые права

¹ Корнуков В. М. Правовой статус личности в уголовном судопроизводстве // Проблемы правового статуса в уголовном процессе. Саратов, 1981. С. 40–42.

² Мартынич Е. Г., Радьков В. П., Юрченко В. Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982. С. 11–12.

осужденного – в ходе процессуальной деятельности на стадии исполнения приговора. К примеру, едва ли можно вести речь об использовании в рассматриваемых производствах таких возможностей, как возражать против обвинения либо отказаться от дачи показаний, так же как проблематично говорить о том, что право осужденного давать объяснения в ходе судебного разбирательства вытекает из права обвиняемого давать показания.

Во-вторых, различно содержание этих прав. Анализ норм УПК РФ показывает, что права осужденного носят усеченный характер. Так, если в производстве по уголовному делу обвиняемый наделяется правом представлять доказательства на любой стадии судопроизводства (п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), то в производстве по разрешению вопросов исполнения приговора осужденный имеет ограниченную возможность представления документов на стадии судебного разбирательства (ч. 3 ст. 399 УПК РФ).

Процессуальное положение этих участников судопроизводства обладает различной направленностью. По своему правовому положению обвиняемый является невиновным до момента признания его виновным решением суда, вступившим в законную силу. В отличие от обвиняемого, правовое положение осужденного определяется тем, что он испытывает на себе лишения и ограничения, наложенные на него приговором суда. В связи с этим его правовая позиция направлена не на сохранение статуса осужденного, а на освобождение от этих ограничений и лишений или их смягчение.

В процессуальном плане активность обвиняемого, как правило, носит ярко выраженный восстановительный характер, заключающийся в освобождении от любых форм уголовно-процессуального воздействия и стремлении как можно скорее покинуть уголовный процесс. В свою очередь, процессуальная активность осужденного, наоборот, заключается в стремлении войти в уголовный процесс с целью отстоять свое притязание на досрочное освобождение или иное изменение ранее назначенного наказания и с этих позиций может носить не только восстановительный, но и охранительный характер. Следовательно, правовое положение обвиняемого носит негативную направленность, а активность осужденного может обладать как негативным, так и позитивным характером.

Справедливо указывают ученые, что правовое положение участников стадии исполнения приговора регламентировано фрагментарно¹. Осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката. Однако без внимания законодателя остались другие процессуальные права, которые осужденный может использовать на других этапах осуществления уголовно-процессуальных правовых отношений на данной стадии².

¹ Овсянников И. В. Правовое положение участников стадии исполнения приговора нуждается в совершенствовании // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников. Рязань, 2017. С. 155.

² Сурин В. В. Правовое положение участников стадии исполнения приговора / III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников. Рязань, 2017. С. 189.

Таким образом, основания вступления в уголовное судопроизводство, объем процессуальных возможностей и направленность процессуальной деятельности не позволяют признать осужденного, участвующего в производстве по разрешению вопросов исполнения приговора, обвиняемым.

В. Корниенко указывает, если считать, что права осужденного при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора, установленные в ч. 3 ст. 399 УПК РФ, являются исчерпывающими, то необходимо признать, что в судебном разбирательстве, носящем публичный, состязательный и равноправный для сторон характер, осужденный не имеет прав, которые в соответствии с ч. 4 ст. 47 УПК РФ предоставлены обвиняемому¹.

Стоит отметить, что свой статус осужденного он приобретает после провозглашения обвинительного приговора. Приобретая статус осужденного, лицо наделяется определенным набором прав и обязанностей, закрепленных в соответствующих правовых нормах. Правовой статус осужденных закреплен в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, он регламентирует права и обязанности осужденного во время отбывания наказания, в частности в ст. 12 УИК РФ закрепляет основные права осужденных. Очевидно, что общий правовой статус осужденного, закрепленный в уголовно-исполнительном законодательстве, не регламентирует права и обязанности осужденного на стадии исполнения приговора с точки зрения уголовного процесса².

Из вышеизложенного становится очевидным, что необходимо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе правовое положение осужденного, основания и порядок участия на стадии исполнения приговора. С учетом тесной связи правовых интересов осужденного с судебным производством по разрешению вопросов при исполнении приговора представляется целесообразно нормы, регламентирующие правовое положение осужденного, включить в Уголовно-процессуальный кодекс. На наш взгляд, нормы о правовом статусе осужденного необходимо прописать в отдельной статье и включить её в гл. 47 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» разд. 14 «Исполнение приговора» УПК РФ.

© Якубина Ю. П.

¹ Корниенко В. Право осужденного на защиту при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовное право. 2006. № 3.

² Сыч В. К. Осужденный как участник стадии исполнения приговора / III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников. Рязань, 2017. С. 233.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА
В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 69-й годовщине со дня принятия
Всеобщей декларации прав человека

14–15 декабря 2017 года

Часть I

Редактор Л.Т. Курбанова

Подписано в печать	23.03.2018	Формат 60х84 1/16
Уч.-изд. л. 8,8	Заказ № 21	Усл. печ. л. 9,0
Тираж 60 экз.		

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*